

ISSN 0869-544X (print)
ISSN 2949-3927 (online)

Российская Академия Наук

СЛАВЯНО •
• ВЕДЕНИЕ
SLAVIC STUDIES

НАУКА

— 1727 —

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Институт славяноведения РАН

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ / Slavic Studies

4
2025

ИЮЛЬ •

АВГУСТ •

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

И.А. Седакова (гл. редактор), **А.С. Стыкалин** (отв. секретарь), **И.Е. Адельгейм**,
М.В. Белов, **О.В. Белова**, **М.М. Валенцова**, **Т.В. Володина** (Беларусь), **М. Гардзанини** (Италия),
А.Н. Галямичев, **А.А. Гиппиус**, **Хр. Дейкова** (Болгария), **М. Зеленка** (Чехия), **Е.Н. Ковтун**,
М.В. Лескинен, **К.В. Лифанов**, **Г.Ф. Матвеев**, **Л. Матейко**, **В.В. Мочалова**, **С.А. Мызников**,
К.В. Никифоров, **О.В. Павленко**, **В. Павлович** (Сербия), **В.Я. Петрухин**,
Р. Прешленова (Болгария), **М.А. Робинсон**, **Н.Н. Старикова**, **О.В. Хаванова**,
Э. Шашхалми (Венгрия), **Е.И. Якушкина**.

Заведующая редакцией *Е.Ю. Нуйкина*

Сотрудники редакции: *Л.А. Авакова, Т.Ю. Кравченко, И.Ю. Веслова*

Адрес редакции: 119334, Москва, Ленинский проспект, д.32а

Телефон +7 (495) 938-01-20

E-mail: slav@pran.ru, zhurslav@inslav.ru

Сайт <http://slavras.ru>

Рукописи принимаются в электронном виде объемом: статьи не более 40 тыс. знаков, сообщения — до 30 тыс., рецензии — до 20 тыс. знаков. Статьи и сообщения должны сопровождаться краткой аннотацией (не менее 100 слов) и ключевыми словами (5–7 слов) на русском и английском языках. Подать заявку на публикацию статьи, а также ознакомиться с содержанием журнала можно по адресу: <https://ras.jes.su/slav>.

Научный аппарат должен быть оформлен в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Правила оформления см. на сайте: <https://inslav.ru/page/pravila-publikacii-v-zhurnale-slavyanovedenie-information-authors>. Авторы должны предоставить сведения о степени, должности, месте работы; номер Orcid, адрес электронной почты и контактный телефон.

Содержание

СТАТЬИ

Лазарев Я.А. (Екатеринбург). Проект В.В. Капниста по созданию наемных (охочих) казацких полков и его судьба	5
Каширин В.Б. (Москва). Приднестровские молдаване в российском плену: казус имперской военной политики XVIII века. 2	23
Добровольский И.С. (Москва). Фонетические русизмы в московских изданиях Служебной минеи XVII – первой половины XVIII века.....	37
Макеева И.И. (Москва). Синтаксические конструкции с сочинительными союзами в гомилиях Кирилла Туровского. 2	56
Швед И.А. (Хэфэй / Брест). Фольклорная артикуляция различных оттенков одиночества в белорусской традиции	64

* * *

Адельгейм И.Е. (Москва). «О себе не говорил!»: поздние свидетельства о Холокосте Михала Гловиньского	81
Байдалова Е.В. (Москва). (Не)примирение с историей в романе О.С. Забужко «Музей заброшенных секретов»	93
Шатъко Е.В. (Москва). Мотив (не)дома в боснийской литературе о беженцах.....	101
Лунькова Н.А. (Москва). «Ведь если я гореть не буду...»: поэзия травмы Мехмеда Карахюсеинова	109

СООБЩЕНИЯ

Парфиров Д.С. (Москва). Любовь по-галицийски: из истории интимной повседневности в Галиции в годы Первой мировой войны	121
Корзо М.А. Об источниках «Слова на погребенїи архїереа» Симеона Полоцкого	132
Афанасьева С.А. (Москва). Венгерская историческая социопрагматика: основные векторы развития	146

РЕЦЕНЗИИ

Серпионова Е.П. Kde domov můj? Сборник чешских литературных материалов о Первой мировой и русской Гражданской войнах / сост., пер. с чеш., предисл. и коммент. С. Солоуха. М.; СПб.: «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2024. 661 с.	158
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Байдалова Е.В. Круглый стол «Травма истории: вербальный ресурс репрезентации и преодоления»	162
Драгичевич Р., Якушкина Е.И. VI Научно-практический семинар «Школа сербистики. Доминанты сербской культуры».....	167

ЮБИЛЕИ

Боровков Д.А. В.Я. Петрухин и его вклад в изучение Древней Руси (к 75-летию ученого)....	171
---	-----

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Institute of Slavic Studies

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ / Slavic Studies

4
2025
JULY •
AUGUST •

FOUNDED IN JANUARY 1965

PUBLISHED 6 TIMES A YEAR

*Published under the Division of History and Philology
of the Russian Academy of Sciences*

THE EDITORIAL BOARD:

Irina A. Sedakova (editor-in-chief), **Aleksandr S. Stykalin** (executive secretary),
Irina E. Adelgeim, **Michael V. Belov**, **Olga V. Belova**, **Marina M. Valentsova**, **Tatiana V. Volodina** (Belarus),
Marcello Gardzaniti (Italy), **Aleksandr N. Galyamichev**, **Aleksey A. Gippius**, **Nikita S. Gusev**,
Hristina Deykova (Bulgaria), **Miloš Zelenka** (Czech Republic), **Elena N. Kovtun**,
Maria V. Leskonen, **Konstantin V. Lifanov**, **Gennady F. Matveev**, **L'ubor Matejko** (Slovakia),
Victoria Mochalova, **Sergey A. Myznikov**, **Konstantin V. Nikiforov**, **Olga V. Pavlenko**,
Vojislav Pavlović (Serbia), **Vladimir Ya. Petrukhin**, **Roumiana Preshlenova** (Bulgaria), **Mikhail Robinson**,
Nadezhda N. Starikova, **Boris N. Florya**, **Olga V. Khavanova**, **Endre Sashalmi** (Hungary)
Ekaterina I. Yakushkina

Head of the Editorial office: *E.Yu. Nuykina*

Copy Editors: *L.A. Avakova*, *T.Yu. Kravchenko*, *I.Yu. Veslova*

Address: 119334, Moscow, Leninsky Prospect, build. 32a

Phone: +7 (495) 938-01-20

E-mail: slav@pran.ru, zhurslav@inslav.ru

Сайт <http://slavras.ru>

Contents

ARTICLES

Lazarev Y.A. (Yekaterinburg). V.V. Kapnist's Project of the Creation of Mercenary Cossack Regiments and its Fate	5
Kashirin V.B. (Moscow). Moldovans from the Lower Dniester Region in the Russian Captivity: a Case of the Imperial War Policy of the 18 th Century. 2.....	23
Dobrovol'skii I.S. (Moscow). Phonetic Russisms in the Moscow Editions of the Menaion 17 th – the First Half of the 18 th Century.....	37
Makeeva I.I. (Moscow). Syntactic Constructions with Compositional Unions in Homilies of Kirill of Turov. 2	56
Shved I.A. (Hefei / Brest). Folklore Articulation of Different Shades of Loneliness in the Belarusian Tradition	64

* * *

Adelgeim I.Ye. (Moscow). «I Wasn't Speaking About Myself!»: Michał Głowiński's Late Holocaust Survivor's Testimony	81
Baydalova E.V. (Moscow). (Un)reconciliation with History in O.S. Zabuzhko's Novel <i>The Museum of Abandoned Secrets</i>	93
Shatko E.V. (Moscow). The Motif of (Not)Home in Bosnian Refugee Literature	101
Lunkova N.A. (Moscow). "If I Don't Burn...": Poetry of Trauma by Mehmed Karahüseinov.....	109

ESSAYS

Parfirev D.S. (Moscow). Love the Galician Way: Intimate Aspects in the History of Everyday Life in Galicia During the First World War.....	121
Korzo M.A. (Moscow). On the Sources of <i>Slovo na Pogrebenii Archiereia</i> by Simeon Polotskij	132
Afanasyeva S.A. (Moscow). Historical Sociopragmatics in Hungary: Main Vectors of Development	146

REVIEWS

Serapionova E.P. Where is my Home? Collection of Czech Literary Materials About the First World War and the Russian Civil War	158
--	-----

SCHOLARLY LIFE

Baydalova E.V. Round Table «Trauma of History: Verbal Resource of Representation and Overcoming»	162
Dragičević R., Yakushkina E.I. VI Academic Seminar "School of Serbian Studies. Dominants of Serbian Culture"	167

JUBILEE

Borovkov D.A. V.Ya. Petrukhin and his Contribution to the Study of Old Russia (Dedicated to the 75 th Anniversary of the Scholar)	171
---	-----

Проект В.В. Капниста по созданию наемных (охочих) казацких полков и его судьба

© 2025 г. Я.А. Лазарев

Институт истории и археологии Уральского отделения
Российской академии наук
(Екатеринбург, Российская Федерация)

9lazarev@gmail.com

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00649 «Формирование публичной сферы в России второй половины XVIII – первой половины XIX в.», <https://rscf.ru/project/23-18-00649/>.

Аннотация. В статье рассматривается история проекта В.В. Капниста по созданию наемных казацких полков. Автор исследования подробно реконструирует контекст обсуждения проекта в правительственной публичной сфере в 1788–1789 гг. и подобных инициатив конца царствования Екатерины II, которые, как и проект Капниста, получали поддержку со стороны влиятельных великороссийских чиновников и вельмож. Блокировал подобные инициативы лично вице-канцлер А.А. Безбородко, видевший, в отличие от великороссиян, в любых казацких проектах прямую угрозу интересам империи. Эта угроза заключалась в возможном возвращении беспорядков, ассоциируемых с институтом гетманства, ликвидированном в 1764 г. Однако инициативы, подобные проекту Капниста, поддерживали великороссияне, которые идеализировали малороссийское казачество как некое «чудо-оружие» против турок и, возможно, поляков. В приложении к статье впервые публикуются проект Капниста и ответы Безбородко на мнение Г.А. Потемкина по поводу проекта.

Ключевые слова: В.В. Капнист, казаки, Малороссия, А.А. Безбородко, Российская империя.

Ссылка для цитирования: Лазарев Я.А. Проект В.В. Капниста по созданию наемных (охочих) казацких полков и его судьба // *Славяноведение*. 2025. № 4. С. 5–22. DOI: 10.31857/S0869544X25040012, EDN: UZIQAX

V.V. Kapnist's Project of the Creation of Mercenary Cossack Regiments and its Fate

© 2025. Yakov A. Lazarev

Institute of History and Archaeology of Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences
(Yekaterinburg, Russian Federation)

9lazarev@gmail.com

The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No. 23-18-00649 «Formation of the public sphere in Russia in the second half of the XVIII – first half of the XIX century», <https://rscf.ru/project/23-18-00649/>

Abstract. The article examines the history of V.V. Kapnist's project of the creation of mercenary Cossack regiments. The author reconstructs in detail the context of the discussion of the project in the governmental public sphere in 1788–1789 and similar initiatives at the end of the reign of Catherine II. It is shown that in government circles, initiatives such as the Kapnist's project received support from influential Great Russian officials and nobles. It is explained that the key factor blocking such initiatives was Vice-Chancellor A.A. Bezborodko, and not the policy of the Russian government. Unlike the Great Russians, Bezborodko saw any Cossack projects as a direct threat to the interests of the empire. This threat consisted in the possible return of the disorders associated with the institution of the hetmanate, which was liquidated in 1764. The Great Russians' support for initiatives like the Kapnist's project is explained by the idealization of the Little Russian Cossacks as a kind of «wonder weapon». In the appendix to the article, Kapnist's project and Bezborodko's answers to G.A. Potemkin's opinion about the project are published for the first time.

Keywords: V.V. Kapnist, Cossacks, Little Russia, A.A. Bezborodko, Russian Empire.

For citation: *Yakov A. Lazarev. V.V. Kapnist's Project of the Creation of Mercenary Cossack Regiments and its Fate // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences = Slavyanovedenie. 2025. No. 4. P. 5 –22. DOI: 10.31857/S0869544X25040012, EDN: UZIQAX*

В украинской и отчасти российской историографиях имя российского поэта Василия Васильевича Капниста (1758–1823) четко ассоциируется с украинским национальным автономизмом, а в некоторых версиях даже с сепаратизмом. Капнисту приписывается руководство малороссийским патриотическим кружком на Новгород-Северщине, имевшем антироссийскую направленность, а также подготовка восстания с целью восстановления украинской государственности при внешней поддержке Польши или Пруссии. Последнее было удивительно для писателя греческого происхождения, который на протяжении всей карьеры писал патриотические оды на французском и русском языках, восхвалявшие победы русского оружия, а не казацкое прошлое, высмеивал «в поповской школе побывалых» (т.е. обучавшихся в украинских коллегиумах), и вообще являлся имперским чиновником, интегрированным в политическую и литературную жизнь имперской столицы¹. По большому счету именем Капниста и ограничивается перечисление участников украинского кружка автономистов или некой анонимной литературной оппозиции. Одним из проявлений борьбы Капниста-«традиционалиста» (З.Е. Когут) за казацкую автономию якобы являлся его проект создания наемных казацких полков (1787–1788), который подразумевал восстановление казацкого самоуправления и признание соответствующих льгот [Ohloblyn 1955, 204–206; Оглобин 1959, 77, 88–90, 90–94; Kohut 1983, 77–80; 1988, 264–268; Дашкевич 1992; Матях 2007, 96; Киянская 2008, 267–269].

Все исследователи (историки и литературоведы), которые так или иначе обращались к казацкому проекту В.В. Капниста, рассматривали его, основываясь на пересказе дореволюционного архивиста Н.И. Григоровича (1835–1889), последним также было опубликовано мнение на проект вице-канцлера графа А.А. Безбородко. Григорович признавался, что не смог выяснить, «какая судьба постигла проект Капниста», отметив особую заинтересованность к нему со стороны императрицы Екатерины II². Размытые формулировки Григоровича

¹ Капнист, т. 1, 12–65, 99.

² Григорович 1881, 6–8, 516–517.

привели к научным гаданиям среди историков и литературоведов относительно судьбы проекта, а не к поискам его оригинала и/или материалов его обсуждения. Одни авторы (Д.С. Бабкин) полагали, что проект затерялся в бумагах Г.А. Потемкина³, другие — в основном украинские историки — видели проблему не в бюрократических процедурах, а в боязни абстрактного российского правительства возродить традиционные казацкие формирования и, соответственно, дать шанс на восстановление автономии; верхушке империи проект Капниста был интересен на момент серьезной геополитической опасности (А.П. Оглоблин, З.Е. Когут, Я.Р. Дашкевич). Признание наличия антиукраинского дискурса в правительственных кругах заставляло этих авторов оправдывать действия ключевого критика проекта малороссиянина А.А. Безбородко его конкуренцией с Потемкиным, а не осознанной личной позицией [Kohut 1988, 267–268; Дашкевич 1992, 238]. Подобные историографические комбинации основаны на избранном цитировании известных опубликованных источников (особенно бумаг Безбородко и писем Капниста), грешат превратно выписанным контекстом обсуждения казацкого проекта и подобных инициатив екатерининского времени. Обращение к истории казацкого проекта в свете опубликованных материалов и неизвестных архивных источников показывает совершенно иную картину.

Начало русско-турецкой войны 1787–1791 гг. активизировало прожектерскую деятельность В.В. Капниста. Примерно во второй половине 1787 — начале 1788 г. Капнистом было подготовлено «Положение на каком основании может быть набрано и содержано войско охочих казаков». Прошло не так много времени с момента расформирования последних казацких полков в Малороссии (начало 1780-х годов), и в регионе оставалась масса лично свободного населения, которая официально еще числилась в данном сословии. Отталкиваясь от этих реалий, Капнист расписал в 29 пунктах проекта механизм набора лично свободных добровольцев («не из владельческих токмо подданных») в конные (со своей лошадей и упряжью) и пешие формирования, а также ресурсы для их содержания. Служба в наемных (охочих) полках давала особые привилегии: казаки вместе с семьями временно исключались из подушного оклада и избавлялись от рекрутской повинности и набора в погонщики. Однако после десяти походов эти привилегии приобретали пожизненный характер. Участие в стольких походах давало право на получение отставки, как и в случае роспуска войска по причине окончания войны или императорскому указу. Однако в случае побега казака привилегии автоматически отменялись. Численность наемных (охочих) казаков предполагалась до 12 тысяч рядовых, но по воле императрицы могла быть ограничена пятью тысячами. Это войско должен был возглавить особый начальник, который по императорскому указу набирал бы добровольцев «в трех малороссийских губерниях⁴, вызывая их чрез нижние земские суды, и чрез нарочных». «Войско охочих козаков» планировалось формировать по образцу прежних казацких полков, начальник над войском назначался монархом из числа казацких старшин. Если кандидат числился не в «большом чине», то по своей должности он временно приравнивался к чину «полковника регулярных войск». Схожее пояснение давалось и против «войсковых и сотенных старшин». Вся верхушка войска должна была служить «на собственном иждивении», что, впрочем, не исключало разные бонусы: жалование «регулярными чинами чрез каждые два похода», награждения

³ Капнист, т. 1, 26.

⁴ Вероятно, имелись в виду три наместничества — Киевское, Черниговское и Новгород-Северское.

за отличия по службе, а после шести походов право на отставку и возможность определения к «гражданским делам». Государство брало на себя содержание и снабжение рядовых казаков⁵. По сути дела, в чрезвычайно урезанном масштабе возрождалась войсковая организация в Малороссии, которая была бы более интегрирована в имперскую систему, нежели прежняя система войсковой организации.

Где-то в начале февраля 1788 г. В.В. Капнист по своим надобностям отправился в Санкт-Петербург. Принято считать, что приоритетной задачей для него в этой поездке было лоббирование исключительно казачьего проекта. Первые сомнения по поводу такой трактовки возникли при обращении к письмам Капниста супруге — А.А. Капнист (Дьяковой). В письмах за первую половину февраля поэта явно обеспокоило то, как протекает его путешествие в столицу: «Миссия моя начинается дурно». Это путешествие Капнист назвал «гнусным», рассматривал в качестве испытания со стороны Всевышнего: «Однако я ясно вижу, что путешествие мое было устроено им, чтоб наказать меня или чтоб испытать мое терпение. Какова бы ни была цель этого, я себя очень дурно вел: коли это наказание, так я принял его с досадой, ибо сердился, выходил из себя; коли это испытание моего терпения, так я принял его с досадой, я роптал, раздражался, кричал, ругался и колотил всех. Одним словом, думаю, что вел себя мерзко, и был строго за это наказан». К своим переживаниям Капнист не добавлял конкретики, кроме описаний путевых неурядиц («метель несказанная», обморожения слуги и попутчиков)⁶. При этом речь шла об уже полученном воздаянии. Однако общепризнанное толкование этих строк сводится к тому, что Капнист переживал по поводу своего казачьего проекта. Были к тому основания?

Из дальнейших писем В.В. Капниста супруге выясняется, что в первую очередь в столицу поэт вез «жалобы на губернаторство», точнее «жалобы дворянства на наместничество». Вероятно, речь шла о Киевском наместничестве, в котором Капнист представлял интересы местного благородного сословия в качестве предводителя дворянства (с 1785 г.). Вопросы Капнист решал с генерал-прокурором А.А. Вяземским. С этим приближенным императрицы поэт, по его словам, был в «наилучших отношениях» и надеялся на дальнейшее сближение с ним. Этому могло поспособствовать поручение Вяземского о покупке для него «земли в Малороссии»⁷. Судя по письму 6 июня 1788 г., расположение Вяземского дало результат. 30 мая в Царском Селе Вяземский подал «государыне от меня жалобу дворянства», которую Екатерина II приняла «с большою доброжелательностью, лестно отозвалась обо мне». Причиной неудовольствия малороссийского дворянства стал губернатор Лосев, на которого императрица «осерчала [...] и повелела, чтоб князь передал жалобу мою в совет. Она говорила о том, чтоб дать отставку старому губернатору, сместить Лосева». Затем Капнист передавал слухи от «людей, близких к князю Безбородко», что на состоявшемся совете жалоба была принята и по ней «вынесли постановление согласно воле государыни, о каковой я уж тебе говорил»⁸. 16 июня Капнист уже радостно сообщил, что «здесь дела мои улажены. Князь Вяземский берется ускорить отправление указа ее величества по поводу моей жалобы»⁹.

⁵ РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 56. Л. 3–5об.

⁶ Капнист, т. 2, 303, 305, 307, 309.

⁷ Там же, 315, 317, 319.

⁸ Там же, 340–341.

⁹ Там же, 343.

Между решением первоочередных дел, связанных с дворянским самоуправлением в Малороссии, В.В. Капнист подал свой проект о формировании казацких полков. Изначально у него были все основания на положительный исход. Расположенный к поэту малороссийский генерал-губернатор П.А. Румянцев специально написал письмо вице-канцлеру графу А.А. Безбородко, в котором хвалил «проект формирования казаков». В начале марта 1788 г. «план о казаках» Капнист передал камергеру Екатерины II и ее фавориту — А.М. Дмитриеву-Мамонову, который «весьма ласково принял» поэта и, вероятно, «уже говорил о [...] проекте государыне». В то же время (3 марта) «план» был передан Безбородко, последний оказался «тоже очень ласков» к автору проекта. Правда, Капниста беспокоило отсутствие реакции на его запросы со стороны Г.А. Потемкина и А.М. Дмитриева-Мамонова и, соответственно, то, что «думает государыня о [...] проекте»¹⁰. Однако довольно быстро в середине марта (14 числа) он с явным облегчением написал супруге следующее: «Сообщу тебе доброе известие, оно тебя, без сомнения, обрадует: с проектом формирования казаков ничего не выйдет, несмотря на то что г-н Мамонов им заинтересовался. Проект посылают к князю Потемкину, чтобы получить его одобрение. Итак, ты видишь, что дело вновь превращается в ничто, *чем я очень доволен*. Прочие дела удержать меня здесь не могут (курсив мой. — Я.Л.)». В этом же письме была приписка брату Капниста Петру. Поэт признался, что в столице все сложилось иначе, чем он предполагал, и «это видно по делу моему с казаками». Он выразил сомнение в том, получится ли лучше устроить «свои дела чрез князя Вяземского». Однако заключил следующее: «Да будет на все воля божия. Я сердечно всем доволен». Вот как Капнист объяснил свое приподнятое настроение: «Освободившись от обузы вербовать казаков, *я немало доволен, что это не состоялось* (курсив мой. — Я.Л.)». Без этой «обузы» Капнист мог спокойно отправиться «волонтером» на войну в армию Г.А. Потемкина, к чему он призывал и брата, заверяя последнего в том, что «это будет для нас увеселительная прогулка»¹¹.

Хорошо видно, что инициатива В.В. Капниста по созданию казацких полков была для него второстепенным делом. К ее продвижению он не собирался прилагать дополнительных усилий, делать на нее принципиальную политическую ставку, сулившую существенными тратами из собственного кармана. Обсуждением в правительстве своего проекта Капнист как будто хотел поднять свой политический вес при дворе, выступить перед императрицей не только в качестве поэта-патриота, а и деятельного подданного. Допускаю, что целью подобной активности могло быть усиление позиции Капниста в продвижении жалоб малороссийского дворянства, о чем, собственно, он и волновался в начале путешествия. Казацкий проект не получил моментальной реакции и подобно другим проектам XVIII в. стал заложником бюрократического процесса, который требовал экспертного обсуждения в правительстве. С этого момента Капнист охладел к своей инициативе и, похоже, этому был весьма рад, что разительно отличается от той реакции, когда на кону стояла карьера надворного советника Капниста. Указом императрицы с 20 апреля 1787 г. его определили руководить организацией шелковичного производства в Киеве, на что ему было выделено 10 тыс. рублей. На этом поприще Капнисту не удалось стяжать славу. Постоянные проблемы с поиском помещений под шелковичный завод, разведением специальных деревьев и непростые взаимоотношения

¹⁰ Там же, 317.

¹¹ Там же, 321.

с выписанными из Италии мастерами подвели Капниста к мысли завершить столь хлопотное мероприятие. Однако для этого надо было отчитаться по выделенным суммам, объяснить причины неудачи и убедить итальянских мастеров разорвать действующие пятилетние контракты. Ради этого до 1793 г. Капнист постоянно и надолго приезжал в столицу, вел активную переписку со статс-секретарем Екатерины II С.Ф. Стрекаловым, а также задействовал свои дружеские связи¹² в лице чиновников-поэтов Н.А. Львова и Г.Р. Державина [Кукушкина 2015, 487–489].

Однако возвратимся к казацкому проекту В.В. Капниста. Несмотря на то, что его автор охладел к своему детищу, история проекта на этом не закончилась. Первоначальное мнение на него где-то в марте 1788 г. подготовил вице-канцлер А.А. Безбородко. Его текст Н.И. Григорович опубликовал не под оригинальным названием. Свое мнение Безбородко озаглавил как «Примечания на проект г. Капниста о наборе козаков». Судя по почерку, «Примечания» были написаны рукой вице-канцлера. Безбородко привел ряд аргументов, которые ставили под сомнение целесообразность инициативы Капниста. С одной стороны, признавалось, что Малороссия имела большой мобилизационный потенциал. В качестве примера он указал на 500 тыс. казаков и «бывших за монастырями поселян», податями с которых содержались карабинерские полки и Малороссийский гренадерский полк. С другой стороны, вербовка из их числа пяти тысяч человек могла привести к исключению из общего подушного оклада 25 тыс. чел. и потерям казны на сумму в 30 500 руб. Финансовые убытки можно было бы возместить путем увеличения налогов части населения в трех малороссийских губерниях из числа «поселян, так называемых, бывших свободных к¹³ раздаче, урядовые, бобровники, птичники, стрелки и волкогоны, да сверх того купленные у графа Разумовского в Гадяцком замке», всего 20 тыс. «душ мужского полу». Денежные потери казны, особенно в условиях «недорода хлеба», могли быть компенсированы и даже приумножены (до 100 тыс. руб.) лишь уравниванием подушных окладов монастырских поселян (1 руб. 70 коп.) и казаков (1 руб. 20 коп.)¹⁴. Однако больше всего Безбородко беспокоило возможная реставрация бывших в Малороссии казачьих порядков: «Хотя подобные полки вольные, набираемые ис душ казачьих, но надобно смотреть, чтобы отнюдь то не имело вида прежнего гетманства». В представлениях Безбородко «прежнее гетманство» ассоциировалось с крайне неэффективной организацией казацкого войска. Он выступал против «нераздробления войска, яко несходное с порядком; то же о выборе старшин сотенных обществом, и об отрешении их по общей просьбе». Безбородко утверждал, что такого порядка «уже издавна и в Малой России не существовало», и ссылался на указ Петра I 1715 г., регламентировавший процесс назначения на казацкие должности. После этого им была дана крайне неприятная характеристика прежнего малороссийского казачества: «Сколько возможно нужен в сем войске порядок, дабы не вышло из него столь же непрочное, как и прежнее, которое, наконец, кроме почт и магазейнов нигде не употреблялось»¹⁵. Последнее, скорее всего, отсылало к негативному опыту мобилизаций малороссийского казачества времен Семилетней войны (1756–1763 гг.). Тогда гетман К.Г. Разумовский,

¹² РГИА. Ф. 468. Оп. 37. Д. 226. Л. 77–79, 82об., 84, 104а–104б.; *Державин*, 700; *Капнист*, т. 2, 371, 381–382, 386.

¹³ В публикации ошибочно указан союз «в».

¹⁴ *Григорович* 1881, 516–517.

¹⁵ Там же, 517.

имея заметные послабления от правительства (его освободили от сбора отряда в пять тысяч казаков при реестре в 30 тыс. чел.), не смог вовремя собрать и снабдить всего лишь одну тысячу компанейцев (отборная часть казачества) и восемь тысяч малороссиян для обеспечения логистики и тылового снабжения армии. Набранные компанейцы толком не приняли участия в военных кампаниях и использовались в качестве вспомогательных войск и посыльных [Лазарев 2023а, 356]. Свое мнение Безбородко завершил предложением послать Г.А. Потемкину «план г. Капниста с сими примечаниями и с ведомостями о числе людей [...] на рассмотрение, уведомляю о соизволении вашего императорского величества знать его мнение, и положить штат для сего войска». Выбор Потемкина объяснялся тем, что он мог придать «всевозможное единообразие» новым казачьим полкам, так как в это время занимался формированием «как регулярных казачьих полков из разных нерегулярных войск, так и из разных поселян на подобие донских казаков»¹⁶.

Таким образом, в качестве ключевого эксперта по проекту В.В. Капниста Безбородко предложил Г.А. Потемкина, находившегося в зените политического влияния при дворе. Выбор был очевиден: примерно с середины 1780-х годов он убеждал Екатерину II в необходимости более широкого применения казачьих войск, правда, делая акцент на донцах. С начала 1788 г. князь ведал набором казацких полков на территории Екатеринославской губернии¹⁷. К несчастью для Капниста, Потемкин находился в действующей армии за тысячи километров от столицы. Не стоит удивляться, что ответ командующего армией задержался. Вопрос заключается в том, когда он был получен.

В письме близкого друга В.В. Капниста — Н.А. Львова — можно найти важное указание. 12 апреля 1789 г. из Санкт-Петербурга Львов писал своему другу в Малороссию о проблемах последнего, связанных с заведением шелковичного завода в Киеве, и между делом упомянул, что Г.А. Потемкин «говорил недавно» П.В. Заводовскому про проект Капниста. Потемкин счел «план о казаках» «удобным», но «в действие не произвел», так как «сие понескольку зависило» от другого командующего российскими войсками — П.А. Румянцева¹⁸. Реплика, сделанная Львовым, свидетельствует о том, что Потемкин на тот момент активно участвовал в обсуждении проекта, находясь в столице. Согласно ведомостям обер-полицимейстера Санкт-Петербурга Н.И. Рыльева, Потемкин прибыл в столицу 17 февраля 1789 г. вместе с адъютантом Г. Высоцким¹⁹. Здесь он находился по май месяц, занимаясь вопросами комплектования и снабжения армии. В ответах на предложения Потемкина есть указание на то, что обсуждение происходило «в нынешнее зимнее время»²⁰. Риску предположить, что дело во второй половине февраля — марте 1789 г. Потемкин предоставил императрице свое мнение на проект Капниста. Текст мнения, уместившийся на небольшом листочке, был написан рукой В.С. Попова, секретаря и доверенного лица Потемкина. Влиятельный вельможа поддержал инициативу малороссийского поэта: «Набор казаков вольножелающих нахожу я полезным». Однако он счел нужным обозначить несколько моментов, заботивших его. Потемкин полагал, что создание казачьих полков ударит по содержанию давно сформированных «полков карабинерских», а затем повлечет и злоупотребления. Корень

¹⁶ Григорович 1881, 517.

¹⁷ Екатерина II и Г.А. Потемкин, 190, 194, 200, 261, 266, 283, 286, 291.

¹⁸ Львов, 337.

¹⁹ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 534. Ч. 1а. Л. 76.

²⁰ РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 56. Л. 6.

проблемы виделся ему в недавнем прошлом Малороссии: «Составление казачьих полков по образу прежнего положения не годится, опасаясь того же злоупотребления, каковое было от их прежних начальников». По этой причине предлагалось сформировать полки «по образу донских казаков». Сложно не заметить, что Потемкин полагал неэффективным прежнее полковое устройство малороссийских казаков во главе с гетманами, не исключая и последнего (К.Г. Разумовского), о котором прямо не говорилось²¹. Невооруженным глазом видно, что по ключевым тезисам Потемкин разделял мнение Безбородко.

После получения мнения Г.А. Потемкина Екатерина II дала собственноручное распоряжение, скорее всего, А.А. Безбородко следующего содержания: «О сем прошу мне доложить завтра и прочесть сей проект предо мною, чтоб можно была дать Капнисту решительный ответ, вложенная записка, рукою Попова записанная, есть мнение кн[язя] Пот[емкина]»²². На этом основании были подготовлены ответы на предложения Потемкина, которые Н.И. Григорович не проанализировал и, соответственно, документы остались неизвестными последующим исследователям. Ответы сохраняли прежний критический настрой Безбородко по отношению к казачьему самоуправлению, бывшему в Малороссии до отмены гетманства в 1764 г. По поводу «злоупотреблений прежних начальников» Безбородко заметил, что они проистекали из того, что «им вверена была купно с военною гражданская власть», которую «они обращали к разграблению имения подчиненных своих». Отмечалось, что в случае восстановления «прежних закоренелых в народе названием чинов» их следовало наделить «властью военной, соразмерной прочим регулярных войск начальством». Безбородко соглашался с тем, что организация донских казаков лучше предложенного, но осторожно заметил, что «ни один малороссианин не поохотится служить, ибо народ сей чуждается всего вновь вводимого», поэтому он рекомендовал устанавливать новые порядки «под личиною прежних обычаев». В случае одобрения проекта Капниста рекомендовалось истребовать «монаршее на оный утверждение, дабы в нынешнее зимнее время, столь выгодное для набора козаков, можно было начать сие дело с надеждою показать плод и пользу оного к походу следующия весны»²³.

Изложенные выше документы опровергают мнение Н.И. Григоровича и Д.С. Бабкина о том, что проект В.В. Капниста затерялся в бумагах Г.А. Потемкина. Обсуждение проекта в правительственной публичной сфере продолжилось спустя год после его подачи. Обсуждение показало, что основная претензия к проекту заключалась в возможной реставрации прежней системы казачьего самоуправления во главе с гетманом. Последний вместе с бывшей казачьей верхушкой (старшиной) воспринимался как ключевой фактор разорения/деградации малороссийских казаков. Отсюда проистекали ссылки на позитивный пример организации донских казаков. Предложения Капниста упали на благоприятную почву — в правительстве искали дополнительные мобилизационные ресурсы для войны против турок и, возможно, поляков, сам Г.А. Потемкин занимался вербовкой в казаки. Несмотря на это, что-то тормозило процесс... По словам Н.А. Львова, требовалось дополнительное согласование с П.А. Румянцевым, который до этого поддержал проект Капниста. Кажется, что это была отговорка, а реальные преграды проекту Капниста ставил выходец из Малороссии А.А. Безбородко. Поясню.

²¹ Там же. Л. 9.

²² Там же. Л. 2; Григорович 1881, 7.

²³ РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 56. Л. 6.

Важным свидетельством антиказацких настроений А.А. Безбородко является его переписка с сенатором графом А.Р. Воронцовым за первую половину 1790-х годов. Об особом доверительном характере данной переписки говорит тот факт, что некоторые свои письма Безбородко просил после прочтения сжечь. В середине ноября 1791 г. вице-канцлер разразился тирадой в адрес недавно умершего Потемкина: «Страннее всего, что покойникова страсть к казакам до того простиралась, что он все видимое превращал в сие название. В Екатеринославской губернии мешанин, однодворец, грек, раскольник, серб и волох преобразен в казака. Но тяжелее всех так называемые черноморцы. Они отпускаются по билетам своих начальников, шатаются по губернии, грабят, разбойничают и людей убивают. [...] Недовольно, что сии разные народы и состояния народные учинились казаками: покойник хотел всю почти регулярную конницу теми же сделать и, составя полки казачьи, хотя и регулярные, определить в них донских старшин полковниками». По словам Безбородко, такая участь ждала, например, и малороссийские карабинерские полки²⁴. Все это указывало на то, что при живом Потемкине вице-канцлер был вынужден сглаживать свои оценки. Отдельного упоминания заслуживают рассуждения Безбородко про казаков эпохи Хмельниччины. В конце апреля 1790 г. он вполне позитивно размышлял о создании на Правобережной (Польской) Украине «конфедерации наших единоверных примерную той, которая гетманом Хмельницким была сделана, и тем поставим столько войска, что займем всю польскую армию», планируя использовать мобилизационный ресурс показаченных против антироссийских сил в Польше, поддерживаемых Пруссией²⁵. Однако спустя несколько лет, когда внешнеполитическая ситуация стабилизировалась и произошел второй раздел Польши, Безбородко уже иначе смотрел на подобные планы. В мае 1794 г. он писал Воронцову о задумке князя Н.В. Репнина «составить запорожцев» из бывших правобережных казаков и «пустить их на Польшу», используя для подавления восстания под руководством Т. Костюшко. В правительственных кругах эта идея была признана «блестящей» (*très lumineuses*). Со слов «встревоженного» Безбородко, ему пришлось приложить определенные усилия, чтобы купировать эту инициативу, так как его не поддержал президент Военной коллегии граф Н.И. Салтыков. В сложившейся ситуации Безбородко удалось заручиться поддержкой фаворита Екатерины II П.А. Зубова, чтобы склонить императрицу на свою сторону. Зубов принял аргументы вице-канцлера относительно того, что «в 1790 году хотели употребить подобное крайнее средство», так как «самая уже крайность нашего положения того требовала» (война со шведами и турками, угроза выступления против России Англии и Пруссии, нестабильность в Польше). Также поддержка подобных планов связывалась с личностью Г.А. Потемкина: «Да и тут входили еще собенные покойника виды». В ситуации же, когда «Украина, Подолия и Волынь наши», мобилизация «собственного народа, помнящего времена Хмельницкого и склонного к казачеству», привела бы к формированию «военной нации», а вслед за этим подобным «духом» и «Малороссия заразилась бы тотчас [...], а за нею и его²⁶ губерния». Безбородко давал неутешительный прогноз: итогом подобных процессов могла стать «нового рода революция, в которой по крайней мере принуждены будем возстановлять гетманство, дозволить многия нелепые свободы, и словом терять то, чем смирно и тихо на веки

²⁴ Архив князя Воронцова, 227.

²⁵ Там же, 183; Григорович 1879, 422.

²⁶ Имеется в виду Новороссия, генерал-губернатором которой являлся Г.А. Потемкин.

владели»²⁷. В казаках/показаченных Безбородко видел фактор нестабильности, где «нелепые свободы» казаков и институт гетманства являлись необходимыми условиями *сдерживания* этой слабоконтролируемой силы, вредившей интересам империи.

Итак, получалась любопытная ситуация. В то время как, по мнению А.А. Безбородко, геополитическая ситуация поменялась (окончание русско-турецкой войны), в правительственных кругах находились люди, готовые выдвинуть и поддержать очередной проект казачьей мобилизации. Лоббисты таких инициатив, как правило, являлись влиятельными сановниками из числа великороссиян (Г.А. Потемкин, П.А. Румянцев, Н.В. Репнин, Н.И. Салтыков). Очевидно, что экспертные оценки Безбородко и политическое влияние вице-канцлера блокировали подобные инициативы и повлияли на судьбу казачьего проекта В.В. Капниста, при этом то была его осознанная политическая позиция, а не осторожные действия в рамках некой антиукраинской политики или дискурса. Критическая позиция вице-канцлера по отношению к неэффективному малороссийскому казачеству подтверждается недавними исследованиями по истории русско-украинских отношений [Киселев, Кочегаров, Лазарев 2022]. На фоне более влиятельных великороссиян Капнист не имел достаточного политического веса, чтобы провалить свой проект. К этому стоит добавить, что он не собирался вкладывать собственные средства или агитировать местных дворян, рассчитывая исключительно на помощь со стороны государства.

Но это не все причины, побуждавшие малороссиянина и фактического главы российской внешней политики А.А. Безбородко критически высказываться и тормозить инициативы по формированию казачьих подразделений. Это важно еще и потому, что вице-канцлеру иногда приписывают авторство «Истории русов» — анонимного памфлета начала XIX в., сыгравшего важную роль в формировании украинского исторического мифа и модерной украинской нации [Плохий 2013, 113–119].

А.А. Безбородко был выходцем из влиятельной малороссийской семьи бывшего генерального писаря А.Я. Безбородко. У последнего сложились напряженные отношения с гетманом К.Г. Разумовским, приведшие к вынужденной отставке в 1762 г. Напряженность объяснялась тем, что Разумовский поступал грубо и самовластно по отношению к уважаемым казачьим старшинам, а также неприкрыто и без согласования продвигал на казачьи должности своих родственников. А.Я. Безбородко был одним из активных противников утверждения наследственного гетманства Разумовских [Киселев, Кочегаров, Лазарев 2022, 328–338, 475–481, 581–582, 591–592, 666–667]. Позицию отца вполне мог разделять и его сын, который тем не менее оказался среди доверенных сотрудников П.А. Румянцева, руководившего Малороссийского коллегий, воссозданной после отмены гетманства. По рекомендации Румянцева Безбородко-сын оказался в Санкт-Петербурге при дворе Екатерины II, став статс-секретарем императрицы. Там он занялся и литературным творчеством. Вместе с другим поэтом и писателем малороссийского происхождения В.Г. Рубаном (Рубановским) будущий канцлер принял участие в написании «Краткой летописи Малой России», опубликованной в 1777 г. В этом произведении он всячески восхвалял имя своего покровителя. Безбородко писал, что после добровольной отставки гетмана Разумовского была учреждена Малороссийская коллегия во главе с Румянцевым. Этот «выбор Монарший [...] был к крайнему

²⁷ Архив князя Воронцова, 295–296; Григорович 1881, 260–261.

обрадованию всего Малороссийского народа». Укреплению авторитета Румянцева способствовали его личные качества и память о его отце А.И. Румянцеве, управлявшего Малороссией в конце 1730-х годов: «Многие соблюдали в памяти добродетели Отца его, и все знали превосходныя самого его дарования, и потому с сею новою переменою надеялись нового и совершенного для себя блага». Румянцев, «сей новый начальник», стремился вникнуть «в состояние вверенного ему Края», лично объезжал территории, благодаря ему была составлена «самая обстоятельная и достоверная перепись» местного населения, стараниями Румянцева во «всех правлениях» и деятельности Малороссийской коллегии были созданы условия «к порядочнейшему дел течению»²⁸. Безбородко развивал в публичном пространстве Российской империи определенный «культ» Румянцева. В память о своем патроне он заказал большой его бюст, который поместил в саду своего загородного дома (дачи) на Охте, там же была установлена статуя Екатерины II в образе богини Кибелы [Карпова 1986, 311–312]. К слову сказать, мысли, близкие взглядам Безбородко, высказывал известный малороссийский интеллектуал Г.А. Полетика [Лазарев 2016; Киселев, Кочегаров, Лазарев 2022, 699], а впоследствии друзья его сына, например, А.И. Чепы, который считал, что казацкая Малороссия управлялась «разбойничьими законами», а «гетманское правление было самое адское», конец «подобным безпутствам» был положен «мудрыми указами и учреждениями» российских монархов, подчеркивая, что «без того монахи и вельможи поработили нас» и «нет в свете лучшего устройства (организации) государственного, как в России. Нет лучших людей, как русские» [Журба 2009, 187, 203].

На этом фоне обрусевший грек В.В. Капнист, чья семья тяжело инкорпорировалась в казацкую элиту Малороссии²⁹ и, напротив, успешно вошла в имперское дворянство, занимал промежуточную позицию. С одной стороны, он идеалистически воспринимал историю малороссийского казачества, планируя привлечь внимание правительства, а с другой стороны, данная инициатива не была для Капниста политической ставкой, ради которой он готов был прилагать дополнительные усилия. Свою роль сыграло домашнее обучение на европейский манер и последующая социализация в имперской столице, а не в местных православных коллегиумах. В публичной сфере Капнист был известен исключительно как автор патриотических произведений, а его критические и сатирические сочинения имели поддержку в самых верхах и не носили национальной (украинской) направленности. Благодаря работам петербургского литературоведа К.Ю. Лаппо-Данилевского также показана химеричность приписанных Капнисту революционных (антироссийских) взглядов, а включение его в революционную организацию радищевского толка является историкографическим фантомом [Лаппо-Данилевский 1989, 49–56].

²⁸ Рубан, 227–229.

²⁹ В связи с этим упомяну интересный факт из биографии отца В.В. Капниста – В.П. Капниста (1701–1757) – он строил военную карьеру на Слободской Украине в Изюмском полку. За ратные заслуги в ходе русско-турецкой войны 1735–1739 гг. (особенно при осаде Очакова 1737 г.) императрица Анна Иоанновна пожаловала ему малороссийское полковничество в Миргороде. Находясь на этой должности, в 1750 г. Капнист стал жертвой загадочной интриги. По ложному доносу его отстранили от полковничества и арестовали: Он якобы покушался на жизнь К.Г. Разумовского и сам планировал стать новым гетманом. После оправдания в 1751 г. Капнист столкнулся с противодействием гетмана в получении полковничества в Малороссии для себя (Киев) или сына (Миргород), которые были отданы гетманскому родственнику Е.Ф. Дарагану и Ф.М. Остроградскому, а у последнего были личные счета с Капнистом еще с 1740-х годов. Сам Капнист, получив чин бригадира, добился лишь назначения «к команде над Слободскими полками» [Киселев, Кочегаров, Лазарев 2022, 496–498].

В отличие от прослойки малороссиян, критически/нейтрально настроенных к казацкому прошлому Малороссии, великороссийские вельможи, военачальники и администраторы на уровне правительственных дискуссий оказались ключевыми трансляторами идеализированного образа малороссийского казака. Такой казак рассматривался в качестве *чудо-оружия*, не требовавшего серьезных вложений, мобилизуемого в кратчайшие сроки, чтобы дать отпор врагам империи. Правда, в этом образе смешались — малороссийский реестровый казак и запорожец-сечевик. Боевая слава реестровых казаков осталась в XVII в. во времена Б.М. Хмельницкого и его ближайших приемников. На их фоне *запорожцы-сечевики*, неизбалованные поддержкой государства, сохраняли свою боеспособность. В конце 1780-х годов стараниями Г.А. Потемкина они стали ядром нового черноморского казачества, влившегося затем в состав кубанского казачества. Усилиями этих казаков осваивалось Северо-Восточное Причерноморье и Кубань. Логично предположить, что к популяризации подобного образа неосознанно приложил руку именно Потемкин. Он активно занимался вербовкой в казаки и публично позиционировал себя в качестве *казацкого гетмана*, добившегося от благосклонной к нему императрицы указа именовать себя «Великим Гетманом Императорских Екатеринославских и Черноморских казачьих войск» (январь 1790 г.)³⁰. При этом Потемкин считал идеальным примером казацкой организации Войско Донское. Тренд на идеализацию малороссийского казачества великороссийскими чиновниками продолжился в правление Павла I и особенно Александра I. Например, в кругу малороссийских генерал-губернаторов А.Б. Куракина (1802–1808) и Н.Г. Репнина (Волконского) (1816–1834) стала востребованной и популяризовалась романтизированная казацкая эстетика (сочинения И.П. Котляревского), легитимизировались спорные исторические образы (П.Л. Полуботок), распространялись анонимные памфлеты вроде «Истории русов», поддерживалось написание исторических сочинений («История Малой России» Д.Н. Бантыш-Каменского), в которых идеализировалось казацкое прошлое Малороссии и публично презентовались негативные смыслы, связанные с политикой российских властей в процессе интеграции региона и ликвидации казацкой автономии [Плохий 2013; Конопка 2016; Лазарев 2023b]. Легитимизация и распространение идеализированного образа малороссийского казака позволила на правительственном уровне затушевать реальную историю малороссийского казачества (Войска Запорожского реестрового). В этой довольно грустной истории речь шла бы про то, как боевые и мобилизационные возможности казачества снижались в процессе социального расслоения, которое стремилось предотвратить российское правительство. Сверхившаяся революция смыслов нашла отражение в публичном пространстве Российской империи и русской литературе, например, в произведениях Н.В. Гоголя. На страницах книг читатель познакомился с идеализированной Запорожской Сечью («Тарас Бульба») и историей малороссийского казачества, Г.А. Потемкиным-«гетьманом» в роли защитника и покровителя запорожских казаков («Вечера на хуторе близ Диканьки»). В рамках дискуссии выскажу предположение, что таким образом была подготовлена интеллектуальная почва для позитивного восприятия со стороны российской «прогрессивной» общественности трудов деятелей украинского национального движения — Т.Г. Шевченко, П.А. Кулиша и Н.И. Костомарова.

³⁰ Екатерина II и Г.А. Потемкин, 386, 398, 401, 893, 901.

В приложении к статье впервые публикуется проект В.В. Капниста о формировании наемных казацких полков, а также ответы вице-канцлера А.А. Безбородко на мнение Г.А. Потемкина. Проект Капниста попал в поле зрения до-революционного архивиста Н.И. Григоровича при работе с бумагами Кабинета Екатерины II. Судя по ссылкам, Григорович работал с делом, сейчас хранящимся в РГАДА (Ф. 10. Оп. 1. Д. 56). По невыясненным причинам Григорович не стал цитировать/публиковать мнение Потемкина, написанного рукой его секретаря В.С. Попова, а также ответы на него Безбородко. Публикация источников осуществляется согласно «Правилам издания исторических документов в СССР» 1990 г. в современной пунктуации и с сохранением основных стилистических особенностей буквами гражданского алфавита с заменой литер, вышедших из употребления, современными, обозначающими тот же звук.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва)
РГИА — Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург)
СИРИО — Сборник Императорского русского исторического общества

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Архив князя Воронцова. Кн. 13. М.: Тип. Лебедева, 1879. 502 с.
Григорович Н.И. Канцлер князь Александр Андреевич Безбородко в связи с событиями его времени. Т. 1. 1747—1787 // СИРИО. Т. 26. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1879. 687 с.
Григорович Н.И. Канцлер князь Александр Андреевич Безбородко в связи с событиями его времени. Т. 2. 1788—1799 // СИРИО. Т. 29. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1881. 752 с.
Державин Г.Р. Сочинения Державина с объяснительными примечаниям Я. Грота. СПб.: В тип. Императорской Академии наук, 1869. Т. 5. Переписка. 984 с.
Екатерина II и Г. А. Потемкин: Личная переписка, 1769—1791. М.: Наука, 1997. 989 с.
Записки, подносимые Ея императорскому величеству в 1788-м году от обер-полицеймейстера Рыльева о приезжающих в Петербург и об отъезжающих // РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 534. Ч. 1а.
Капнист В.В. Собрание сочинений в 2 т. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. Т. 1. Стихотворения. Пьесы. 771 с.; Т. 2. Статьи. Письма. 630 с.
Львов Н.А. Избранные сочинения = Ausgewählte Werke. СПб.: Пушкинский дом, 1994. 417 с.
Мнение Г.А. Потемкина о проекте В.В. Капниста // РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 56. Л. 9.
О заведении в Киеве вновь Шелкового завода, под надзором киевского дворянского предводителя Капниста // РГИА. Ф. 468. Оп. 37. Д. 226.
Ответы вице-канцлера графа А.А. Безбородко на мнение Г.А. Потемкина о проекте В.В. Капниста // РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 56. Л. 6.
Павловский К.Ф. Из переписки малороссийского генерал-губернатора князя А.Б. Куракина. Полтава: Элетрич. тип. Г.И. Маркевича, 1915. 64 с.
Положение, на каком может быть набрано и содержано войско охочих казаков // РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 56. Л. 3—5об.
Рубан В.Г. Краткая летопись Малыя России с 1506 по 1776 год. СПб.: Печ. при Артиллер. и инженер. шляхетн. кадетском корпусе, 1777. 242, 118 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Дашкевич Я.Р. Берлін, квітень 1791 р. Місія В.В. Капніста. Її передісторія та історія // Український археографічний щорічник. Київ: Наук. думка, 1992. Вип. 1. С. 220—260.
Журба О.І. «Представьте вы себе, какой зверь был Гетман! Это были пренечестивые деспоты!» (з листа свідомого українського патріота, автономіста та традиціоналіста початку ХІХ століття) // Дніпропетровський історико-археографічний збірник. Дніпропетровськ: Ліра, 2009. Вип. 3. С. 161—220.
Киселев М. А., Кочегаров К.А., Лазарев Я.А. Патроны, слуги и друзья: Русско-украинские неформальные связи и управление Гетманщиной в 1700—1760-х гг. Исследование и источники. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2022. 1244 с.

- Киянская О.И. Очерки из истории общественного движения в России в правление Александра I. СПб.: Нестор-История, 2008. 301 с.
- Конопка Н.О. Микола Григорович Репнін: дипломат, політик, урядовець. Острог; Нью-Йорк, 2016. 216 с.
- Кукушкина Е.Д. Материалы к биографиям В.В. Капниста, Н.В. Капниста, М.И. Веревкина // XVIII. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2015. Сб. 28. С. 487–489.
- Лазарев Я.А. Идеологическое поле «национального» интеллектуала имперского периода: взгляды Г.А. Полякова (1725–1784) на «украинскую государственность» // *Slověne*. 2016. Т. 5. № 1. С. 184–202.
- Лазарев Я.А. «И войска сии были при баталии Эгерсдорфской и на других сражениях...»: малороссийское казачество в контексте военных мобилизаций и планов российского правительства в годы Семилетней войны // Россия в глобальном конфликте XVIII века: Семилетняя война (1756–1763) и российское общество. М.: Новое литературное обозрение, 2023а. С. 342–367.
- Лазарев Я.А. Пример «потомкам всей России»: к истории культуры П.Л. Полуботка в Малороссии в первой четверти XIX в // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды: Сборник статей Международной научно-практической школы-конференции молодых ученых, Москва, 24–27 октября 2023 года. М.: Институт Российской истории РАН, 2023б. С. 105–113.
- Ляпо-Данилевский К.Ю. К вопросу о рецепции событий Великой Французской революции в России 1790-х годов (В.В. Капнист и его ближайшее окружение) // Русская литература: историко-литературный журнал. 1989. № 3. С. 49–56.
- Матях В.М. Капніст Василь Васильович // Енциклопедія історії України. Київ: В-во «Наукова думка», 2007. Т. 4: Ка-Ком. С. 96.
- Оглоблин О.П. Люди Старої України. Мюнхен: В-во «Дніпрова Хвиля», 1959. 328 с.
- Плохій С. Козацький міф. Історія та націєтворення в епоху імперій. Київ, 2013. 440 с.
- Kohut Z.E The Ukrainian Elite of the Eighteenth Century and Its Intergration into the Russian Nobility // The Nobility in Russia and Eastern Europe. New Haven: Yale Concilium on International and Area Studies, 1983. P. 65–97 (Укр. пер. 2004 г.).
- Kohut Z.E Russian Centralism and Ukrainian Autonomy: Imperial Absorption of the Hetmanate 1760s – 1830s. Cambridge: Harvard Ukrainian Institute, 1988. 363 pp. (Укр. пер. 1996).
- Ohloblyn O. American Revolution and Ukrainian Liberation Ideas During the Late 18th Century // The Ukrainian Quarterly. 1955. Vol. XI. No. 3. P. 203–212.

Рукопись поступила в редакцию 10.01.2025

Рукопись принята к печати 10.02.2025

REFERENCES

- Dashkevich Y.R. Berlin, kviten' 1791 r. Misija V.V. Kapnista. Її peredistorija ta istorija. *Ukraїns'kij arheografichnij shhorichnik*. 1992, vol. 1, pp. 220–260. (In Ukr.)
- Kijanskaja O.I. *Očerki iz istorii obshhestvennogo dvizhenija v Rossii v pravlenie Aleksandra I*. St. Petersburg, Nestor-Istorija Publ., 2008, 301 p. (In Russ.)
- Kiselev M.A., Kochegarov K.A., Lazarev Y.A. *Patrony, slugi i družja: Russko-ukrainskie neformal'nye svyazi i upravlenie Getmanshinoj v 1700–1760-h gg. Issledovanie i istochniki*. Ekaterinburg, Izd-vo Ural'skogo universiteta Publ., 2022, 1244 p. (In Russ.)
- Kohut Z.E The Ukrainian Elite of the Eighteenth Century and Its Intergration into the Russian Nobility. *The Nobility in Russia and Eastern Europe*. New Haven, Yale Concilium on International and Area Studies, 1983, pp. 65–97.
- Kohut Z.E *Russian Centralism and Ukrainian Autonomy: Imperial Absorption of the Hetmanate 1760s – 1830s*. Cambridge, Harvard Ukrainian Institute, 1988, 363 p.
- Konopka N.O. *Mikola Grigorovich Repnin: diplomat, politik, urjadovec'*. Ostrog; New York, 2016, 216 p. (In Ukr.)
- Kukushkina E.D. Materialy k biografijam V.V. Kapnista, N.V. Kapnista, M.I. Verevkina. *XVIII*, 2015, vol. 28, pp. 487–489. (In Russ.)
- Lappo-Danilevskij K.Yu. K voprosu o recepcii sobytij Velikoj Francuzskoj revoljucii v Rossii 1790-h godov (V.V. Kapnist i ego blizhajshee okruzhenie). *Russkaja literatura: istoriko-literaturnyj zhurnal*, 1989, no. 3, pp. 49–56. (In Russ.)
- Lazarev Y.A. Idejnoe pole «nacional'nogo» intellektuala imperskogo perioda: vzgljady G. A. Poletiki (1725–1784) na «ukrainskiju gosudarstvennost'». *Slověne*, 2016, vol. 5, no. 1, pp. 184–202. (In Russ.)
- Lazarev Y.A. «I vojska sii byli pri batalii Jegersdorfskoj i na drugih srazhenijah...»: malorossijskoe kazachestvo v kontekste voennyh mobilizacij i planov rossijskogo pravitel'stva v gody Semiletnej vojny. *Rossija v*

- global'nom konflikte XVIII veka: Semiletnaja vojna (1756-1763) i rossijskoe obshhestvo*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2023, pp. 342–367. (In Russ.)
- Lazarev Y.A. Primer «potomkam vsej Rossii»: k istorii kul'ta P.L. Polubotka v Malorossii v pervoj chetverti XIX veka. *Istorija Rossii s drevnejshih vremen do XXI veka: problemy, diskussii, novye vzglyady: Sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj shkoly-konferencii molodyh uchenyh, Moskva, 24–27 oktyabrya 2023 goda*. Moscow, Institut Rossijskoj istorii RAN, 2023, pp. 105–113. (In Russ.)
- Matjah V.M. Kapnist Vasil' Vasil'ovich. *Enciklopedija istorii Ukraïni: T. 4: Ka-Kom*. Kiev, V-vo «Naukova dumka» Publ., 2007, p. 96. (In Ukr.)
- Ohloblyn O. American Revolution and Ukrainian Liberation Ideas During the Late 18th Century. *The Ukrainian Quarterly*, 1955, vol. XI, no. 3, pp. 203–212.
- Ogloblin O.P. *Ljudi Staroj Ukraini*. Munich, 1959. 328 p.
- Plohiy S. *Kozac'kij mif. Istorija ta naciovrennja v epohu imperij*. Kiïv, 2013, 440 p.
- Zhurba O.I. «Predstavte vy sebe, kakoj zver' byl Getman! Jeto byli prenechestivye despoty!» (z lista svidomogo ukrains'kogo patriota, avtonomista ta tradicionalista pochatku XIX stolittja). *Dnipropetrovs'kij istoriko-arheografichnij zbirnik*, 2009, vol. 3, pp. 161–220.

Received on 10.01.2025

Accepted on 10.02.2025

ПРИЛОЖЕНИЕ

Документ № 1

*1787 г. Последняя треть. — 1788 г. Начало. Капнист В.В.
Проект о создании наемных (охочих) казацких полков.*

(Л. 3)

Положение, на каком может быть набрано
и содержано войско охочих казаков.

1. Всяк желающий вступить, не из владельческих токмо подданных, в охочие козаки должен явиться в назначенном месте у начальника войска охочих казаков с годною лошадей, седлом козацким, или без лошади и седла, с списом, в обыкновенном козацком мундире, и обязаться присягою отправлять воинскую службу, как прочие регулярные войска, со всем усердием, верностию и нещажением живота до самого кончания войны.
2. Явившийся со всем вышеписанным снарядам без лошади и седла имеет отправлять службу пеши, с половинным противу конного жалованьем на основании 10 пункта.
3. Зато всяки вступивший в охочие казаки, равно как и семейство его, освобождается от платежа подушного оклада.
4. Освобождается он и семейство его от дани рекрута и погонщика.
5. Начальнику войска охочих казаков позволяется после каждого похода отпускать по рассмотрению (л. Зоб.) его и удобства некоторую часть оных в зимный отпуск, с тем чтобы прежде выступления в поход все казаки были при войске налицо.
6. В случае побега охочьего казака или выгнания из войска за тяжкую вину, возвращается он и его семейство в прежнее положение, то есть: платят подушный оклад и дают рекрута и погонщика.
7. Каждый охочий казак, прослуживший действительно 10 походов, имеет право получить отставку и оставаться в положении 3 и 4 пунктов здесь выговоренном.
8. Всякая добыча войском охочих казаков взятая должна быть между ими разделена.
9. Войско охочих казаков не должно никогда и ни в каком случае по разным корпусам разделяемо или под начальство других командиров отдавано быть, но имеет всегда вкупе под предводительством своего начальника, или когда нужда

службы потребует главнокомандующим армиею противу неприятеля действовать, и ни в какое другое кроме прямо военное дело употребляемо быть не должно.

10. Каждый охочий казак, служащий на своей лошади, должен из казны получать жалованья в год по 12 руб., а провиант и фураж на положении протчих конных полков. Пеший же, получая от казны тоже (л. 4) самое жалованье и провиант, должен отдавать в войсковую казну по 6 руб. ежегодно на исправления войска.

11. Сабли, ружья, пистолеты, порох, свинец, ладунки, словом всю амуницию, и на каждую 1000 козаков по 4 полковые пушки с потребным к ним снарядом должно войско получать от казны с возвращением, когда оно распушено будет.

12. Да пожалуются войску охочих козаков от императорского величества войсковое знамя, хорунговые знаки, сотенные значки, литавры и трубы.

13. Позволить ему иметь походную церковь и священника.

14. Да определен будет в войско охочих козаков штаб-лекарь, потребное число лекарей, подлекарей и учеников на жалованьи казенном.

15. Дать право войску охочих козаков пользоваться походною армией аптекою.

16. Весь обоз и что к оному принадлежит должно войско от себя исправить и содержать.

17. Число войска охочих козаков, буди заблагоразсудиться, может ограничено быть до 5000 рядовых.

18. Позволить властью императорского величества начальнику войска охочих козаков набирать оных в трех малороссийских губерниях, вызывая их чрез нижние земские суды и чрез нарочных обнародованием положения, на котором сие войско учреждено будет. (л. 4об.)

19. Войско охочих козаков должно быть устроено сообразно прежнему козацких полков положению, а имянно: составлять полк, разделенный на хорунгвы, состоящая из 6-ти сотен, содержащая от 150 до 200 рядовых; а обучено военным действиям имеет быть совершенно равно прочим регулярным легкоконным полкам.

20. Начальник войска охочих козаков имеет быть определяем императорским величеством из старшин в оном войске служащих.

21. Войсковые же старшины, яко-то: по одному обозному войсковому на три хорунгвы, по одному асаулу войсковому на 3 хорунгвы; а сотенные старшины, как-то: сотники и войсковые товарищи по числу сотен должны определяемы быть главнокомандующим армиею из чиновников по представлению начальника войска охочих козаков и отставляемы за проступки войсковые старшины по общему, а сотенные по общему сотни прошению, одобренному согласием их начальника. Сотенные ж нижние чины, яко-то: сотенный атаман, хоружий и асаул будут определяемы по собственному выбору каждой сотни войск охочих козаков и отставляемы начальников и войсковою старшиною по общему сотни прошению.

22. Начальник войска охочих козаков, буди не имеет большего чина, должен оным считаться временно, пока в войске обретается против полковника регулярных войск. (л. 5)

23. Войсковые и сотенные старшины войска охочих козаков, буди не имеют большего чина, должны оными считаться временно, пока в войске обретаются, тако: обозный войсковый против подполковника; хорунжий против секунд-майора; сотник против ротмистра, а войсковый товарищ против поручика регулярных войск.

24. Все сии войсковые и сотенные старшины имеют получать токмо половинное жалованье сверстных им легкоконных чинов с тем же условием, чтоб и оное, буди по общему начальника, войсковых и сотенных старшин мнению нужда потребует, употребить на войсковые надобности, а служить в протчем на собственном иждивении.

25. В награждение же за то должны быть жалованы регулярными чинами чрез каждые два похода, имея право сверх того за похвальные и явственные отличия быть награждаемы по заслугам.

26. При том войсковые и сотенные старшины, прослужившие действительно в войске 6-ть походов, имеют право, взяв отставку, просить от правительства соот-
ветственных чинам их помещений к гражданским делам; и правительства, уважая
их добровольную государству службу, да будут обязаны удовлетворять их прозбы
предпочтительно прочих не только заслуженных. (л. Соб.)

27. Да позволено будет г[осподам] офицерам конных полков по приглашению
или соизволению начальника войска охочих козаков, вышед из полков, в которых
служат, определяться в войско охочих козаков старшинам и служить на изъяснен-
ном здесь в 22, 23, 24, 25 и 26 пунктах положении.

28. Жалованье как на войсковых и сотенных старшин, так и на сотенных нижних
чинов и охочих козаков, равно провиант и фураж, должны быть отпускаемы с само-
го дни вступления каждого в войско охочих козаков. На что и сумма по требованию
начальника онаго заблаговременно откуда повелено будет в войско да отпуститься.

29. Наконец, в случае замирения или каких других причин войско охочих коза-
ков повелением императорского величества может быть распущено, и тогда каж-
дый охочий козак возвращается в свой дом и остается на договорном здесь в 3 и
4 пунктах положении.

РГАДА. Ф. 10 «Кабинет Екатерины II». Оп. 1. Д. 56. Л. 3–5об. Подлинник.

Документ № 2

1789 г. Не ранее 17 февраля — Март.

Ответы вице-канцлера графа А.А. Безбородко на мнение Г.А. Потемкина
о проекте В.В. Капниста.

(Л. 6)

[Г.А. Потемкин]

Составление козацких полков по
образу прежняго положения нахо-
диться, опасаяся того же злоупотре-
бления, каковое было от их прежних
начальников.

А как они учреждаются на службу, то
литавры, трубачи и прочее пришего-
лье тут не нужно.

А быть им по образу донских козаков
я полагаю за лучшее

[А.А. Безбородко]

Злоупотребление прежних начальников малорос-
сийских войск последовало от того, что им вве-
рена была купно с военною гражданская власть.
Они обращали оную к разграблению имения
подчиненных своих. Но естли под прежним зако-
ренелым в народе названием чинов препоручится
им токмо власть военная, соразмерная прочим
регулярных войск начальством, то они на преж-
няя злоупотребления поползнуться не могут.

Литавры и трубы, хотя не нужные вещи к войне,
но аки дары монаршия послужат весьма к побуж-
дению народа записываться в войско.

На положении донских козаков, хотя оно и луч-
шее, ни один малороссианин не поохотится слу-
жить, ибо народ сей чуждается всего вновь вво-
димого. Под личиною же прежних обычаев мож-
но его обратить ко всему. Буди проэкт о наборе
охочих козаков должен быть приведен в дей-
ство, то весьма необходимо исходатайствовать
не[у]коснительно монаршее на оный утвержде-
ние, дабы в нынешнее зимнее время столь выго-
дое для набора козаков можно было начать сие
дело с надеждою показать плод и пользу онаго к
походу следующие весны.

РГАДА. Ф. 10 «Кабинет Екатерины II». Оп. 1. Д. 56. Л. 6. Подлинник.

Информация об авторе:**Лазарев Яков Анатольевич**

кандидат исторических наук,

научный сотрудник

Центр социальной истории

Института истории и археологии УрО РАН

г. Екатеринбург, Российская Федерация

ORCID ID: 0000-0002-6141-2215

E-mail: 9lazarev@gmail.com**Information about the author:****Yakov A. Lazarev**

PhD (History), Sciences, Researcher

Center for Social History of Institute

of History and Archeology,

Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

Yekaterinburg, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0002-6141-2215

E-mail: 9lazarev@gmail.com

Приднестровские молдаване в российском плену: казус имперской военной политики XVIII века. 2

© 2025 г. В.Б. Каширин

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

vbkashirin@mail.ru

Аннотация. Статья является продолжением исследования, опубликованного в предыдущем номере журнала «Славяноведение», и так же посвящена совершенно неизвестному до сих пор драматическому эпизоду из истории русско-турецкой войны 1768–1774 гг. — судьбе в плену в Российской империи многочисленной группы этнических молдаван из левобережного Приднестровья. В октябре 1769 г. в ходе военных действий вблизи Бендерской крепости российскими войсками были разорены населенные молдаванами села на левом берегу Днестра, находившиеся под юрисдикцией Крымского ханства. Около тысячи человек их жителей, в том числе женщины и дети, были взяты в плен и уведены в Россию. Командующий передовым российским корпусом генерал-майор граф Х.Л.К. Витгенштейн под предлогом спасения этих людей от голодной смерти раздал их офицерам вверенных ему войск, фактически превратив в крепостных. Это решение не только не соответствовало европейским законам и обычаям войны того времени, но и шло вразрез с интересами государственной политики России в условиях борьбы с Османской империей, противоречило конкретным распоряжениям верховной власти, касавшимся выходцев из Молдавии. Обстоятельства этого дела вскоре стали известны различным государственным учреждениям Российской империи, что повлекло долгую межведомственную проработку, вскрывшую ряд явных злоупотреблений и затронувшую интересы ряда влиятельных лиц государства. В конечном счете, в отношении, по крайней мере, части пленных молдаван удалось добиться справедливости и соблюдения законности, что стало одним из частных примеров преодоления и изживания в России XVIII в. архаических и варварских практик ведения войн старого времени. Статья написана на материале архивных документов военного и дипломатического ведомств Российской империи, впервые вводимых в научный оборот.

Ключевые слова: русско-турецкая война 1768–1774 гг., Крымское ханство, княжество Молдавия, Государственная военная коллегия, Государственная коллегия иностранных дел, молдаване, Бендеры, «ханские села», Н.И. Панин, П.И. Панин, Х.Л.К. Витгенштейн.

Ссылка для цитирования: Каширин В.Б. Приднестровские молдаване в российском плену: казус имперской военной политики XVIII века. 2 // Славяноведение. 2025. № 4. С. 23–36. DOI: 10.31857/S0869544X25040024, EDN: UZJYHV

Moldovans from the Lower Dniester Region in the Russian Captivity: a Case of the Imperial War Policy of the 18th Century. 2

© 2025. Vasilii B. Kashirin

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

vbkashirin@mail.ru

Abstract. The article is devoted to a previously unknown dramatic episode from the history of the Russo-Turkish War of 1768–1774 – the fate of a large group of ethnic Moldovans from the left bank of the Dniester river in captivity in the Russian Empire. In October 1769, during military actions near the Bendery Fortress, Russian troops devastated the villages inhabited by Moldovans on the left bank of Dniester, which were under the jurisdiction of the Crimean Khanate. About a thousand of their inhabitants, including women and children, were taken prisoner and taken away to Russia. The commander of the advanced Russian corps, Major General Count Ch.L.K. zu Sayn-Wittgenstein, under the pretext of saving these people from starvation, distributed them among the officers of his troops, effectively turning them into serfs. This decision not only did not comply with the European laws and customs of war of that time, but also ran counter to the interests of the state policy of Russia in the context of the struggle with the Ottoman Empire, contradicted specific orders of the supreme power regarding people from Moldova. The circumstances of this case soon became known to various state institutions of the Russian Empire, which entailed a long interdepartmental discussion, which revealed a number of obvious abuses and affected the interests of a number of influential people in the state. Ultimately, with respect to at least some of the captured Moldovans, it was possible to achieve justice and compliance with the law, which became one particular example of overcoming and eliminating archaic and barbaric practices of waging wars in Russia in the 18th century. The article is written on the basis of archival documents of the military and diplomatic departments of the Russian Empire, introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: Russo-Turkish War of 1768–1774, Crimean Khanate, Principality of Moldova, State Military Collegium, State Collegium of Foreign Affairs, Moldovans, Bender, «khan's villages», N.I. Panin, P.I. Panin, Ch.L.K. zu Sayn-Wittgenstein.

For citation: *Vasilii B. Kashirin.* Moldovans from the Lower Dniester Region in the Russian Captivity: a Case of the Imperial War Policy of the 18th Century. 2 // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences.* = *Slavyanovedenie.* 2025. No. 4. P. 23–36. DOI: 10.31857/S0869544X25040024, EDN: UZJYHV

Перед началом многотрудной полевой кампании 1770 г. и предстоявшей осады Бендерской крепости главнокомандующий российской 2-й армией генерал-аншеф граф П.И. Панин хотел добиться, чтобы одобренное им незаконное распоряжение графа Х.Л.К. фон Витгенштейна о фактическом превращении угнанных из левобережного Приднестровья молдаван в крепостных получило санкцию верховной власти, более никем не оспаривалось и не привлекало внимания бюрократических структур. В противном случае вызванные этим разбирательства могли обременить его в разгар выполнения возложенной на него главной стратегической задачи и вызвать недовольство в высших органах власти. Однако вопреки желанию Петра Панина и даже помимо его местных трений с киевским генерал-губернатором Ф.М. Воейковым вопрос о судьбе тысячи пленных молдаван постепенно стал разными путями достигать центральных учреждений Российской империи.

Вмешательство Государственной военной коллегии. Весной 1770 г. сравнительно небольшая группа из числа взятых в плен приднестровских молдаван, всего несколько десятков человек, так и не розданных в «партикулярные руки», была прислана из города Глухова, административного центра Малороссии, в Белгород. Тамашний губернатор тайный советник Андрей Матвеевич (Генрих-Матиас) Фливерк запросил у Военной коллегии указаний, как ему следует поступать с пленными волохами, учитывая, «что оне веры греческого исповедывания»¹. Ранее коллегия предписала ему руководствоваться указами о неприятелих пленных, подписанными 3 сентября и 12 ноября 1769 г. Однако педантичный немец и старый службист (с 1722 г.) Фливерк со своей стороны подчеркивал, что в данных указах шла речь о пленных турках и татарах и никак не оговаривалось, что же делать с единоверными молдаванами.

Кроме того, появились и некоторые новые обстоятельства. 15 марта 1770 г. к Фливерку обратился подполковник² Изюмского гусарского полка Аким Фомич Бедряга. Это был храбрый и заслуженный офицер «из молдавского шляхетства». Фамилия Бедряг, переселившихся в Россию при Анне Иоанновне, не принадлежала к числу особо знатных родов княжества Молдавия, но позднее ряд ее представителей отличился и выдвинулся на российской военной службе. В Отечественную войну 1812 г. три родных брата Михаил, Сергей и Николай Бедряги вместе с Д.В. Давыдовым служили офицерами в Ахтырском гусарском полку, которым ранее командовал их отец, и покрыли себя славой в боях с армией Наполеона. Упомянутый же Аким Бедряга, представитель старшего поколения той семьи, поступил на российскую службу в 1746 г., всего 11 лет от роду. Он участвовал во всех кампаниях и баталиях российской армии в Семилетнюю войну, в битве при Кунерсдорфе взял в плен и лично представил главнокомандующему прусского подполковника, пять других офицеров, несколько гусар и кирасиров; был в экспедиции на Берлин в 1760 г. и под Кольбергом в 1761 г., отличился в различных партизанских набегах и стычках. Когда в 1762 г. в краткий период царствования Петра III Россия фактически перешла на сторону Пруссии, капитану Бедряге довелось быть, по словам его послужного списка, «в прусской армии с корпусом графа Захара Чернышева при разбитии при батареях цесарских кирасир молдавских эскадронов в присутствии Его Величества короля прусского»³. Таким образом, офицер-молдаванин Бедряга имел опыт борьбы и против пруссаков, и против тяжелой кавалерии императрицы Марии Терезии. А в октябре 1769 г., как было рассказано в первой части этой статьи, он участвовал в набегах российских передовых корпусов на Бендеры и успешно совершил вылазку в самое предместье крепости. За проявленное отличие Бедряга получил свою долю добычи в виде некоторого числа угнанных из «ханских сел» соплеменников-молдаван.

В начале весны 1770 г. произведенный в подполковники Бедряга прислал к белгородскому губернатору Фливерку своего земляка с письмом, в котором сообщал, что «онные волохи взяты не в плен», и пояснял: «В прошлом году будучи корпус лехких войск под Бендерами, между прочим разорением хана крымского жилищ сожжены многия слободы, в которых жили волохи, в подданстве его,

¹ РГВИА. Ф. 16. Оп. 1. Ед. хр. 827. Л. 1–1об. А.М. Фливерк – в ГВК. Рапорт. 18 марта 1770 г.

² А.Ф. Бедряга был произведен в чин подполковника 1 января 1770 г., и в некоторых документах его называли еще прежним чином премьер-майора того же Изюмского полка.

³ РГВИА. Ф. 490. Оп. 3. Ед. хр. 114. Л. 521об.–522. Список состоящим во второй армии в двух слободских и трех поселенных гусарских полков штап офицерам с показанием их службы, старшинства и достоинства. 22 декабря 1770 г. Подполковник А.Ф. Бедряга.

и за неимением казенного правианта таковых з женами и детьми роздано при выписке разным афицерам с тем, чтоб оне вывезли их на своем содержании в Россию и на своих бы землях поселили в вечное российское подданство»⁴.

Подполковник Бедряга прямодушно докладывал, что и сам он из этого числа молдаван «своим коштом» вывел несколько семей в свою деревню Лазуковку Змиевского уезда на Харьковщине. Согласно его послужному списку 1770 г., за ним числилось «мужеска полу душ крестьян 6, малороссиян 80»⁵, и, возможно, под «крестьянами»-немалороссиянами он имел в виду как раз молдаван. Далее в письме Фливерку подполковник Бедряга продолжил, что в результате описанных действий командования некоторые молдавские семьи оказались разлучены, отдельные люди остались в распоряжении властей, «под арестом», на содержании государства. В связи с этим храбрый гусарский офицер просил о распоряжении, чтобы эти семьи получили возможность воссоединиться (подразумевалось, что в его деревне). Обращение Бедряги, как и реляция П.И. Панина 24 мая 1770 г., говорили о том, что раздача ханских волохов в частные руки была обусловлена отсутствием продовольствия и теплой одежды, но при этом нигде даже не упоминалось, что эти несчастные имели возможность хотя бы сами выбрать себе будущих хозяев. А факт того, что некоторые семьи оказались разлучены, показывает, что это распределение молдаван между офицерами русской армии носило произвольный, хаотический и, вероятно, принудительный характер. Фактически, суровый рок военного времени поставил их перед выбором — смерть или рабство, и люди предпочли жизнь в неволе.

Получив запрос губернатора Фливерка, в Военной коллегии сразу поняли, что ситуация с пленными молдаванами, распоряжения командования 2-й армии и пожелания майора Бедряги совсем не соответствуют ни букве, ни основной политической идее рескрипта Ф.М. Воейкову 21 августа 1769 г. о создании Молдавского гусарского полка, именного указа ему же 16 ноября 1769 г., и вообще каким-либо нормативным документам об обращении с пленными и выходцами из Молдавии. Дело явно выходило за рамки всякой законности, и тогда в военном ведомстве решили перенаправить этот вопрос на рассмотрение Правительствующего сената, куда 30 апреля 1770 г. и был послан соответствующий запрос из ГВК⁶.

Несмотря на военное время, Сенат подошел к делу обстоятельно и готовил ответ более месяца. 4 июня 1770 г. в указе за первой подписью обер-секретаря Н.Ф. Дурасова Сенат сообщил в Военную коллегия справочные сведения об историческом опыте обращения в России с иностранцами-военнопленными со времен императрицы Анны Иоанновны⁷. По этой справке, пленным, взятым в войнах с Турцией 1736–1739 гг. и со Швецией 1741–1743 гг. по окончании военных действий было официально позволено беспрепятственно вернуться домой, кроме тех, захотел бы добровольно остаться в России. В начале Семилетней войны указом 24 сентября 1757 г. было предписано «пруссских пленнх распределить, кто куда пожелает, а ежели из них кто и в партикулярные услуги идти или инако каким рукоделием сам собою питаться пожелает, оным в том дать волю»⁸. Наконец, уже в текущую войну с Турцией новейший высочайший

⁴ РГВИА. Ф. 16. Оп. 1. Ед. хр. 827. Л. 1.

⁵ РГВИА. Ф. 490. Оп. 3. Ед. хр. 114. Л. 521об.—522.

⁶ РГВИА. Ф. 16. Оп. 1. Ед. хр. 827. Л. 6–7об. ГВК — в Правительствующий Сенат. Доношение. 30 апреля 1770 г.

⁷ Там же. Л. 11–11об. Правительствующий Сенат — в ГВК. Указ. 4 июня 1770 г. № 5567.

⁸ Там же.

указ 20 апреля 1770 г. предписывал взятых в плен турок и татар, пожелавших принять крещение, объявить «вольными людьми, оставляя им на волю избирать себе такой род жизни, какой сами похотят, на службу определять не иначе, как по их желанию»⁹.

Таким образом, из документов видно, что официальные распоряжения властей Российской империи были вполне разумными и гуманными и вполне отвечали законам и обычаям войны цивилизованного мира. Конечно, на практике разрешение пленным идти «в партикулярные услуги» создавало возможности для злоупотреблений и фактического закабаления отдельных людей. Но не могло быть и речи о том, чтобы тысяча человек, с женщинами и детьми, притом не турок или татар, а единоверных православных волохов, были разом обращены в крещеную собственность российских офицеров, в их крепостных.

По существу же запроса Военной коллегии от 30 апреля Сенат указал, что в донесении «не изъяснено», «по чьим определениям [вышеписанные в доношении военной коллегии волохи, взятые под Бендерами] из армии афицерам, в том числе и подполковнику Бедряге, для поселения в их маестностях раздаваны были, для каких имянно притчин и кому сколько»¹⁰. Поэтому Военной коллегии предписывалось, «выправясь основательнее», обобщить искомые сведения и представить их в Сенат «со мнением», т.е. с собственной мотивированной позицией и предложениями. Вдобавок все тот же белгородский губернатор А.М. Фливерк рапортом 27 мая 1770 г. повторил свой прежний запрос и настоятельно требовал официального императорского указа по этому предмету¹¹.

Теперь Военной коллегии уже поневоле пришлось предпринять следующий, уже давно назревший и необходимый шаг — направить запрос главнокомандующему 2-й армией графу П.И. Панину. Эта бумага была отправлена 21 июля, т.е. на следующий день после того, как войска 2-й армии заложили первую параллельную траншею под стенами Бендерской крепости, тем самым открыв ее формальную осаду¹². В главную квартиру Панина запрос прибыл примерно спустя две недели, в разгар боевых действий под Бендерами, а ответить на него у главнокомандующего дошли руки только 5 сентября, когда осада приближалась к своей кульминации — решающему штурму, и спустя не меньше месяца с момента получения этой бумаги. В рапорте Панин писал: «Я на то государственной военной коллегии таперь обстоятельно донести не могу, за тем что **ни того генерала майора графа Витгенштейна, которой был в бендерской экспедиции командиром и тех волохов раздавал, здесь при армии не состоит**, но находится за болезнию в Переясловле, **ни же тех дел, ис коих бы требуемую ведомость сочинить должно, при мне нет**, а при выступлении в компанию оставлены в Харькове, без чего ее и прислать прежде вступления в винтер-квартиры невозможно»¹³.

Состояние делопроизводства в российской действующей армии того времени и шекотливость ситуации позволяют усомниться в том, что раздача пленных молдаван в собственность российским офицерам была должным образом задокументирована. Едва ли в оставшихся в Харькове делах главной квартиры 2-й армии имелись какие-либо конкретные сведения об этом предмете.

⁹ Там же. Л. 11об.

¹⁰ Там же. Л. 11об.

¹¹ Там же. Л. 12–12об. А.М. Фливерк — в Государственную Военную коллегию. Рапорт. 18 марта 1770 г.

¹² Там же. Л. 29–30. ГВК — П.И. Панину. Указ. 21 июля 1770 г. № 8610.

¹³ Там же. Л. 34–34об. П.И. Панин — в ГВК. Рапорт. 5 сентября 1770 г. Из лагеря пред стенами Бендер. № 2448.

И в том же рапорте в Военную коллегия граф Петр Иванович добавил, что по вопросу о пленных волохах им 24 мая 1770 г. была уже отправлена отдельная реляция на высочайшее имя, ответа на которую он пока еще не получил (и это спустя более трех месяцев после отправления реляции!).

Примечательно, что текст проекта ответного рескрипта на нее все же был составлен в ведомстве Н.И. Панина; он найден мной в делах фонда «Сношения России с Крымом» в АВПРИ. В этом проекте говорилось, что императрица одобряет доводы генерала Панина о пленных волохах и, «соображая с Нашим всегдешним мнением о невинных христианах в настоящей войне», решила «предписать, чтоб с одной стороны Нам служащие в войске люди при настоящих своих военных трудах не претерпели вящего и особливого изнурения, естли находящихся у них в услугах теперь пленных от них отобрать на поселение, наипаче когда они для сущаго сохранения их жизни и за недостатком пропитания им розданы были»¹⁴. И здесь же составитель проекта написал, что **«не можно так-овых пленных считать в равном качестве с теми христианами, кои из Молдавии сами выходят или высылаются нашими войсками, яко из такой земли, которая уже вся от нашего неприятеля оставлена и о коих одних и дело шло в повелениях наших о поселении Нашему генерал-губернатору Воейкову»**¹⁵.

По сути, сам Н.И. Панин, автор всех упомянутых рескриптов и указов Воейкову о молдаванах, попытался задним числом подразделить молдавских выходцев на разные качественные категории, хотя в самих тех его документах данный вопрос никак не конкретизировался. А резолютивная часть проекта рескрипта гласила: «Потому и имеете вы, так как уже и прежде собою то делали, **оставить еще до времени в настоящем неопределенном положении, следовательно, в молчании, дальнейшей жребий тех пленных**, с тем справедливым в армии вашей наблюдением, чтобы они своевольно и без надлежащих отпусных своих настоящих помещиков не оставляли и другими приемлемы не были»¹⁶.

Иными словами, составитель проекта рескрипта безоговорочно соглашался с абсолютно незаконными по своей сути аргументами генерала П.И. Панина, шел навстречу его пожеланиям и санкционировал закрепощение приднестровских молдаван на неопределенный срок. Летом 1770 г., во время тяжелой полевой кампании и осады Бендер, а также в условиях ослабления панинской партии в непрекращающейся придворной борьбе граф Никита Иванович и не мог поступить иначе, кроме как оказать поддержку младшему брату-полководцу. Этот проект не датирован, и, по всей видимости, он так никогда не был подписан императрицей и не отправлен П.И. Панину. Возможно, граф Никита Иванович все же посчитал нецелесообразным представлять императрице бумагу по столь щекотливому вопросу, и проект лег под сукно.

В ночь с 15 на 16 сентября 1770 г. состоялся решающий штурм Бендерской крепости, в результате которого эта османская твердыня после эпической и кровавой борьбы пала и была почти полностью уничтожена пожаром. В октябре войска российской 2-й армии вернулись обратно в пределы России, приведя с собой около 12 тыс. пленных жителей Бендер обоего полу. В их числе находились также 150 мужчин-молдаван и 218 молдаванок, перенесших всю двухмесячную осаду внутри крепости¹⁷. Сам генерал граф П.И. Панин

¹⁴ АВПРИ. Ф. 123. Оп. 123/2. 1769 г. Ед. хр. 9. Л. 11–11об. Черновик высочайшего рескрипта П.И. Панину. Б.д. [1770 г.].

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Ед. хр. 1853. Ч. 2. Л. 335. Список взятым в Бендерской крепости военнопленными пашам и главным начальникам по именам, а протчих турок и других разных нацей людям по званиям.

28 октября 1770 г. в силу целой совокупности политических и психологических причин был вынужден подать в отставку.

Однако вопрос о судьбе молдаван, взятых в плен в Приднестровье осенью 1769 г. и розданных офицерам-помещикам, по-прежнему был далек от разрешения и оставался на контроле у Сената. К этому времени Военная коллегия со своей стороны не добилась никакого прогресса, хотя на местах ситуация продолжала развиваться. 22 августа 1770 г. совершили побег пять человек из числа тех молдаван, которые находились в Белгороде в качестве пленных на казенном содержании¹⁸. Тогда губернатор Фливерк, так и не дождавшись указаний из Петербурга, решил действовать самостоятельно. Он запросил у Ф.М. Воейкова из Киева копию рескрипта, данного 16 ноября 1769 г. (о пленных из 1-й армии) и на его основании в инициативном порядке решил вопрос о судьбе пленных приднестровских молдаван, находившихся в Белгороде. Был составлен их поименный список, в который вошло 34 волоха¹⁹. При опросе 4 октября 1770 г. все они заявили о своем желании поселиться в Миргородском уезде на казенной земле, куда они и были быстро отправлены²⁰. По сути, так и без участия центрального аппарата военного ведомства, благодаря настойчивости и энергии губернатора Фливерка, судьба этой группы молдаван изменилась к лучшему, они избежали рабской доли и получили свободу.

17 декабря 1770 г. Сенат вновь потребовал от Военной коллегии рассмотреть материалы по вопросу о розданных офицерам молдаванах и представить на заключение «со мнением». Военные отвечали чисто бюрократически: перечислили все, что было ими сделано по части написания различных бумаг, хотя по части практических дел они могли сослаться лишь на действия Фливерка. Эта отписка никак не могла устроить Сенат, тем более что туда разными путями поступали все новые напоминания о нерешенной молдавской проблеме.

Уже упомянутый подполковник-молдаванин Аким Бедряга поднял очередной вопрос. Он писал, что выведенные им в Лазуковку волохи, всего тридцать семей, **«по российски ни говорить, ни разуместь еще не могут»**, но среди них имелся собственный священник протопоп Николай Маркович. И потому Бедряга просил епископа Белгородского Самуила (Миславского), чтобы тому было разрешено совершать службы. Вопрос дошел до Синода, а тот обратился в Сенат. С почти аналогичной просьбой в Белгородскую духовную консисторию обратились и молдавские священники Василий Лукьянов, Дмитрий Киприанов и дьякон Григорий Попов, также приведенные в Россию вместе с другими пленными молдаванами из-под Бендер и определенные в Бахмутский гусарский полк. **«В том Бахмутском полку воложского народа состоит более трех тысяч душ, и по-российски говорить совсем не умеют, да и вакансии священнические имеются»**, — указывали молдавские клирики и на этом основании просили разрешить им священнодействие в Бахмутском полку, чтобы они «без должности своей по народам скитаться и без пропитания быть не могли». По этому поводу

¹⁸ РГВИА. Ф. 16. Оп. 1. Ед. хр. 827. Л. 42. Выписка Государственной Военной коллегии. Б.д. [1770 г.].

¹⁹ Имена этих молдаван: Григорий Колесник, Датасея Дева, Семен Василиев, Семион Кирчиур, Сандул Шионтан, Стаси Кирчиур, Дотор Дулдиер, Василий Колц, Мигалити Кишаняно, Александр Макови, Серди Абабе, Петр Радиоли, Аника Рошка, Иоаница Бурле, Василий Цуцун, Яцко Павленко, Василий Гангиш, Дмитрий Цепорде, Антон Зинару, Иваница Трифан, Стефан Кракан, Григораши Шорарь, Матвей Зиндель, Трохин Ширкан, Наган Кина, Николай Зинару, Михаил (?) Стефанила, Василий Дьяченко, Мигалити Терентиев, Иваница Никитох, Василий Голитон, Василий Тимижиро, Симеон Кирчиур, Иваница Гузун (РГВИА. Ф. 16. Оп. 1. Ед. хр. 827. Л. 51).

²⁰ РГВИА. Ф. 16. Оп. 1. Ед. хр. 827. Л. 42–43. Выписка Государственной Военной коллегии. Б.д. [1770 г.].

Синод также обратился в Сенат, и все эти и другие подобные обращения неизбежно служили дополнительными мелкими раздражителями для сенатского руководства и побуждали его добиваться у Военной коллегии выяснения и разрешения вопроса о пленных молдаванах по существу²¹.

27 января 1772 г. Сенат уже с явным недовольством указал ГВК, что по его прежним запросам о волохах до сих пор ничего не представлено, и потребовал скорее исполнить это²². И только тогда 18 февраля 1772 г. Военная коллегия доложила в Сенат, что, по ее мнению, с пленными молдаванами из «ханских жилищ» следует поступать на основании рескрипта 16 ноября 1769 г. и все дело поручить киевскому генерал-губернатору Воейкову²³ (спустя два с половиной года после подписания этого рескрипта!).

Предложение было принято, одобрено и утверждено Сенатом, о чем сообщили Военной коллегии, Синоду, киевскому генерал-губернатору и белгородскому губернатору. По сенатскому указу от 16 марта 1772 г., со всеми пленными молдаванами предписывалось поступать на основании рескрипта 16 ноября, **«буде они где остались без распределения»**²⁴. И вновь это была абсолютно неудачная и двусмысленная формулировка, которая оставляла за рамками судьбу тех молдаван, кто три года назад уже получил «распределение» в крепостные. Об их поиске, освобождении, расследовании и наказании виновных в указе Сената не было и речи. Между тем, положение закрепощенных молдаван из Приднестровья зачастую было ужасным. Если, например, описанные хлопоты храброго гусарского штаб-офицера Акима Бедряги о передаче ему волохов, содержащихся в Белгороде, еще можно объяснять заботой о воссоединении семей соотечественников и желанием создать в своей деревне Лазуковке некое молдавское землячество-колонию, то теперь благодаря найденным новым архивным документам стали известны и намного более мрачные, даже страшные случаи, одним из которых стало дело помещиков Телегиных.

Волохи на Вологодчине. В конце концов, к вопросу о молдаванах из Приднестровья подключилось еще одно могущественное ведомство Российской империи — Государственная коллегия иностранных дел. А непосредственным толчком к этому послужило обращение одного из этих волохов. Летом 1772 г. молдаванин Иван Георгиев сумел подать в Коллегию иностранных дел прошение-жалобу, в котором изложил историю своей семьи²⁵. По его словам, в 1770 г. (правильно — осенью 1769 г., как указывалось в дальнейшей переписке. — В.К.) «взят он с отцом своим, матерью, четырьмя братьями и невесткою Третьего гранодерского полку (правильно — Второго гренадерского полка. — В.К.) майором Петром Сергеевым сыном Телегиным и **по вывозе в Россию отец его, три брата и невестка отправлены в Вологодскую его Телегина вотчину**, а один его Георгиева брат оставлен в Москве; сам же он Иван по привозе сюда в Санкт-Петербург у отца того Телегина флота лейтенанта оставлен, и по многократным их об отпуске прошениям они не уволены, но все против воли их теми Телегиными удерживаются, с намерением вечно укрепить их и определить в крестьянство»²⁶. Георгиев просил об освобождении своей семьи и о выдаче «письменного вида» для беспрепятственного возвращения на родину.

²¹ РГВИА. Ф. 16. Оп. 1. Ед. хр. 827. Л. 48–48об. Сенат — в ГВК. Указ. 17 декабря 1770 г. № 2260.

²² Там же. Л. 52–53. Сенат — в ГВК. Указ. 27 января 1772 г. № 113.

²³ Там же. Л. 63–63об. ГВК — в Сенат. Рапорт. 18 февраля 1772 г.

²⁴ Там же. Л. 64–64об. Сенат — в ГВК. Указ. 16 марта 1772 г. № 331.

²⁵ Там же. Л. 80. ГКИД — в Правительствующий Сенат. Доношение. 2 ноября 1773 г.

²⁶ РГВИА. Ф. 16. Оп. 1. Ед. хр. 827. Л. 80. ГКИД — в Правительствующий Сенат. Доношение. 2 ноября 1773 г.

Ведомство графа Никиты Панина затребовало объяснений у упомянутого отставного флотского лейтенанта Сергея Телегина, и тот сообщил, что во время военных действий корпуса графа Витгенштейна на Днестре «на неоднократном под Бендерами сражении **взято военнопленными с турецкой стороны многое число семей волохов, и оныя от того генерал майора розданы желающим штаб и обер офицерам**; между коими и сыну его волох Иван Орданов (называвшейся ложно Георгиевым) с отцом, матерью и показанными братьями достался, а упоминаемая невестка у другого тамо офицера сыном его Телегина **девкою куплена и в Москве уже за брата того Ивана Орданова выдана**; и всего **сыну его мужеска и женска полу военнопленных до тридцати восьми душ досталось**, на коих дана ему от помянутого генерала майора для вечного владения даная (т.е. «данная грамота», официальный документ на право владения, аналог дарственной или купчей. — В.К.), сверх которой они, волохи, и в Московской губернской канцелярии явлены, в приметы, в лета и в рост описаны, и по определению оной канцелярии для поселения, так же во владение отданы»²⁷.

Прямодушный старый моряк-крепостник Телегин заявлял там же, что этих молдаван, «яко пленных по силе воинского устава (Артикула воинского 1715 г. — В.К.) 14 главы 114, 115 и 116 артикулов, и отпускать не следует», и «просил об отдаче ему того волоха по прежнему во услужение», с тем, чтобы, если однажды их все же придется отпустить, они возместили ему «употребленные на содержание их убытки»²⁸. Эта ссылка на нормы российского военного законодательства демонстрирует весьма своеобразное правосознание Телегина-старшего. Артикул 114 предписывал, под угрозой лишения офицеров чина, а нижним чинам наказания шпицрутенами, всех взятых пленных передавать начальству, а не удерживать у себя. Артикулы 115 категорически запрещал убивать пленных, а также освобождать их без ведома и позволения командующего генерала. Наконец, артикул 116 запрещал военнослужащим силой отнимать пленных друг у друга²⁹. Безусловно, во времена Петра Великого Россия вела свои войны на иностранной территории весьма сурово и подчас жестоко, в том числе в отношении гражданского населения. И все же в упомянутой главе петровского Артикула воинского ничего не говорилось о том, что целые семьи единоверцев могли браться «в плен» и раздаваться офицерам в вечную крепость. Из объяснений же Сергея Телегина явствовало, что порабощенные приднестровские молдаване перепродавались как товар, по головам и в розницу, подобно упомянутой невестке Ивана Георгиева (Орданова). Показания Телегина-старшего подтверждали и тот факт, что документы на вечное владение ими офицерам раздавал генерал граф Витгенштейн.

Гренадерский майор Петр Телегин, со своей стороны, дал аналогичные объяснения, уточнив только, что волохи были взяты в плен в октябре 1769 г. и что из них «некоторые были вооружены и противились здешним войскам». Это было единственное конкретное упоминание о вооруженном сопротивлении молдаван из ханских сел, и, по всей видимости, оно было измышлено Телегиным для подкрепления его позиции. Майор уточнял, что при дележе молдаван ему досталось до 35 человек, что в Московской губернской канцелярии были оформлены документы на владение ими, а затем они были вывезены на Вологодчину и распределены по деревням его отца, «скотом и хлебом снабдены». При этом Телегин жаловался, что так и не получил от своих

²⁷ Там же. Л. 80об.—81.

²⁸ Там же. Л. 81—81об.

²⁹ Артикул воинский. С. 120—122.

крепостных-молдаван никакой прибыли и лишь понес большой убыток, «за непривычкою их и незнанием российского языка». На этом основании Телегин просил, чтобы, если будет принято решение об освобождении молдаван, ГКИД компенсировала ему расходы или установила «урочные годы», в течение которых молдаване отработали бы свой «долг»³⁰. Все упомянутые прошения отца и сына Телегиных и подполковника Акима Бедряги свидетельствуют, что эти офицеры-крепостники в сложившейся коллизии считали себя совершенно правыми и не стеснялись добиваться от властей того, что, по их мнению, им причиталось.

Коллегия иностранных дел взялась за дело о закрепощенных молдаванах всерьез. 23 июля 1772 г. она запросила у Московской губернской канцелярии, на каком основании та выдала документы, фактически закреплявшие волохов в частной собственности помещиков Телегиных. Канцелярия долго и упорно уклонялась от ответа, что дополнительно указывало на незаконные обстоятельства дела. После нескольких запросов в Москву ГКИД была вынуждена написать в Юстиц-коллегию, чтобы та заставила Московскую губернскую канцелярию поторопиться с ответом по существу. 20 марта 1773 г. Юстиц-коллегия сообщила о «строгом под штрафом» подтверждении своего требования к Московской канцелярии, чтобы та с первой же почтой отправила ответ, «но она канцелярия и по тому не учинила никакого исполнения». 9 мая пришлось обратиться уже к самому московскому генерал-губернатору генерал-аншефу и сенатору князю М.Н. Волконскому, чтобы он заставил подчиненную ему канцелярию дать ответ. И только тогда, «к немалому удивлению коллегии», канцелярия 29 мая 1773 г. ответила, что у нее документов по вопросу о молдаванах-крепостных Петра Телегина не имеется³¹. Налицо были уже не просто вопиющие неурядицы в бюрократической машине империи, а признаки коррупционного преступления.

В то же время запрошенная ГКИД Вологодская провинциальная канцелярия докладывала, что волохи, поселенные в тамошних деревнях, сообщили, что **«взяты они под видом турок в плен и с женами и детьми помещиком Петром Телегиным поселены на Вологде, где они по требованию с них оброка и по посылке к непривычным им работам видят себе притеснение, а особливо, что все жены и дети их по бедности ходят для сыскания пропитания по миру»**³². Они просили об освобождении их от Телегина и об определении на службу в гусарские полки или на поселение в Новороссийскую губернию (то есть о том, что, согласно букве указов российской верховной власти, полагалось молдавским выходцам по праву).

16 декабря 1773 г. Сенат предписал коллегиям Военной и Иностранных дел совместно изучить вопрос о молдаванах, «положить об них общее мнение» и представить его. В ходе этой межведомственной проработки вопроса ГКИД все пыталась выяснить у военных, на каком основании молдаване были отданы в частные руки, а те, ссылаясь, в первую очередь, на цитированный выше рапорт П.И. Панина от 5 сентября 1770 г. из-под стен Бендерской крепости, отвечали, что у них сведений не имеется.

Коллегия иностранных дел предельно четко и твердо указывала, что в условиях войны с Портой обращение с молдаванами в Российской империи было вопросом высокого политического значения: «Находящиеся из них теперь и в

³⁰ Там же. Л. 82.

³¹ Там же. Л. 82–83об.

³² Там же. Л. 82об.

здешней империи заслуживают уже всякое признание, тем паче что образ наблюдаемого с ними поступка по необходимости служить может или к вящему утверждению их однородцов и в природных своих местах живущих в преданности и доброжелательстве, или же напротив того и к отвращению от той приbezности, какую они поныне имели, да и впредь могли бы иметь»³³.

При этом ГКИД особо подчеркивала, что даже если некоторые волохи, оказавшиеся у Телегина, «взяты имев оружие в руках», это не может служить поводом для их закрепощения, так как «известно, что все христиане, Порте Оттоманской подвластные, в жестокой в сем случае необходимости находятся, и употребление их в войсках турецких есть следствием паче их порабощения, а не доброй воли и желания»³⁴. И даже если бы эти молдаване сражались против России добровольно, указывала ГКИД, это все равно не являлось достаточным основанием для превращения таких пленных в частную собственность офицеров-помещиков. Вообще же позиция внешнеполитического ведомства в этой переписке производит впечатление мудрого и гуманного государственного прагматизма, если не вспоминать о том, что летом 1770 г. сам граф Н.И. Панин был готов санкционировать незаконное порабощение молдаван, чтобы поддержать своего брата-генерала.

Не имея ни возможности, не желания спорить в данном случае с внешнеполитическим ведомством, Военная коллегия нашла самое удобное для себя решение самоустраниться и делегировать все дело дипломатам. Она писала, что этот вопрос, «как они (молдаване. — В.К.) люди иностранные и принадлежат более до коллегии иностранных дел, предоставляет на собственное ее разсуждение»³⁵.

В итоге, получив ответы обеих коллегий, Сенат издал указ 9 декабря 1774 г., предписывавший, чтобы Вологодская провинциальная канцелярия «всех тех волохов, взяв из владения майора Телегина и отобрав от них желании, куда они в службу вступить или где поселиться похотят, снабдила их надлежащими свидетельствам и отпустила по их желаниям, чему согласно и впредь с подобными им поступать велеть»³⁶. Можно сказать, что в данном конкретном случае восторжествовали добро и справедливость. Впрочем, указ Сената конкретно предписывал освободить лишь молдаван из вологодских деревень Телегиных, и в нем ни слова не было ни об императивном поиске и освобождении всех розданных в частные руки волохов, ни о дальнейшем разбирательстве, поиске и наказании виновных в злоупотреблении.

На этом информация основного источника данного исследования, дела Иностранной экспедиции канцелярии ГВК, исчерпывается, а дальнейшая судьба приднестровских молдаван, попавших в российский плен осенью 1769 г., остается неизвестной. Можно с высокой вероятностью полагать, что для четырех десятков волохов, доставшихся майору Телегину и закрепощенных им на Вологодчине, в итоге все сложилось сравнительно благополучно. Их конкретный случай стал предметом внимания и тщательного разбирательства в самых высоких сферах, и итоговое решение оказалось однозначно не в пользу помещиков Телегиных. Семье молдаванина Ивана Георгиева (или Орданова) более всего посчастливилось в том, что сам он оказался в услужении в столичном Петербурге и ухитрился подать письменное прошение жалобу, причем в

³³ Там же. Л. 84-84об.

³⁴ Там же. Л. 84об.

³⁵ Там же. Л. 89.

³⁶ Там же. Л. 92-92об. Сенат — в ГВК. Указ. 9 декабря 1774 г.

самое удачное место, в Коллегию иностранных дел. Тем самым он, быть может, благотворно повлиял и на участь сотен других своих соотечественников. Для молдаван, не говоривших и, тем более, не писавших на русском языке и оказавшихся в поместьях в сельской глубинке России, такие попытки искать справедливости были бы почти безнадежны. Еще раньше, как сказано выше, 34 молдаванина были освобождены из казенного плена в Белгороде и отправлены на поселение в Новороссийскую губернию. Вместе с крепостными Телегиных их насчитывалось не более 80 человек, т.е. менее одной десятой из той тысячи молдаван, что была угнана в плен из «ханских сел» Приднестровья. И можно лишь гадать, сколько из них сумели на практике воспользоваться милостивым для них решением верховной власти и вернуть себе личную свободу.

Вне всякого сомнения, начавшаяся осенью 1769 г. и продлившаяся годы, даже после окончания войны, эпопея тысячи пленных молдаван из ханских слобод и сел на Днестре стала безобразным эксцессом военного времени, результатом произвола двух конкретных военачальников — графов Витгенштейна и Панина, а также — проявлением общей неэффективности, отсталости и, вероятно, частного случая коррумпированности гражданского административного аппарата Российской империи (как в описанном случае с Московской губернской канцелярией).

В конце концов, главным героем и, фактически, спасителем для приднестровских молдаван выступил один из могущественнейших вельмож империи, глава дипломатического ведомства граф Н.И. Панин. Получив жалобу молдаванина И. Георгиева, Коллегия иностранных дел упорно и настойчиво повела дело, вовлекла в него Сенат, Военную коллегию и другие ведомства и в итоге сумела настоять на своем. Но позиция графа Никиты Ивановича в этой истории отнюдь не была безупречна. Еще летом 1770 г. из реляции своего брата, главнокомандующего 2-й армией П.И. Панина, он лично узнал суть вопроса с пленными молдаванами и даже составил текст ответного рескрипта. Так что не может быть и речи о том, что глава Коллегии иностранных дел не владел информацией или не понимал незаконности и пагубности сложившейся коллизии. Но в то время, когда его брат продолжал командовать 2-й армией, Н.И. Панин счел за лучшее поддержать его и на неопределенный срок оставить все дело в прежнем положении, не давая ему никакого хода и решения.

И лишь летом 1772 г., когда П.И. Панин уже полтора года как был в отставке, ведомство Панина, получив жалобу молдаванина Георгиева, вспомнило об интересах государственной политики, о законности и т.п. И так, пусть и с запозданием, дипломатическое ведомство выступило как поборник справедливости и защитник общегосударственных политических и стратегических интересов, по сути, как институт, олицетворяющий современные идеалы справедливого и просвещенного государства, управляемого законами. Привлекательно выглядит и позиция педантичного службиста губернатора А.М. Фливерка, настойчиво требовавшего точных письменных указаний о том, как поступать с пленными молдаванами, побудившего Военную коллегию заняться вопросом, а затем по собственной инициативе решившего судьбу трех десятков волохов в Белгороде. Определенную роль играли и обращения по линии духовного начальства молдавских священников, которые, в отличие от подавляющего большинства своих соотечественников, владели грамотой и могли, так или иначе, подавать письменные прошения и в итоге сумели дойти до Синода.

Офицеры и генералы обеих российских полевых армий в русско-турецкую войну 1768–1774 гг. могли доблестно и самоотверженно сражаться на равнинах Молдавии, на Ларге, Кагуле, на берегах Днестра и Дуная, под крепостными

стенами Бендер, но это никак не отменяло их сословно-классовой принадлежности, с характерным образом мышления, ценностями и устремлениями. Большинство из них были помещиками-крепостниками, душевладельцами, для которых «крещеная собственность» была основой материального благополучия, социального статуса и самооценки. Поэтому они и стремились всеми средствами к увеличению размеров этой собственности, к приобретению новых крепостных, пусть даже из числа единоверных православных молдаван, которых Россия на уровне политической риторики в это самое время освобождала от османского ига.

Не вызывает сомнения, что для народов Северного Причерноморья, Балканско-Дунайского и Кавказского региона борьба России с Османской империей в XVIII — начале XIX в. имела исторически прогрессивный характер. Российская империя с точки зрения модернизации своих государственных институтов и правящих элит в ту эпоху представляла передовую силу, по сравнению с Османской империей, Крымским ханством или фанариотскими режимами в Дунайских княжествах. Но при этом не стоит забывать, что она во многих отношениях оставалась глубоко архаическим государством, с вполне хищническими инстинктами господствующего класса, обуздывать которые не всегда были в состоянии еще слабые институты бюрократии и правосудия. На фоне грандиозного процесса экспансии России на огромных пространствах Причерноморья, и притом в эпоху высшего расцвета дворянской империи и ее крепостного права, когда формально закрепощались массы подданных внутри самой страны, не стоит удивляться истории с тысячей молдаван из ханских сел Приднестровья. В той конкретной ситуации военного времени генералы Витгенштейн и Панин увидели благоприятную возможность дополнительно поощрить подчиненных офицеров, раздав им в собственность взятых в плен волохов. Видимо, они руководствовались опытом русской старины, когда любые иностранные подданные-военнопленные могли на неопределенный срок превращаться в собственность Российского государства или частных лиц. А типологически это явление восходило к глубоко архаическим эпохам и социумам, в которых нормой было поголовное обращение в рабство населения завоеванных городов и стран.

И все же рассмотренные в статье материалы межведомственного разбирательства и официальные акты государственной власти позволяют судить, что ко времени первой екатерининской войны с Турцией в Российской империи уже отходили в прошлое незаконно-жесткие практики массового угона в плен мирного гражданского населения и его закрепощения. Насколько можно судить, в последующие войны власти дореволюционной России более не допускали подобных крупных актов попрания международного права в отношении военнопленных и иностранцев-некомбатантов. Так что, видимо, злключения и страдания приднестровских молдаван в плену у Российской империи в годы русско-турецкой войны 1768—1774 гг. были одной из мелких конвульсий заключительного этапа того тяжелого и мучительного процесса модернизации, который претерпевала Россия в начале своего Нового времени.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи
ГВК — Государственная военная коллегия
ГКИД — Государственная коллегия иностранных дел
РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- АВПРИ. Ф. 123. Сношения России с Крымом. Оп. 123/2.
Артикул воинский: С кратким толкованием / Напечатан повелением ея императорского величества. 2-м тиснением. СПб.: При Императорской Академии наук, 1735.
РГВИА. Ф. 2. Канцелярия Государственной Военной коллегии. Оп. 13.
РГВИА. Ф. 16. Иностранная экспедиция Канцелярии Государственной Военной коллегии. Оп. 1.
РГВИА. Ф. 846. Военно-ученый архив. Оп. 16.
РГВИА. Ф. 490. Коллекция офицерских сказок. Оп. 3.

Рукопись поступила в редакцию 03.02.2025

Рукопись принята к печати 25.02.2025

Received on 03.02.2025

Accepted on 25.02.2025

Информация об авторе:

Каширин Василий Борисович
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Институт славяноведения
Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-2653-7063
E-mail: vbkashirin@mail.ru

Information about the author:

Vasily B. Kashirin
PhD (History),
Senior Research Fellow
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-2653-7063
E-mail: vbkashirin@mail.ru

Фонетические русизмы в московских изданиях Служебной минеи XVII – первой половины XVIII века¹

© 2025 г. И.С. Добровольский

Институт русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

imperfect@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о происхождении фонетических русизмов в современной новоцерковнославянской Служебной минее. Изучение соответствующего материала старопечатных московских изданий XVII – первой половины XVIII в. показывает, что в одних местах текста русизмы были изначально (они фиксируются уже в первопечатных минеях 1607–1610 гг. и в минеях 1619–1630 гг.), в других местах русизмы употребляются начиная с определенных изданий. В последнем случае появление русизмов может коррелировать с новой (иоакимовской) редакцией текста, но эта корреляция не является обязательной: русизмы могут возникать и в изданиях, содержащих текст старой редакции, на этапе послениконовской справы. В некоторых случаях русизмы встречаются только в изданиях первой половины XVIII в. Кроме того, в ряде случаев русизмы отсутствуют на протяжении всего рассматриваемого периода, из чего следует, что текст Служебной минеи мог подвергаться определенной русификации в интервале со второй половины XVIII по конец XIX в. В работе высказывается предположение, что появлению и закреплению в Служебной минее тех или иных фонетических русизмов способствовали разные факторы или их комбинации, в частности: влияние на церковнославянский текст живого языка справщиков; некритическое копирование из предыдущих изданий определенных текстов вследствие их авторитетности и употребительности; лексикализация фонетических явлений.

Ключевые слова: церковнославянский язык, Служебная минея, фонетические русизмы, старопечатные издания, книжная справа, Елизаветинская библия, Добролюбие.

Ссылка для цитирования: Добровольский И.С. Фонетические русизмы в московских изданиях Служебной минеи XVII – первой половины XVIII века // Славяноведение. 2025. № 4. С. 37–55. DOI: 10.31857/S0869544X25040036, EDN: UZOTTA

Phonetic Russisms in the Moscow Editions of the Menaion
17th – the First Half of the 18th Century

© 2025. Ivan S. Dobrovol'skii

¹ Автор выражает благодарность рецензенту, чьи замечания позволили улучшить статью.

Vinogradov Russian Language Institute of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

imperfect@yandex.ru

Abstract. The article deals with the question of the origin of phonetic Russisms in the modern New Church Slavonic Menaion. The study of the corresponding material of old printed Moscow editions of the 17th – first half of the 18th century shows that in some points of the text there were Russisms from the beginning (they are attested in the first printed menaion of 1607–1610 and in the menaion of 1619–1630), in other points Russisms are used starting from certain editions. In the latter case, the appearance of Russisms may correlate with the new (patriarch Ioakim's) edition of the text, but this correlation is not obligatory: Russisms may also appear in editions containing the text of the old edition. In some cases Russisms are found only in editions of the first half of the 18th century. In addition, in a number of points of the text Russisms are absent throughout the period under consideration, which implies that the text of the Menaion could be subjected to a certain russification from the second half of the 18th to the end of the 19th century. The paper suggests that different factors or their combinations contributed to the appearance and consolidation of certain phonetic Russisms in the Menaion, in particular: the influence on the Church Slavonic text of the language of editors; uncritical copying of certain texts from previous editions due to their authority and use; lexicalization.

Keywords: Church Slavonic language, Menaion, phonetic Russisms, book correction, the Elizabethan Bible, Philokalia.

For citation: Ivan S. Dobrovol'skii. Phonetic Russisms in the Moscow Editions of the Menaion 17th – the First Half of the 18th Century // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2025. No. 4. P. 37–55. DOI: 10.31857/S0869544X25040036, EDN: UZOTTA

§1. Исследование ряда церковнославянских источников Нового времени позволило обнаружить в них более пятисот написаний, отражающих следующие фонетические русизмы (после тире приводятся характерные примеры): начальное *o* в соответствии с **(j)e* – Ѡднѣхъ, Ѡзѣркагѡ; начальное *ja* из **a* – ѧгнѧ; начальные *poT*, *loT* из **orT*, **olT* – рохѡдѧ, вѧ лодѣи; полногласие – вѡронѧ ‘воронѡй’, почерѣднѡ, смолѡтисѧ; отсутствие эффекта второй палатализации – на свѣтѣтлннкѣ, на дскѣ, на ѧналѡгѣ ‘на аналое’, сожгѣтѣ, ко прѧхѣ, ѡ... колѧхѣ; *ж* из **dj* – вѧжѧ, ѡутѣврѣнѣе, чѧжнѧ, вѣлѣжн ‘верблюжьи’; *o* после шипящих и *ц* – цѡгла ‘мачта’, поджѡгѧ, стѧрчо, вѣнцѡдѧвѣцѧ, вѣлѡгѣпнѣйшо, вѣдѧшо, носѧцо.

Было установлено, что формы с отсутствием эффекта второй палатализации употребляются в тех же книгах, что и формы с полногласием, а именно, в четвей версии библейского текста (т.е. в Елизаветинской библии), Добротолюбии и Служебной минее; кроме того, и те и другие формы употребляются в метатексте любых богослужебных книг, т.е. в уставных указаниях, заголовках, оглавлениях и т.п. Круг перечисленных источников (включая метатекст) можно назвать «основным». За пределы основного круга также не выходят (кроме единичного примера в Общей минее) формы с начальными *o*, *ja* и *poT*, *loT*, правда, материал здесь довольно ограничен. Формы с *ж* и с *o* после шипящих и *ц* представлены не только в источниках основного круга, но и в Октоихе, Триоди постной и Требнике, а формы с *ж* – также в Евангелии, Апостоле, Псалтири, Ирмологии, Цветной триоди и Часослове; при этом концентрация этих русизмов выше в источниках основного круга [Добровольский 2021].

Вопрос о происхождении фонетических русизмов

§2. Вопрос о происхождении фонетических русизмов в новоцерковнославянских текстах остается открытым. Единственная известная нам интерпретация принадлежит Б.А. Успенскому [Успенский 2002, § 11.3.8], связывающему случаи *ж* из **dj* в современных церковных книгах (прочие русизмы им не рассматриваются) с не вполне последовательной правкой *ж* на *жд* в период второго южнославянского влияния. Подобное объяснение представляется сомнительным хотя бы потому, что в церковнославянском корпусе имеются такие написания-русизмы, которые встречаются в составе многократно повторяющихся фраз, а значит, являются, скорее, частью нормы, чем отклонением от нее; подробнее см. [Добровольский 2021, 91].

Поиски альтернативных интерпретаций приводят к необходимости учитывать языковую разнородность церковнославянского корпуса, характеризующую не только разные книги, но и разные их части [Добровольский и др. 2013, 42–46]. Ниже предлагается краткий обзор таких решений для источников основного круга.

§3. Наличие русизмов в метатексте можно связать с тем, что это преимущественно оригинальный (непереводной) текст, при этом не восходящий к южнославянской книжной традиции, ср., например (в § 3–4 русизмы подчеркнуты):

помѣзавѣ перѣкѣ въ мѣшечкѣ сѣтымъ мѣромъ;
сѣщѣ на роздѣчѣ пробѣмъ дѣхѣмъ, и мѣрѣмъ;
недостѣпнѣи же, вѣчеки ѿ такоуѣмъ тѣнствѣ ѿлѣченѣ да вѣдѣтъ... чародѣи, ворожбиты
(‘колдуны’) вѣжѣи, свѣтотѣтѣи.

См. также общую характеристику языковых особенностей метатекста в [Людоговский 2003b, § 15.2].

§4. Несколько сложнее обстоит дело с Добротолюбием (собранием святоотеческих сочинений), церковнославянский текст которого в целом имеет довольно позднее происхождение: в основе большинства входящих в его состав произведений лежат переводы, выполненные или отредактированные Паисием Величковским (1722–1794) [Пентковский 2023, 222]. Существенно, что церковнославянские переводы византийских патристических текстов могли использоваться наравне с переводами текстов религиозного содержания на русский язык (эти переводы появляются с середины XVIII в.), «оказывая взаимное влияние» (см. [Там же, 223]). Как видно из предварительного лингвистического анализа Добротолюбия, русское влияние здесь, возможно, проявляется прежде всего в морфологии, в меньшей степени — в синтаксисе; может быть, таким же образом объясняется по крайней мере часть фонетических русизмов. Вот некоторые примеры в контекстах:

сомнѣтельнѣйше же и слѣдовати и испѣтовати оужѣ изглаженныѣ ѿбразы;
рѣзы же и сапоги слѣжѣхѣ всѣ времѣ неветшѣемъ;
потрѣба во перѣкѣ богѣтствѣ ѿвѣжораномѣ вожделѣнїе прїснѣ прѣвѣвѣюще испѣлнѣи.

Ср. также фрагмент, который, очевидно, написан по-русски; здесь также представлены морфологические русизмы: не прїстѣпнѣи ли вы казѣлось повелѣть возвѣщеннѣи сѣчѣнѣ ѿвремѣнѣи, и не переходѣи на нахѣдѣшнѣи въ ѿпѣснѣи. Возможно, подобное сосуществование в Добротолюбии, так сказать, «более славянских» и «более русских» текстов связано с непростой историей их перевода, редактирования, бытования и допечатной подготовки [Там же, п. 9]; тем самым текст Добротолюбия следует характеризовать как во многом разнородный.

§5. Для прояснения этиологии фонетических русизмов в Елизаветинской библии необходимо учитывать не только историю библейской книжной

справы XVIII в., но и особенности языковой ситуации в Великороссии второй половины XVII–XVIII в. Согласно Б.А. Успенскому [Успенский 2002, § 18.2.1], в это время употребление церковнославянского языка активизируется, вследствие чего он подвергается сознательной модернизации. «Церковнославянский язык воспринимается... как более доступный и одновременно, поскольку он кодифицируется, как нормативный. В этом качестве он отражается на книжной справе» [Там же, 488]. При подготовке Елизаветинской библии справщики устранили отступления славянского текста от греческого, а также грамматические и лексические архаизмы; кроме того, следует учитывать, что некоторых библейских книг (в частности, Псалтири) правка не коснулась, книги Товита и Иудифи заново переводились с греческого, а 3-я книга Ездры была исправлена по Вульгате [Пичхадзе 2002, п. XIV], поэтому, надо полагать, одним из следствий работы над библейским текстом является его языковая гетерогенность.

Могли ли справщики в русле указанной модернизации вносить в библейский текст какие-то фонетические особенности живого языка? Чтобы приблизиться к ответу на этот вопрос, понадобится тотальное сопоставление текстов Острожской, Московской и Елизаветинской библий; движением в этом направлении можно считать, в частности, работу Е.А. Кузьминовой [Кузьминова 2021]. Как бы то ни было, для разбираемого вопроса принципиальным оказывается различие в языке четьего библейского текста и его служебных репрезентаций (Евангелие, Апостол или Псалтирь), поскольку «соответствующая модернизация не распространяется на язык богослужебных книг» [Успенский 2002, 488]. Сопоставление четьей и служебной версий библейского текста по целому набору лингвистических параметров (из области акцентуации, морфологии, синтаксиса, лексики, словообразования и нек. др.) показывает, что служебная версия более архаична, чем четья [Людоговский 2006, 410]. Существенно, что этот результат коррелирует с распределением по корпусу фонетических русизмов: если в Библии представлены все русизмы кроме начального *о*, то в служебных Евангелии, Апостоле и Следованной псалтири встречается только *ж* из **dj* [Добровольский 2021, 90, табл. 2]. Таким образом, в характеристику модернизированного языка Библии наряду с прочими инновациями в принципе можно включить и фонетические русизмы, учитывая при этом, что их употребление, в отличие, скажем, от употребления морфологических русизмов, носит довольно спорадический характер.

§6. Что касается Служебной минеи, то наличие фонетических русизмов в непереводных службах, на первый взгляд, логично связать с их оригинальным происхождением: это службы, созданные на Руси (и других славянских странах) в Средние века и в XVIII–XX вв. Однако русизмы в Минее² встречаются не только в оригинальных службах, но и в переводных, причем по набору русизмов переводные службы отличаются от оригинальных лишь отсутствием примеров с начальным *о* и *ск* из **sk*, а что касается количественных различий, то в переводных службах *о* после шипящих и *ц* встречается даже в 7 раз чаще, чем в оригинальных³ (см. [Там же]).

² Написание *Минея* (с прописной буквой) употребляется в статье для обозначения названия богослужебной книги, выступая эквивалентом словосочетания *Служебная минея*. В прочих случаях используется написание *миней* (со строчной буквой), например: *сентябрьская минея*, *первопечатные миней 1607–1610 г.* Этот принцип может не соблюдаться в цитатах из работ других исследователей.

³ Для прочих фонетических русизмов подобное сравнение не столь показательно в силу относительно небольшого числа примеров.

Как преодолеть описанную трудность? Можно было бы предположить экспансию фонетических особенностей оригинальных служб на язык переводных, однако неясно, каким образом относительно небольшое количество русизмов оказало бы такой эффект.

Другое возможное объяснение состоит в том, что как оригинальные, так и переводные тексты (или их части), содержавшие восточнославянские элементы, были в ряде случаев некритически (в частности, без корректуры) перенесены в московские издания Миней из богослужебной литературы Юго-Западной Руси в ходе одного из этапов книжной sprawy XVII в. Но эта гипотеза подлежит рассмотрению только в том случае, если русизмы отсутствуют в старопечатных минеях, изданных ранее 1640-х годов: как известно, до этого времени у московских справщиков было негативное отношение к новопечатным греческим изданиям и исправленным по ним юго-западнорусским книгам [Кузьмина 2014, 127–128].

Наконец, определенную пользу может принести обращение к известному трактату Евфимия Чудовского 1690 г. «О исправлении в прежде печатанных книгах Минеах...» Обоснование исправлений у Евфимия, как и у других редакторов, участвовавших в никоновской и послениконовской книжной справе, «носило преимущественно грамматический характер» [Там же, 130]; при этом, разумеется, фонетические русизмы не являлись предметом лингвистической рефлексии книжника. Последнее можно считать в известной степени показательным: если справщики Нового времени фокусировались прежде всего на грамматике редактируемых ими текстов, то такое варьирование, как ж и жд, рог- и рас-, оло и лѣ, вероятно, было вне зоны их внимания, что не препятствовало спорадическому проникновению в минейный текст русизмов.

С другой стороны, часть русизмов (по-видимому, не только в минейных текстах) как раз может объясняться следованием некоторым грамматическим принципам. Так, запись причастных форм среднего рода с конечным *що* (например, *сѣщо, лежѣщо, нѣстоѣѣщо*), вероятнее всего, была призвана устранить омонимию форм среднего рода ед. числа и мужского рода мн. числа, ср., например, *воплощѣнно слово, прѣжде безплѣтно сѣщо* (служба апостолу Филиппу, 14 ноября) и *сѣх начѣльникомъ жѣзньи хрѣтомахъ сѣще, дѣтѣи зѣвѣдѣеви... възгремѣша* (предпразднство Преображения)⁴. Конечно, данный принцип не был реализован в Служебной минее последовательно, ср. другую редакцию приведенного текста в службе Иосифу Песнописцу и Георгию Малейну (4 апреля): *воплѣщѣеся слово, ѣже прѣжде безъ плѣтѣи сѣще*. Не исключено, что этим принципом руководствовался и сам Евфимий Чудовский. В указанном трактате наряду со строго выдерживаемыми славянскими огласовками (*прѣднѣа* с. 65, *бъ книжѣ* с. 64, *оупраждѣнѣиша* с. 58⁵ и т.п.) можно найти такие примеры: *подобно погрѣшѣнїе ѣ вѣцѣе сегѣ, вѣнѣжѣ ѣренъ сѣщо* с. 64, *епѣфѣнїй... нарѣнїе прѣ... ѡмѣлаше ѣкѣ ѣзнѣшпо сѣщо* с. 86, *ѡ кѣкѣ дѣл родѣ прѣнѣсѣщо слово ѣ вѣпѣсѣно, ѡсѣнїе ѡтѣсѣа вѣпѣсѣн* с. 69. Причем, если первые две фразы — это лингвистические рассуждения Евфимия, то последняя фраза (из богородична *ѡ кѣкѣ дѣл родѣ...*) приводится им в

⁴ В минейном корпусе также есть причастие на *шо* в контексте *пѣсѣжде слово ѡдѣкѣлѣшо плѣтѣи* (представлено трижды в разных декабрьских службах).

⁵ Трактат цитируется по [Никольский 1896] с указанием страниц публикации; при этом *у* заменяется на *ѣ*, так как Евфимий, судя по его автографу (см. [Крылов 2009, рис. 1 и 2 на вклейке]), в подобных случаях использовал *ѣ*. При воспроизведении написаний из старопечатных изданий здесь и далее используется особый шрифт, отличный от шрифта современного церковнославянского текста, ср. совр. *уѣтвержѣнїе* и старопеч. *уѣтвержѣнїе*.

качестве правильного церковнославянского текста, которым следовало бы заменить текст, искаженный в прежних изданиях Минеи. Примеры подобных форм находим также в приписываемом Евфимию Чудовскому [Соболевский 1903, 289–291] предисловии к Евангелию, которое перевел Епифаний Славянецкий⁶: *лежѣцѣ* л. 7об., *показѣцѣ* л. 8, *знаменѣцѣ* л. 9.

Постановка задачи и материал исследования

§7. Как видно из § 3–6, с одной стороны, возможные решения вопроса о происхождении фонетических русизмов в тех или иных источниках основного круга обладают разной объяснительной силой, с другой стороны, поиски единой интерпретации, удовлетворительной для всех источников, едва ли могут дать убедительный результат. Рассматриваемые книги различаются функциональной направленностью, историей формирования и модификации. Достаточно указать, что Библия и Добротолюбие — это четьи тексты, а Минея — служебный текст; Библия и Минея неоднократно подвергались книжной справе, а Добротолюбие — нет. Поэтому для каждого источника необходимо реконструировать индивидуальную траекторию, по которой элементы живого языка могли проникать в книжный узус. Особая проблема заключается в наличии или отсутствии осознанности, целенаправленности внедрения русизмов в церковнославянские тексты со стороны работавших с ними книжников Нового времени: справщиков, цензоров, печатников и др. Прояснению комплекса обозначенных вопросов может поспособствовать установление времени появления и закрепления фонетических русизмов в каждой церковнославянской книге. Настоящая работа служит своего рода базисом для решения этой задачи на материале старопечатных изданий Служебной минеи.

§8. Выбор Минеи продиктован следующими соображениями. Во-первых, эта книга содержит наиболее полный репертуар фонетических русизмов. В этом отношении с ней может конкурировать только Библия, однако, как было показано в § 5, модернизированный язык последней позволяет, в отличие от языка Минеи, вполне убедительно мотивировать наличие в ней русизмов. Во-вторых, текст Минеи обеспечивает исследователя разнородным материалом, в котором заложены сразу две дихотомии: богослужебный текст vs. метатекст и переводные vs. оригинальные службы. Хотя, как сказано выше (см. § 4–5), тексты Добротолюбия и Библии тоже следует считать по-своему гетерогенными, объем метатекста в каждой из книг минимален, а оригинальные произведения в них отсутствуют.

Служебная минея, о которой идет речь, была напечатана в 1893 г. типографией Киево-Печерской лавры⁷; в 1996–1997 г. Псково-Печерский и московский Сретенский монастыри переиздали ее репринтным способом (кроме молений за императора); это переиздание было оцифровано и вошло в церковнославянский корпус НКРЯ. В дальнейшем эта минея именуется «современной» (это же прилагательное используется по отношению к ее тексту) для отличия от старопечатных миней.

§9. Для проведения анализа были отобраны некоторые характерные написания-русизмы, употребляющиеся в современной минее, затем для этих написаний были найдены соответствия в московских старопечатных изданиях

⁶ РГБ. Ф. 310. № 1291; цитируем по фотокопии с сайта РГБ (rsl.ru).

⁷ Это издание иногда называют «Кабинетными Минееями» (т.е. малого формата) (см. [Людоговский 2003а, § 3]).

XVII — первой половины XVIII в. (см. список источников в конце статьи). Разумеется, при отборе материала из рассмотрения исключались примеры, обнаруженные в службах, которые вошли в минейный корпус относительно поздно — в XVIII–XX вв. По этой причине в нашу выборку не попали, скажем, написания Ѡдногѡ из службы XIX в. праведному Симеону Верхотурскому (см. о ней в сноске 25) и Ѡзѣркагѡ из службы XX в. «Всем святым, в земле Российской просиявшим».

В таблице 1 указаны издания старопечатных миней XVII в. вместе с некоторыми археографическими сведениями; цифры в скобках ⁽¹⁾, ⁽²⁾ и т.д. отсылают к примечаниям после таблицы. Строка «Редакция» содержит условные наименования. Специально отметим, что противопоставление старой редакции и иоакимовской основано только на материале, разобранным в настоящей работе. Иными словами, под ярлыком «старая редакция» объединены издания по результатам сопоставления некоторого числа текстовых фрагментов (не исключено, что сопоставление иных фрагментов даст другой набор редакций). Объединение под ярлыком «иоакимовская редакция» миней 1690–91 г., исправлением которых руководил Евфимий Чудовский, и миней 1692–93 г. возможно потому, что отличия между этими изданиями в сущности минимальны.

Замечание 1. Как известно, «основанная на буквализме грецизация церковнославянского языка, проведенная Евфимием... вызвала негативную реакцию. После выхода из печати в мае 1690 г. первых Миней (за сентябрь, ноябрь и декабрь)⁸ Евфимий был отстранен от sprawy... Царским указом 1690 г. Миней были переизданы (в 1692–93 г. — *И.Д.*) без правки Евфимия» [Кузьминова 2014, 130]. Принципиальный момент здесь заключается в объеме нивелированной правки. Согласно святи. Г. Крылову [Крылов 2009, 192], фактически единственным исправлением Евфимия Чудовского, отмененным в издании 1692–93 г., было исправление *премѡдротѣ* на *мѡдротѣ*. Евфимий в числе прочего настаивал на том, чтобы греческому σοφία в славянском переводе соответствовало *мѡдротѣ*, а греческому ὑπερσοφία — *премѡдротѣ*. Однако в издании 1692–93 г. было восстановлено прежнее употребление, которое далеко не всегда калькировало греческие слова.

В строке «Кн(ижная) справа» различаются дониконовская справа и послениконовская; собственно никоновская справа Служебную минею не затронула, см. об этом примечание (4) к таблице. В строке «Издание» указаны годы публикации. В строке «Патриарх» указано имя патриарха, при котором издание готовилось к печати; см. также примечания (2)–(4) к таблице. В строке «Сокращение» дано сокращенное обозначение издания, основанное на имени патриарха; соответствующие минейные комплекты также могут называться «гермогеновскими», «филаретовскими» и т.п. Для каждого издания указано, службы за какие месяцы входят в его состав. (Как видно, имеются четыре полных и четыре неполных комплекта.) При этом знаком ■ обозначено оцифрованное издание (т.е. с доступной фотокопией на сайте РГБ), а знаком □ — неоцифрованное. Непосредственным материалом исследования служат оцифрованные тома старопечатных миней за месяцы, выделенные в таблице жирным шрифтом⁹.

Принадлежность изданий первой половины XVIII в. к определенным минейным комплектам не определяется: эти издания обозначены в последующих таблицах только датой их выхода из печати.

⁸ В действительности вышли тома за сентябрь, октябрь и ноябрь (ср. [Крылов 2009, 150, табл.]).

⁹ При просмотре таблицы может возникнуть вопрос: почему для анализа отобран материал из служб за декабрь и март, если один декабрьский том и один мартовский том не оцифрованы (при этом отсутствие оцифрованной версии комплекта 1691–92 г. не составляет проблемы, см. § 9, замеч. 1)? Дело в том, что в ряде случаев оказалось довольно сложно соблюсти баланс между необходимостью исследовать показательные русизмы и наличием всех необходимых оцифрованных томов.

Таблица 1

	Редакция	Старая					Иоакимовская		
	Кн. справа	Дониконовская				Послениконовская			
	Издание	1607—10	1619—30	1636		1644—46	1666 ⁽¹⁾	1690—91 ⁽²⁾	1692—93 ⁽³⁾
	Патриарх	Гермоген	Филарет	Иоасаф I		Иосиф	Междупатр. ⁽⁴⁾	Иоаким и Адриан	
	Сокращение	Г	Ф	И _{ПД} ⁽⁵⁾	И _Б ⁽⁶⁾	Иос	М	Ик	
Комплектность	сентябрь	■	■		■	■	■	■	□
	октябрь	■	■			■	■	■	□
	ноябрь	■	■			■	■	□	□
	декабрь	□ ⁽⁷⁾	■	■		■		■	□
	январь		■			■		■	□
	февраль		■			■		■	□
	март		■			■		□	□
	апрель		■			□		■	□
	май		■			■		■	□
	июнь		■			□		■	□
	июль		■			■		■	□
	август		■			□		■	□

Примечания к таблице. (1) Все тексты (за три месяца) – в составе одного тома.

(2) Подготовка издания 1690–91 гг. проходила под руководством патриарха Иоакима; при этом все тома вышли уже после его кончины в 1690 г. «Последние месяцы, подготовка к печати которых заканчивалась уже при патриархе Адриане, имеют в предисловии имя и этого патриарха» [Крылов 2009, 150].

(3) В предисловии к изданию 1692–93 гг. указаны оба патриарха [Там же, 132, сноска 377].

(4) Согласно каталогу [Зернова 1958, 96 (№ 315)], данное издание относится к периоду междупатриаршества, хотя минея вышла из печати 15 ноября, а низвержение патриарха Никона состоялось 12 декабря [Устинова 2018, 740–741]. В то же время, поскольку «при патриархе Никоне... справщики не решались взяться за справу Месячных Миней» [Крылов 2009, 148], можно лишь аккуратно утверждать, что редактирование Миней, приведшее к изданию 1666 г., проводилось «в русле начатой патриархом Никоном книжной реформы» [Кривко 2017, 277], поэтому термин «междупатриаршество» в данном случае представляется оправданным.

(5) Издание Печатного двора. Согласно свящ. Г. Крылову [Крылов 2009, 140], «эта Минея – попытка допечатать недостающие полноформатные (в пол-листа, 2°) экземпляры к предыдущему изданию» 1619–30 гг., первые четыре тома которого были выпущены «в непривычном для Миней размере – в четверть листа (4°)» [Там же, 135–136]. Можно полагать, таким образом, что этот том является переизданием декабрьского тома филаретовских миней. «После выхода одного тома справщики отказались от мысли восполнить комплект» [Там же, 140].

(6) Издание типографии В.Ф. Бурцова; в дальнейшем это издание может быть также названо «бурцовским». Сведения Р.Н. Кривко [Кривко 2017, 277], согласно которым эта минея издана Печатным двором, не верны.

(7) Декабрьский том не завершен [Зернова 1958, 24 (№ 26)].

Разбор материала

§10. Прежде всего, выясняется, что некоторые написания из современных церковнославянских текстов не могут быть соотнесены с написаниями из определенных дониконовских и/или междупатриаршеского изданий. Речь идет о двух возможностях: 1) в дониконовском издании необходимого текста нет (по разным причинам); 2) в дониконовском или междупатриаршеском издании текст имеется, но в старой редакции, отличной от иоакимовской (которая в целом совпадает с современной). Тем самым далеко не всегда выбор между русизмами и славянизмами¹⁰, удастся проследить по всем изданиям и соответствующим им временным отрезкам.

Рассмотрим вначале случаи первого рода. Одна из причин отсутствия необходимого текста может быть в том, что в издании нет самой службы. В первую очередь это касается оригинальных служб, посвященных русским святым, которые могли включаться в состав Служебной минеи в ходе дониконовской sprawy¹¹. В нашем материале сюда относятся современные написания *вх лодѣи* из службы Савватию Соловецкому (27 сентября) и *оуѣтвержѣніе* из службы Иоанну Новгородскому (7 сентября) и митрополитам московским (5 октября), для которых нет соответствий в гермогеновских и филаретовских комплектах. Первые две службы появляются в Минее начиная с бурцовского издания 1636 г., последняя — начиная с иосифовского комплекта.

Таблица 2 демонстрирует распределение по изданиям русизмов и славянизмов в интересующих нас точках текста. В клетках таблицы обозначен выбор той или иной огласовки в соответствующей позиции (*ж* или *жд*, *лод*, *шо*). Клетки с русизмами обведены жирной линией. При ссылках на конкретную клетку может быть использована запись вида «Ф1», где *Ф* — сокращенное обозначение минейного комплекта, а 1 — номер строки. Каждое написание сопровождается его адресом в издании. Номер листа записывается буквенной цифирью (с опущенным титлом), кроме тех случаев, когда в кодексе имеется карандашная нумерация листов арабскими цифрами (но в ряде случаев возможны отступления от этого принципа); оборот листа обозначается подстрочной буквой *v* (т.е. verso); листы издания 1666 г., набранного в два столбца, снабжаются буквами «а», «б» (обозначающими столбцы на правой странице) и «в», «г» (столбцы на левой странице, т.е. на обороте листа). Поскольку в колонках таблицы указаны не конкретные кодексы (единицы хранения), а целые минейные комплекты, то определять, какой именно кодекс цитируется, следует руководствуясь колонкой «День» (а именно, информацией о месяце); например, написание *ж* в комплекте Иос 1644–46 г. представлено в службе за 5 октября, следовательно, находится в октябрьской минее 1645 г. В клетках, для которых необходимого материала в издании нет, поставлен прочерк. Клетки, для которых нет соответствующих изданий, оставлены пустыми; например, клетка И_Б3 — пустая потому, что И_Б — это сентябрьская минея. В клетках, для которых нет данных в силу отсутствия оцифрованных изданий, поставлен знак □. Данные принципы подачи материала соблюдаются и в прочих подобных таблицах.

¹⁰ Термины *славянизм*, *славянский* используются в статье в значении ‘церковнославянизм’, ‘церковнославянский’.

¹¹ Напротив, при подготовке иоакимовских изданий в ходе послениконовской sprawy ряд служб русским святым был исключен (см. [Кривко 2017, 277]).

Таблица 2

			1607–10	1619–30	1636	1644–46	1666	1690–91	1741	1747
	День	Совр. текст	Г	Ф	И _{пд}	И _б	Иос	М	Ик	
1	27 сент.	вх лодѣи	—	—		лод тѣе	лод тѣг	лод 1276	лод тлд	лод тка
2	7 сент.	оутверженіе	—	—		жд пс	жд пс _v	жд 286	жд о	жд ои
3	5 окт.		—	—		жд пѣ _v	жд 1776	жд 74	жд ов	
4	28 дек.	ѡдѣбелѣвшо	□	—	—	—	—	шо тѣе _v		шо тлг _v

Как можно видеть, **вх лодѣи** во всех изданиях записывается с начальным **лод**. Иначе обстоит дело с формой **оутверженіе**: если в службе митрополитам московским она сохраняет русский облик в повсеместной записи с **жд**, то в службе Иоанну Новгородскому форма употребляется в славянской огласовке с **жд** вплоть до издания XVIII в., где находим **жд**. Поскольку **вх лодѣи** — это единственное вхождение слова **лодѣи** в Служебной минее, то в неизменной — на протяжении более столетия — записи с начальным **лод** (которое не варьирует с **ллд**) можно усматривать лексикализацию. Что касается «эволюции» написания **оутверженіе**, то картина здесь неоднозначная: если ограничиваться только приведенными двумя вхождениями, то можно, например, заключить, что в XVII в. **жд** и **жд** в слове ‘утверждение’ свободно варьируют, а в XVIII в. это варьирование нейтрализуется в пользу **жд**. Однако поскольку в Служебной минее слово **оутверженіе** встречается 15 раз в уникальных контекстах, то подобное заключение будет поспешным; необходимо проанализировать остальные 13 случаев.

Возможна также ситуация, при которой служба в издании имеется, а интересующий нас текст все равно отсутствует. Так, при поиске в источниках XVII в. соответствий для современного отрезка **ѡдѣбелѣвшо плѣтѣи** обнаруживается, что во всех изданиях кроме иоакимовских, а также издания XVIII в. в службе никомидийским мученикам (28 декабря) есть только канон святым, а канон празднику Рождества, где находится искомое место, опущен (дано лишь богослужебное указание его читать). В минее 1690 г., как и в минее 1747 г., представлено написание, тождественное современному (см. строку 4 в таблице 2).

§11. Обратимся теперь к случаям второго рода (см. § 10) — когда редакция текста в том или ином издании оказывается отличной от современной редакции и практически совпадающей с ней иоакимовской редакции (Ик). В таблице 3 представлено сопоставление этих двух редакций на материале фрагментов из служб Даниилу Столпнику (11 декабря), Роману Сладкопевцу (1 октября), Симеону Богоприимцу и Анне Пророчице (3 февраля), Трофиму, Савватию и Доримедонту (19 сентября) и Игнатию Богоносцу (20 декабря).

В левой части таблицы содержатся месяцесловная дата и фрагмент текста (снабженный порядковым номером) в современной редакции с указанием в квадратных скобках разночтений с Ик по следующей системе: современный текст, которого нет в Ик, предваряется знаком $\ominus$; текст Ик, которого нет в современном тексте, — знаком $\oplus$; текст, записанный в квадратных скобках без каких-либо дополнительных знаков, — это текст, представленный в Ик вместо предшествующего современного. В последнем случае текст внутри скобок заменяет: а) один предшествующий знак, если перед левой скобкой нет пробела

(например, запись «кодл,[:]» означает, что в Ик вместо запятой стоит двоеточие); б) все предшествующие знаки вплоть до пробела, если перед левой скобой есть пробел (например, запись «человѣчѣ [члѣчѣ]» означает, что в Ик стоит написание под титулом, а не полное). Фрагменты № 1–6 содержат русизмы; о фрагменте № 7 см. ниже.

Правая часть таблицы содержит соответствующие фрагменты согласно старой редакции. Каждый фрагмент предваряется обозначением минейного комплекта, по которому осуществляется цитирование, при этом во всех случаях выбирается самое раннее издание из числа оцифрованных (точное местонахождение фрагментов в изданиях позволяет установить таблица 4). Интересующие нас различия между современным текстом и старой редакцией подчеркнуты.

Таблица 3

	Современный текст и иоакимовская редакция (в квадратных скобках)	Старая редакция (предшествовавшая иоакимовской)
11 дек. № 1	Странно тѣмъство, чѣстѣ, безчѣмъннаго тѣбѣгѣ рѣчѣл[Θ], дѣо[Θ], и ѡужаѣно, <u>превоуходѣщо</u> бѣлнчѣтѣомъ бѣлѣкъ мыслѣ чѣловѣчѣ [<u>члѣчѣ</u>] ¹² .	Ф Странно тѣмъство чѣла, безчѣмъннаго рѣчѣл дѣо и ѡужаѣно, <u>превоуходѣ</u> бѣлнчѣтѣомъ бѣлѣкъ мыслѣ члѣчѣ ¹³ .
№ 2	...пшеница <u>дѣвѣцѣ</u> же ѣгѣпта бѣсть, цѣломѣдрѣ бѣбѣ и прѣбѣдѣнѣ [прѣмѣ], царѣ [цѣрѣ] же стрѣстѣй ѣстннѣйшѣй.	...жнѣтодѣвѣцѣ же ѣгѣптѣ бѣсть, цѣломѣрѣ бѣбѣ и прѣбѣдѣнѣ. цѣрѣ же стрѣстѣ ѣстннѣнѣ. ¹⁴
1 окт. № 3	Икѣ бѣагодѣпнѣйшѣ стѣмънѣ,[:] содѣдѣ икѣ чнѣстѣйшѣй[Θ], ѡуѣтѣшнѣтелева бѣгодѣтѣ [бѣгѣтѣ] ѡбрѣтѣшн тѣл[Θ], рѣмѣне бѣгомѣдрѣ [бѣомѣре]...	Г Икѣ бѣагодѣпнѣ стѣмъна содѣдѣ ¹⁵ чѣстѣ ѡуѣтѣшнѣтелева бѣгодѣтѣ обрѣтѣшн тѣл рѣмѣне бѣгомѣдрѣ.
3 фев. № 4	Сѣшѣ глѣвороднѣтел[Θ]нѣмъ зѣмѣлѣ солнѣ [сѣнѣ] нашѣтѣова ѣногдѣ, икѣ стѣчѣнѣ во ѡгѣстѣѣ ѡбѣпѣлы кодѣл,[:] лѣдемъ пѣшѣомѣрѣходѣмъмъ...	Ф Сѣшѣ глѣвороднѣтелнѣмъ зѣмѣлѣ, сѣнѣ нашѣтѣова ѣногдѣ. икѣ стѣчѣнѣ во ѡгѣстѣѣ ѡбѣпѣлы кодѣл, лѣдемъ <u>пѣшѣй глѣбѣннѣ</u> <u>прохѣдѣмъмъ</u> .
19 сент. № 5	Цѣрѣкѣ копѣтѣтѣ тѣвѣ, хрѣтѣ бѣжѣ, <u>вѣ пѣуѣкѣ</u> , и кѣдрѣ, и кѣ[ν]парѣкѣ покѣланѣющнѣл тѣвѣ...	Г Цѣрѣкѣ копѣтѣтѣ тѣ хѣ бѣжѣ, <u>пѣвѣгомѣ</u> , и ¹⁴ кѣдрѣмъ, и кнпѣрѣкѣ ¹⁷ , покѣланѣющнѣл тѣвѣ.
20 дек. № 6	...пшеница ѣмѣ содѣдѣшагѣ,[:] и зѣбѣмъ [зѣбѣмъ] свѣтрѣй подѣвѣтѣтѣ мнѣ бѣлѣкѣ <u>сѣмѣотѣнѣлѣ</u> ...	Ф Пшеница ѣмѣ содѣдѣшагѣ ¹⁵ . і зѣбѣмъ <u>зѣвѣрѣнѣмъ</u> подѣвѣтѣтѣ мнѣ бѣлѣкѣ <u>сѣмѣтѣнѣлѣ</u> ...
№ 7	...не ѡуѣтрашнѣлѣ ѣсѣн, иѣкоже пшеница хотѣлѣ чѣлѣнѣмъмъ <u>сѣмѣтѣнѣлѣ</u> .	...не ѡуѣтрашнѣлѣ. иѣкоже пшеница хотѣлѣ чѣлѣнѣмъмъ <u>сѣмѣтѣнѣлѣ</u> бѣтѣнѣ.

Просматривая в левой части таблицы 3 содержимое квадратных скобок, видим, что отличия современного текста от иоакимовской редакции по большому счету ничтожны и — за вычетом единственного акцентного противопоставления совр. зѣбѣмъ и Ик зѣбѣмъ — ограничены сферами орфографии и пунктуации. Следовательно, мы получаем возможность сравнивать старую редакцию непосредственно с современным текстом (минуя иоакимовскую

¹² Знак *, неоднократно использованный в данном фрагменте, опущен.

¹³ Без знака ударения.

¹⁴ Буквы и (перед кѣдрѣмъ) и ирѣ (в составе кнпѣрѣкѣ) написаны чернилами по наклеенной бумаге (на месте дыр?).

¹⁵ Знак ' после точки опущен.

редакцию). Главный результат этого сравнения состоит в том, что фрагменты № 1–6 обнаруживают корреляцию между изменением текста и его русификацией. Вместе с тем выясняется, что подобная корреляция не является обязательной. Так, представленная в старой редакции фраза *ѣкоже пшеница хотѣ членити мѣ сомлѣти* из фрагмента № 7 правится на *ѣкоже пшеница хотѣ членѣнными сомлѣти*, где сохраняется (в отвлечении от орфографических различий) славянский облик глагола ‘молоть’. Таким образом, в современном тексте в службе Игнатию Богоносцу варьируют неполногласное *сомлѣти* и полногласное *сомлѣти* при том, что никакая явная семантизация за вариантами огласовками здесь не прослеживается; подробнее об этом см. [Добровольский 2021, 78–79].

Адреса разбираемых написаний из миней XVII в., а также соответствующих написаний из миней XVIII в. собраны в таблице 4. Запись вида «= Ф» означает, что в издании представлен тот же текст, что и в Ф; орфографические и акцентные различия при отождествлении текстов игнорируются, ср., например, *пѣшій глѣбнѣ прохвѣщій* в минее 1622 г. и *пѣшимъ глѣбнѣ прохвѣщій* в минее 1646 г., *члѣнство* в минее 1620 г. и *члѣнство* в минее 1636 г., подготовленной Печатным двором.

Таблица 4

		1607–10	1619–30	1636	1644–46	1666	1690–91	1741	1747
День	Совр. текст	Г	Ф	И _{пд}	И _б	Иос	М	Ик	
1	11 дек.	прѣвохѡдѣщо	□	прѣвохѡдѣ рки _v	= Ф рка	= Ф psi _v		цо p _v	цо чг
2		пшеницѡдѣещѣ	□	житѡдѣещѣ сѣѡ	= Ф csi _v	= Ф рла		цо rgi	цо ре
3	1 окт.	благѡлѣпнѣишо	блѡлѣппа ѣ _v	= Г ks		= Г zi _v	= Г 153в	шо e _v	шо e _v
4	3 фев.	пѣшѡморѣ- хѡдѣщимъ		пѣшій глѣбнѣ прохвѣщій _л		= Ф ms		шо ls _v	шо ld _v
5	19 сент.	вх пѣнкѣ	пѣгомъ рѡи _v	= Г soe _v	= Г сме _v	= Г сѣа	= Г 85в	кѣ csi	кѣ сdi
6	20 дек.	сомлѣти	□	лѣ ts _v	лѣ сmb	лѣ сmd _v		олѡ сг	олѡ рпи
7		сомлѣти	□	сомлѣти toi _v	= Ф сh _v	= Ф снд		лѣ сви	лѣ рче

Таблица наглядно показывает, как в анализируемых точках издания XVII в. воспроизводят старую редакцию практически в неизменном виде вплоть до комплекта 1690–91 г., начиная с которого в Служебной минее утверждается иоакимовская редакция, используемая в богослужении (с незначительной модификацией) по настоящее время.

§12. Особо следует рассмотреть совмещение случаев первого и второго рода (см. § 10), когда в одних изданиях текст по разным причинам отсутствует, а в других представлена старая редакция. Таблица 5 отражает примеры подобного

совмещения из служб предпразднству Рождества (24 декабря) и Аверкию Иерапольскому (22 октября). Разберем эти примеры отдельно.

Таблица 5

			1607–10	1619–30	1636	1644–46	1666	1690–91	1741	1747
	День	Совр. текст	Г	Ф	И _{ПД}	Иос	М	Ик		
1	24 дек.	и́ вы́бѣгѣхъ роꙋхо́дѣхъ	□	— ре _v (ср. роꙋ že _v ter)	— thn	и́ по ѿпѣци́ни ꙗко́вѣхъ и́демъ в кѣ́ліа своа́ тоѡ		роꙋ 311 _v		роꙋ спд
2	22 окт.	вѣща́юще	вѣща́мо рѣд	= Г тѡ _v		= Г спг _v	—	цѡ скз _v	цѡ сді	

Прочерки в клетках Ф1 и И_{ПД}1 стоят потому, что в филаретовских минеях и издании 1636 г. между молитвой с началом **Всесѣ́ла ꙗ́же** и фразой **Бѣ́ди ѿ́ма гнѣ́** **бл҃гословѣ́но** отсутствует метатекст. В то же время в расположенных ранее этого текста достаточно пространных богослужебных указаниях (на л. 3г–3и_v в минее 1620 г.) неоднократно фигурирует написание **роꙋхо́дѣ**-, например: **и́ по ѿпѣци́гѣ роꙋхо́дѣ по кѣ́ліа; ѿ́ни́дѣ поѿвса́ ꙗко́вѣ вѣ́дѣхъ е́сѣ роꙋхо́дѣ** (л. 3е_v, там же). В иосифовских минеях в соответствующем месте находим указание **и́ по ѿпѣци́ни ꙗко́вѣхъ и́демъ в кѣ́ліа своа́**, которое начиная с иоакимовского комплекта приобретает современный вид: **и́ вы́бѣгѣхъ роꙋхо́дѣ**.

Замечание 2. При работе с метатекстом в старопечатных минеях приходится учитывать непростую историю соотношения богослужебных указаний из Типикона и из Служебной минеи. Согласно свящ. Г. Крылову [Крылов 2009, 145, сноска 417], до создания иосифовского комплекта 1644–46 г. минейные уставные указания в старопечатных и рукописных книгах отличались от указаний в Типиконах и «часто представляли собой просто свободное описание богослужебной практики». Иосифовские справщики заменили минейные указания на уставные фрагменты и главы из Типикона 1641 г. А справщики, работавшие при патриархе Иоакиме, в ходе подготовки миней 1690–91 г. стремились согласовать их текст с версией Типикона 1682 г. [Мансветов 1885, 359–360]. Вероятно, рассмотренный выше пример может в какой-то степени служить своеобразной частной иллюстрацией изложенного сюжета исторической литургики. Однако верификация этой гипотезы не входит в задачу настоящей работы.

Прочерк в клетке М2 объясняется иначе: необходимый текст здесь пропущен. Речь идет об утрате начала канона в службе Аверкию Иерапольскому (а именно, песни 1-й, 3-й и большей части 4-й). В остальном строка «22 окт.» аналогична строке «1 окт.» в таблице 4.

§13. В § 10–12 были рассмотрены современные написания, для которых в тех или иных старопечатных минеях нет необходимых соответствий. Перейдем теперь к написаниям с наиболее полной предысторией, охватывающей все изученные издания (из числа тех, в которых в принципе ожидаются искомые примеры). Эти написания содержатся в таблице 6. В таблице представлен материал переводных служб, а именно: Рождеству Иоанна Предтечи (24 июня), Евфимию Новому (15 октября), Назарию, Гervasию, Протасию (14 октября), мученику Евдоксию (6 сентября), Параскеве Пятнице (28 октября), Мефодию Патарскому (20 июня), Василию Анкирскому (22 марта), Димитрию

соответствуют в старопечатных изданиях только славянизмы (находящиеся вне черного контура).

При построчном анализе материала, собранного в таблице 6, можно выделить следующие четыре ситуации, описывающие употребление русизмов и славянизмов в рассматриваемый период; стрелка (→) означает 'заменяются на'.

Ситуация 1: славянизмы → русизмы (строки 1–3). В строке 1 **ѡ** начинает употребляться вместо **ѣ**, видимо, начиная с издания Ик (напомним, что для неоцифрованного июньского тома из комплекта Иос данных нет, а в М представлены только службы за сентябрь–ноябрь), ср. при этом **ѣ** в Иос3. Конечно, из этого не следует, что примеры, отражающие **о** после шипящих и **ѣ**, появляются в Минее только в Ик, ср. **ѡ** в М3, **ѡ** в Ф9 и даже **ѡ** в Г5, т.е. в первопечатных гермогеновских минеях 1607–10 г. В строках 2 и 3 замена **жд** на **ж** и **ѣ** на **ѡ** происходит начиная с издания М.

Ситуация 2: русизмы → славянизмы → русизмы (строки 4–5). Более точно данную ситуацию можно описать так: при господстве в рассматриваемый период русизмов имеются единичные вкрапления славянизмов, а именно, **жд** в М4 и **ѣ** в Ф5.

Замечание 3. Изучая первые две ситуации, нельзя не заметить, что смена огласовки в строках 2–4 приходится на издание М, причем в октябрьских службах отражается русификация, а в сентябрьской службе – славянизация. Может быть, эти факты как-то связаны с особенностями редакции, представленной в междупатриаршеской минее 1666 г. Свящ. Г. Крылов характеризует это издание как «не полностью правленное», указывая на то, что фактически «правлены лишь некоторые тропари и кондаки согласно недавно вышедшему и освидетельствованному на Соборе 1666 г. Часослову. [...] В книге впервые помещены правленные Богородичные приложения... правлены ирмосы» [Крылов 2009, 148]. Примечательно, что строки 3 и 4 содержат как раз материал ирмосов. Однако, несмотря на притягательность предполагаемой корреляции между книжной справой и сменой огласовки, эта гипотеза наталкивается на ряд трудностей: а) неясно, почему правка в строках с материалом ирмосов оказывается разнонаправленной (русифицирующей в строке 3 и славянизирующей в строке 4); б) в строке 2 представлен материал песнопения-подобна, но подвергались ли редактуре подобны при подготовке издания М, неизвестно; в) в строках 5, 6 и 12, как видно из таблицы, издание М не является, так сказать, рубежным для смены огласовки (огласовка в строках 6 и 12 – единая для всех изданий; в строке 5 вкрапление славянизма происходит не в М, а в предшествующем ему издании Иос). Однако в задачу настоящей работы не входит оценка правдоподобности изложенной гипотезы, равно как и преодоление связанных с ней трудностей.

Ситуация 3: во всех изданиях представлены только русизмы (строки 6–9; может быть, сюда также относятся строки 1 и 3 из таблицы 2). Облик словоформы 'сожгите' без эффекта второй палатализации (строка 6) неизменно воспроизводится на протяжении всего рассматриваемого периода (в отвлечении от орфографических различий, ср. **сож́и́тиѣ** в изданиях старой редакции и **сож́и́тиѣ** в изданиях иоакимовской редакции и XVIII в.). Теоретически это можно было бы трактовать как устойчивую запись императива от **сож́и́и**, однако поскольку в современной минее **сож́и́тиѣ** встречается лишь единожды, то вполне вероятно, что и в старопечатных изданиях у него не было каких бы то ни было вариантов, в том числе палатализованных. Для сравнения: императив от глагола **возж́и́и** встречается в современной минее 9 раз, причем как с эффектом второй палатализации, так и без него: **возж́и** (7 раз), **возж́и́тиѣ** и **возж́и**¹⁸.

Для **оѣтъверж́иѣ** и **оѣтъверж́иѣ** (строки 7 и 8) можно было бы предполагать лексикализацию, однако, как показано выше, в обоих случаях допустима славянская огласовка (см. клетку М4 в таблице 6 и строку 2 в таблице 2). Обращает

¹⁸ Правда, последний пример – из службы праведному Симеону Верхотурскому, составленной в XIX в. (см. [Мангилёв, Полетаева 2019, 21, 26]).

на себя внимание постоянство в записи формы **ѡѣнцѡдѡѣцѡ** через **ѡ** (строка 9) при том, что в современной минее на два вхождения с **ѡ** в этом слове (в службах 11 декабря и 11 октября) приходится 13 вхождений с **ѡѣ**. Ср. также изрядное количество словоформ от **ѡѣнцѡдѡѣтель**, **ѡѣнцѡнѡсѡѣцѡ**, **ѡѣнцѡнѡсѡѣца**, **ѡѣнцѡнѡсѡѣный** и нек. др., для которых в минейном корпусе нет вариантов с **ѡ**.

Ситуация 4: во всех изданиях представлены только славянизмы (строки 10–12). Следует заметить, что в клетке **Ф10** вместо Зв.мн. **разорѣтѣли** стоит Зв.дв. **разорѣтѣла**, что, строго говоря, является основанием для переноса строки 10 в таблицу 4, где собраны примеры текстуальных расхождений между старой редакцией и иоакимовской. Однако, как видно, в данном случае это расхождение не касается анализируемой фонетической позиции, т.е. рефлекса начального **orT*. Данная ситуация является беспрецедентной на фоне ранее рассмотренных (в том числе в таблицах 2, 4, 5): русизмы в данных точках отсутствуют даже в изданиях первой половины XVIII в.

Выводы

§14.1. Однозначный ответ на вопрос о времени появления фонетических русизмов в Служебной минее дать сложно. Выборочный анализ написаний в старопечатных изданиях XVII – первой половины XVIII в. показывает, что в определенных точках текста русизмы были изначально: они фиксируются уже в неполном комплекте первопечатных миней 1607–10 г. и в первом полном комплекте миней 1619–30 г. (§ 13). Заметим, что тем самым не подтверждается версия, согласно которой русизмы (или какая-то их часть) оказались в московских старопечатных минеях в результате заимствования тех или иных текстов из юго-западных богослужебных книг (§ 6).

В некоторых точках русизмы употребляются начиная с определенных изданий, причем в одних случаях появление русизмов коррелирует с новой (иоакимовской) редакцией текста, а в других случаях такой корреляции нет: русизмы возникают в изданиях, содержащих текст старой редакции, на этапе послениконовской справки. Кроме того, имеются точки, в которых русизмы встречаются только в изданиях первой половины XVIII в., а также точки, в которых русизмов нет на протяжении всего рассматриваемого периода. Из последнего, между прочим, следует, что текст Служебной минеи мог подвергаться определенной русификации в более позднее время – в интервале со второй половины XVIII по конец XIX в. (§ 13).

2. Самый ранний русизм из числа отмеченных в оригинальных службах (по-видимому, лексикализированный), представлен в издании 1636 г. (§ 10). Имеются ли русизмы в оригинальных службах в каких-либо предшествующих изданиях, не известно, поскольку в нашу выборку такие службы не попали; вопрос требует дальнейшего изучения. Русизмы в метатексте, вероятно, появляются в Служебной минее начиная с издания 1690–91 г., в которое справщики включили богослужебные указания из Типикона 1682 г. (§ 12); но это требует подтверждения на репрезентативном материале.

3. Что касается выбора между русизмами и славянизмами в минейных комплектах разного времени, то, судя по изученному материалу, в оригинальных службах русская огласовка обычно используется на протяжении всего рассматриваемого периода, однако возможна и ситуация, когда славянский облик формы сохраняется вплоть до XVIII в. (§ 10). В переводных службах наблюдается либо смена славянизмов русизмами, которая приходится на издания послениконовской справки, либо только русизмы (иногда с вкраплениями славянизмов в тех или иных изданиях), либо только славянизмы (§ 13). Заметим, что

наличие в ряде случаев *жд* из **dj* в ранних изданиях Служебной минеи (а именно, в комплектах 1607–10 г. и 1619–30 г.) не свидетельствует в пользу гипотезы Б.А. Успенского о не вполне последовательной правке *ж* на *жд* в период второго южнославянского влияния (§ 2); впрочем, и не опровергает ее.

4. С нашей точки зрения, картина, полученная в результате обследования старопечатных изданий, позволяет считать, что выбор между русской и славянской огласовкой в минейном тексте, как правило, не был осознанным и целенаправленным в деятельности книжников Нового времени; исключение составляет, пожалуй, только запись причастий с конечным *ю* (§ 6). Можно предположить, что появлению и закреплению в Служебной минее тех или иных фонетических русизмов способствовали разные факторы или какие-либо их комбинации, в частности: влияние на церковнославянский текст живого языка справщиков, некритическое копирование из предыдущих изданий определенных текстов вследствие их авторитетности и употребительности (§ 13, замеч. 3) и лексикализация фонетических явлений.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

НКРЯ – Национальный корпус русского языка
РГБ – Российская государственная библиотека

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ¹⁹

- Минея служебная. Сентябрь. М.: Иван Андроников Невежин, 31 декабря 1607 г. 331 л.
Минея служебная. Сентябрь. М.: Печатный двор, 12 августа 1619. 528 л.
Минея служебная. Сентябрь. М.: Тип. В.Ф. Бурцова, 30 сентября 1636 г. 421 л.
Минея служебная. Сентябрь. М.: Печатный двор, 6 декабря 1644 г. 446 л.
Минея служебная. Сентябрь–ноябрь. М.: Печатный двор, 15 ноября 1666 г. 464 л.
Минея служебная. Сентябрь. М.: Печатный двор, май 1690 г. 391 л.
Минея служебная. Сентябрь. М.: Синодальная тип., 1741. 371 л.
Минея служебная. Октябрь. М.: Иван Андроников Невежин, 23 сентября 1609 г. 324 л.
Минея служебная. Октябрь. М.: Печатный двор, 9 ноября 1619 г. 510 л.
Минея служебная. Октябрь. М.: Печатный двор, 25 июля 1645 г. 456 л.
Минея служебная. Октябрь. М.: Печатный двор, май 1690 г. 377 л.
Минея служебная. Октябрь. М.: Синодальная тип., 1741. 352 л.
Минея служебная. Декабрь. М.: Печатный двор, 15 октября 1620 г. 622 л.
Минея служебная. Декабрь. М.: Печатный двор, 1 апреля 1636 г. 468 л.
Минея служебная. Декабрь. М.: Печатный двор, 7 июля 1645 г. 487 л.
Минея служебная. Декабрь. М.: Печатный двор, декабрь [1690] г. 415 л.
Минея служебная. Декабрь. М.: Синодальная тип., февраль 1747 г. 382 л.
Минея служебная. Февраль. М.: Печатный двор, 1 ноября 1622 г. 294 л.
Минея служебная. Февраль. М.: Печатный двор, 25 января 1646 г. 332 л.
Минея служебная. Февраль. М.: Печатный двор, ноябрь 1690 г. 296 л.
Минея служебная. Февраль. М.: Синодальная тип., 1741. 276 л.
Минея служебная. Март. М.: Печатный двор, 22 января 1624 г. 727 л.
Минея служебная. Март. М.: Печатный двор, 29 июня 1645 г. 306 л.
Минея служебная. Март. 4-е изд. М.: Синодальная тип., октябрь 1724 г. 228 л.
Минея служебная. Март. М.: Синодальная тип., 1741. 228 л.
Минея служебная. Июнь. М.: Печатный двор, 21 ноября 1627 г. 358 л.
Минея служебная. Июнь. М.: Печатный двор, сентябрь 1691 г. 293 л.
Минея служебная. Июнь. М.: Печатный двор, октябрь 1705 г. 273 л.
РГБ. Ф. 310. № 1291. Четвероевангелие в переводе Епифания Славинецкого и Евфимия Чудовского, перв. треть XVIII в.

¹⁹ Выходные данные изданий миней (кроме издания типографии В.Ф. Бурцова, см. примеч. (6) к табл. 1) приведены согласно электронному каталогу РГБ (rsl.ru).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Добровольский И.С. Фонетические русизмы в церковнославянских текстах Нового времени: корпусное обследование // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2021. Т. 1. С. 9–95.
- Добровольский И.С., Калужнина Н.В., Кравецкий А.Г., Людоговский Ф., Плетнёва А.А., Хитров А.Н. Из опыта работы над словарем современного церковнославянского языка // Вестник ПСТГУ. 2013. № 4(34). С. 40–57.
- Зализняк А.А. От праславянской акцентуации к русской // Зализняк А.А. Труды по акцентологии. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 1–428.
- Зернова А.С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII веках. Сводный каталог. М.: Изд. Гос. Ордена Ленина библиотеки СССР им. В.И. Ленина, 1958. 152 с.
- Кривко Р.Н. Минея // Православная энциклопедия. М.: ЦНЦ «Православная Энциклопедия», 2017. Т. 45. С. 273–279.
- Крылов Г., прот. Книжная справа XVII века. Богослужбные Минеи. М.: Индрик, 2009. 496 с.
- Кузьминова Е.А. Книжная справа // Православная энциклопедия. М.: ЦНЦ «Православная Энциклопедия», 2014. Т. 36. С. 122–134.
- Кузьминова Е.А. Спорные вопросы библейской книжной справа XVI–XVII вв. // Вестник Московского университета. 2021. № 1. С. 30–43.
- Людоговский Ф.Б. Современный церковнославянский минейный корпус // Лингвистическое источниковедение и история русского языка 2002–2003. М.: Древлехранилище, 2003а. С. 500–528.
- Людоговский Ф.Б. Состав, структура и функционирование корпуса современных церковнославянских богослужбных текстов: дис. ... канд. филол. наук. МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 2003б. 334 с.
- Людоговский Ф.Б. Функционирование и эволюция служебного и четьего вариантов церковнославянского Евангелия в эпоху книгопечатания: постановка проблемы // Лингвистическое источниковедение и история русского языка 2004–2005. М.: Древлехранилище, 2006. С. 400–418.
- Мангилёв П., прот.; Поletaева Е.А. К вопросу об акафисте праведному Симеону Верхотурскому (предварительные наблюдения) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2019. № 4 (28). С. 15–48.
- Мансветов И.Д. Церковный устав (типик), его образование и судьба в греческой и русской церкви. М.: Типография Э. Лисснера и Ю. Романа, 1885. IV, 449 с.
- Никольский К.Т. Материалы для истории исправления богослужбных книг: об исправлении устава церковного в 1682 году и месячных миней в 1689–1691 гг. СПб.: ОЛДП, 1896. 135 с.
- Пентковский А.М. Материалы для истории издания церковнославянских переводов в XVIII в.: московское Добротолубие // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2023. № 1. С. 222–260.
- Пичхадзе А.А. Библия. Переводы на церковнославянский язык // Православная энциклопедия. М.: ЦНЦ «Православная Энциклопедия», 2002. Т. 5. С. 139–147.
- Соболевский А.И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVIII веков: Библиографические материалы. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1903. 460 с.
- Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). М.: Аспект Пресс, 2002. 558 с.
- Устинова И.А. Никон // Православная энциклопедия. М.: ЦНЦ «Православная Энциклопедия», 2018. Т. 50. С. 732–744.

Рукопись поступила в редакцию 15.10.2024

Рукопись принята к печати 05.11.2024

REFERENCES

- Dobrovol'skii I.S. Foneticheskie rusizmy v tserkovnoslavianskikh tekstakh Novogo vremeni: korpusnoje obsledovanie. *Trudy Instituta russkogo iazyka im. V.V. Vinogradova*. 2021, no. 1, pp. 69–95. (In Russ.)
- Dobrovol'skii I.S., Kaluzhnina N.V., Kravetskii A.G., Liudogovskii F., Pletnëva A.A., Khitrov A.N. Iz opyta raboty nad slovarom sovremennogo tserkovnoslavianskogo iazyka. *Vestnik PSTGU*. 2013, no. 4(34), pp. 40–57. (In Russ.)
- Krivko R.N. Mineia. *Pravoslavnaia entsiklopediia*. Moscow, TsNTs «Pravoslavnaia entsiklopediia» Publ., 2017, vol. 45, pp. 273–279. (In Russ.)
- Krylov G., prot. *Knizhnaia sprava 17 veka. Bogoslužhebnyje Minei*. Moscow, Indrik Publ., 2009, 496 p. (In Russ.)

- Kuz'minova Je.A. Knizhnaia sprava. *Pravoslavnaia entsiklopediia*. Moscow, TsNTs «Pravoslavnaia entsiklopediia» Publ., 2014, vol. 36, pp. 122–134. (In Russ.)
- Kuz'minova Je.A. Spornye voprosy bibleiskoi knizhnoi spravy 16–17 vv. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. 2021, no. 1, pp. 30–43. (In Russ.)
- Liudogovskii F.B. Sovremennii tserkovnoslavianskii mineinyi korpus. *Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriia russkogo iazyka 2002–2003*. Moscow, Drevlekhranilishche Publ., 2003a, pp. 500–528. (In Russ.)
- Liudogovskii F.B. *Sostav, struktura i funktsionirovaniye korpusa sovremennykh tserkovnoslavianskikh bogoslužebnykh tekstov*: dis. ... kand. filol. nauk. MGU im. M.V. Lomonosova. Moscow, 2003b, 334 p. (In Russ.)
- Liudogovskii F.B. Funktsionirovaniye i evoliutsiia sluzhebnoy i chet'yego variantov tserkovnoslavianskogo Yevangelii v epokhu knigopечатaniia: postanovka problemy. *Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriia russkogo iazyka 2004–2005*. Moscow, Drevlekhranilishche Publ., 2006, pp. 400–418. (In Russ.)
- Mangil'ev P., prot.; Poletajeva Je.A. K voprosu ob akafiste pravednomu Simeonu Verkhoturskomu (predvaritel'nye nabludeniiya). *Vestnik Jekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii*, 2019, no. 4(28), pp. 15–48. (In Russ.)
- Mansvetov I.D. *Tserkovnyi ustav (tipik), jeho obrazovaniye i sud'ba v grecheskoi i russkoi tserkvi*. Moscow, Tipografiya E. Lissnera i Iu. Romana Publ., 1885, IV, 449 p. (In Russ.)
- Nikol'skii K.T. *Materialy dlia istorii ispravleniia bogoslužebnykh knig: ob ispravlenii ustava tserkovnogo v 1682 godu i mesiachnykh minei v 1689–1691 gg.* St. Petersburg, OLDP Publ., 1896, 135 p. (In Russ.)
- Pentkovskii A.M. Materialy dlia istorii izdaniia tserkovnoslavianskikh perevodov v 18 v.: moskovskoe Dobrotoliubie. *Trudy Instituta russkogo iazyka im. V.V. Vinogradova*. 2023, no. 1, pp. 222–260. (In Russ.)
- Pichkhadze A.A. Bibliia. Perevody na tserkovnoslavianskii iazyk. *Pravoslavnaia entsiklopediia*. Moscow, TsNTs «Pravoslavnaia entsiklopediia» Publ., 2002, vol. 5, pp. 139–147. (In Russ.)
- Sobolevskii A.I. *Perevodnaia literatura Moskovskoi Rusi 14–18 vekov: Bibliograficheskie materialy*. St. Petersburg, tip. Imp. Akad. nauk Publ., 1903, 460 p. (In Russ.)
- Uspenskii B.A. *Istoriia russkogo literaturnogo iazyka (11–17 vv.)*. Moscow, Aspekt Press Publ., 2002, 558 p. (In Russ.)
- Ustinova I.A. Nikon. *Pravoslavnaia entsiklopediia*. Moscow, TsNTs «Pravoslavnaia entsiklopediia» Publ., 2018, vol. 50, pp. 732–744. (In Russ.)
- Zalizniak A.A. *Ot praslavianskoi aktsentuatsii k russkoi. Trudy po aktsentologii*. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2010, pp. 1–428. (In Russ.)
- Zernova A.S. *Knigi kirillovskoi pechati, izdannyye v Moskve v 16–17 vekakh. Svodnyi katalog*. Moscow, Izd. Gos. Ordena Lenina biblioteki SSSR im. V.I. Lenina Publ., 1958, 152 p. (In Russ.)

Received on 15.10.2024

Accepted on 05.11.2024

Информация об авторе:

Добровольский Иван Сергеевич

научный сотрудник

Институт русского языка им. В.В. Виноградова

Российской академии наук

г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-0816-1322

E-mail: imperfect@yandex.ru

Information about the author:

Ivan S. Dobrovol'skii

Research Fellow

Vinogradov Russian Language

Institute of Russian Academy of Sciences

Moscow, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-0816-1322

E-mail: imperfect@yandex.ru

Синтаксические конструкции с сочинительными союзами в гомилиях Кирилла Туровского. 2

© 2025 г. И.И. Макеева

Институт русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук
(Москва, Российская федерация)

irinamakeeva2007@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу синтаксических конструкций с сочинительными союзами в гомилиях древнерусского писателя XII в. Кирилла Туровского, который создавал оригинальные сочинения, продолжая византийские риторические традиции. Синтаксис произведений писателя ранее исследователями не рассматривался. Вторая часть статьи посвящена текстообразующей роли союзов в гомилиях Кирилла. Союз *и* в организации микротекстов риторических произведений не участвует. Он имеет семантику высокой степени обобщенности и передает отношения соединения и объединения, организуя текст в целом. С его помощью соединены части полипредикативных синтаксических конструкций, а также организованы ряды словосочетаний, которые составляют фрагменты гомилий. Подобные цепочки, иногда очень длинные, характерны для разных сочинений древнерусского писателя, причем чаще словосочетания связаны бессоюзной связью. Союзы *а* и *но* являются текстообразующими средствами в отдельных фрагментах, в том числе в монологе. Оба союза могут выступать в такой функции благодаря семантике сопоставления и противопоставления, которая предполагает возможность выбора. Обычно минитекст с этими союзами состоит из разного количества сложных бинарных конструкций; их части сопоставлены или противопоставлены друг другу. Таким образом в «Слове о слепце» с помощью союза *а* древнерусский писатель строит монолог старейшин, который приобретает особую синтаксическую выразительность. Чтобы избежать однообразия, Кирилл прерывает однотипные парные конструкции иной по структуре или семантике предикативной единицей. Союз *но* в гомилиях Кирилла может противопоставлять не одно предложение, а несколько соединенных бессоюзной связью предикативных единиц. Союз относится, таким образом, ко всем предикативным единицам сразу и выступает как сферхфразовый.

Ключевые слова: древнерусский язык, Кирилл Туровский, сложные синтаксические конструкции, сочинительные союзы, текстообразующая роль союзов.

Ссылка для цитирования: Макеева И.И. Синтаксические конструкции с сочинительными союзами в гомилиях Кирилла Туровского. 2 // *Славяноведение*. 2025. № 4. С. 56–63. DOI: 10.31857/S0869544X25040045, EDN: UZQFQX

Syntactic Constructions with Compositional Unions in Homilies of Kirill of Turov. 2

© 2025. Irina I. Makeeva

Vinogradov Russian Language Institute of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

irinamakeeva2007@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the syntactic constructions with the composing conjunctions in the Homilies of the Old Russian writer of the XII century Kiril of Turov, who created the original works, continuing the Byzantine rhetorical traditions. The syntax of the works of Kiril has not been considered by the researchers before. The second part of the article is devoted to the text-forming role of the conjunctions in Homilies of Kiril. The conjunction *и* does not participate in the organization of microtexts of rhetorical works. It has the semantics of a high degree of generality and conveys the relations of the connection and the association, organizing the text as a whole. It is used to connect the parts of the polypredicative syntactic constructions, as well as to organize the rows of word-combinations that make up the fragments of Homilies. The such chains, sometimes very long, are characteristic of the various works of the Old Russian writer, and more often the word-combinations are connected by a non-union connection. The conjunctions *а* and *но* are the text-forming means in separate the fragments, including the monologue. The both conjunctions can act in such a function due to the semantics of the comparison and the opposition, which implies the possibility of choice. Usually a minitext with the these conjunctions consists of a different number of the complex binary constructions; the their parts are compared or opposed to each other. Thus in «The Sermon of the Blind Man» with the help of the conjunctions *а* the Old Russian writer builds the monologue of the elders, which acquires a the special syntactic expressiveness. To avoid monotony, Kiril interrupts the similar paired constructions with a predicative unit different in the structure or the semantics. The conjunction *но* in the Homilies of Kiril can contrast not the one sentence, but the multiple predicative units connected by a non-union. The conjunctions thus refers to all predicative units at once and acts as a sphere-phrase.

Keywords: Old Russian language, Kirill of Turov, complex syntactic constructions, composing conjunctions, text-forming role of conjunctions.

For citation: *Makeeva I.I. Syntactic Constructions with Compositional Unions in Homilies of Kirill of Turov. 2 // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2025. No. 4. P. 56–63. DOI: 10.31857/S0869544X25040045, EDN: UZQFQX*

Текстообразующая роль союзов в гомилиях Кирилла

В первой части статьи (см. Славяноведение. 2025. № 3) была рассмотрена семантика и употребление союзов *и*, *а*, *но* и редких *да* (*да и*), *или*, *ли* в сложных синтаксических конструкциях, сопоставимых с современными сложносочиненными предложениями, и в начале предикативных единиц. Используя некоторые из этих союзов¹, древнерусский писатель создает структурно-смысловые фрагменты Слов, которые иногда можно рассматривать как микротексты.

Союз *и*, соединяющий две части сложной конструкции, не участвует в организации фрагментов риторических произведений. В такой функции может

¹ То, что конструкции могут иметь придаточные предложения, в данном случае можно не принимать во внимание.

выступать начинательный союз *и*, но и он является вспомогательным средством, например, во фрагменте из СФН, построенном по принципу параллелизма². Одна из двух анафорических предикативных единиц дважды присоединяется начинательным союзом *и*, один раз — начинательным союзом *а* в значении *и*: *вса^азан ма, тако азъ самъ ксмъ, кгоже преже вса^азавъ семешнъ и вѣрою прашаше ѿпущения с миромъ; и не буди невѣренъ такоже родъ, иже слышавъ <...>; вѣру ими ми, фомо, и познан ма такоже и аврамъ, к немуже подь сѣнь <...>; а не буди невѣренъ акты вала^{мъ}, иже дхъмъ сѣмъ <...>; вѣру ими ми фомо, тако самъ азъ ксмъ, кгоже видѣ наковъ <...>; и не буди невѣренъ тако и навходоносоръ, иже видѣв ма в пещи <...>; вѣру ими ми фомо, тако азъ ксмъ, кгоже видѣвъ вбразъ <...>* 241об.—242.

В памятниках древнерусской письменности повторяющийся начинательный союз *и* соединял несколько предикативных единиц, образовывавших сложное синтаксическое построение. Подобный способ организации текста назван «цепочным нанизыванием». Его отметила Е.С. Истрина при анализе синтаксиса Синодального списка I Новгородской летописи: [Истрина 1923, 197]; см. также [Структура предложения 1983, 117–118; Историческая грамматика 1979, 21]. Принцип цепочного нанизывания предложений был известен в старославянском языке [Ефимова 1997, примеч. 7].

То, что в Словах Кирилла Туровского есть цепочное нанизывание предикативных единиц, сомнительно. В похожих на него фрагментах количество звеньев возможной цепочки невелико, и это скорее ограниченный, чем открытый ряд. Поэтому корректнее говорить о полипредикативных конструкциях: *о снх же всѣхъ препрѣша сѣни наши ѿци вканынѣа и трекалѣнѣа кретики, и прокленше бохульника арья, и изринуша и изъ цркви и сущаа с ни в тоѣ же вканынѣи крѣ; и прослави^и іса ха сѣа бѣа сѣи наши ѿци, і утвердиша црковь аплѣкыми заповѣдми, и научиша вса вѣровати въ сѣю трѣцю кдиносущнѣу и нераздѣланѣу ѿца і сѣа и сѣго дха, и повелѣша покланати^и трѣци кдиному бѣу* 279об.—280.

В сочинениях Кирилла есть другие цепочки; они состоят не из предикативных единиц, а из словосочетаний, и представлены не только в гомилиях, но и в молитвах древнерусского писателя. Такие ряды могут быть короткими (въ племени аврамни, въ снхъ излѣвхъ, въ градѣ дѣдѣвѣ, свокго яззыка члѣвкмъ 265об.) и длинными; словосочетания не всегда одинаковы со структурной точки зрения. Используя подобные, как правило, многочисленные ряды, Кирилл Туровский создает отдельные фрагменты Слов. Таким образом построена являющаяся заключением СС похвала слепцу, прозревшему не только в буквальном смысле, но и духовно. На земле он, посрамитель и обличитель фарисеев, стал проповедником истины и Сына Божия и первым почитателем Христа, а на небе удостоился апостольского венца: *ѿ крѣпкин хвѣ вонне, доблѣи на лѣстѣ воружниче, держын ажи величителю, неповѣдимын стрѣпче, искусэнын сѣа бѣа поборниче, посрамителю безаконныхъ фарисѣи і проповѣдниче истинны, добрын прѣпріимни новому закону, первын поклонн^и га ба и сѣса нашѣ іса ха* 269об.—270. Из пятнадцати словосочетаний, в основном являющихся именными группами

² К этому принципу Кирилл обращается нередко. В частности, на нем основана часть монолога Фомы в СФН, где в роли анафоры выступают разные формы местоимения *иже*: *вѣрую, ги, тако тѣи кси бѣ мон, ѿ немже писаша прѣци дозраще дхъмъ, кгоже провбрази в законѣ монѣи, кгоже ѿвергошася съ жерци фарисѣи, кгоже поругаша завистью съ книжники жидове, кгоже всуди съ канпафою на распатник пилатъ, кгоже бѣ ѿцъ нз мртвхъ въскри <...>*.

с препозицией атрибута-прилагательного, состоит обращение к Арию отцов-участников Никейского собора в СПОНС: слыши, арю, нечѣтѣи дше, безглавнѣи звѣри, вканѣнѣи члвчѣ, новѣи канѣ, вторѣи нюдо, плотанѣи дѣмоне, прелестнѣи змию, црквиѣи вѣмѣдомѣи тати, неубратимѣи разбонни, нераскакмѣи грѣшнѣи, неукротимѣи на хѣа стада волчѣ, безбогазньнѣи стѣпа вѣрѣи разорителю, хотѣщим сѣ спѣти пакостниче, бѣи враже и снѣу погивели 278. Словосочетания другого типа составляют часть похвалы отцам-участникам Никейского собора в том же произведении: самъ бо исъ хѣа тако фюники доброплодны в мирьскѣхъ удольнѣхъ избралъ вѣи кѣтѣи и вѣ цркви хѣа домѣу своѣго посадилъ на украшениѣ аплакого престола, на ѹтверженнѣи стѣпа вѣрѣи, на поновленѣи шбетшавшимъ грѣховнѣи сластѣи, на възведенѣи падшимъсѣ вѣ кресѣ, на исправленнѣи поматшихъсѣ в соблазнѣи, на ицѣленнѣи недѣгѣющимъ в законѣи, на ѹкрѣплениѣ борѣющимся по хѣи, на порѣшенѣи дѣаволь сѣтѣи, на изрѣшенѣи вазащѣи вѣ злѣбѣи, на смиренѣи на сѣ враждѣющимъ, на изъвлечениѣ топащѣихъсѣ в телеснѣхъ похотѣхъ, на спнѣи погыбающимъ безѣумькѣи, на пищѣи алчѣющимъ и нагѣи на вѣдѣнѣи 282–282об.

В приведенных выше фрагментах члены рядов соединены бессоюзной связью. Примером цепочки, в которой имеющие разную структуру словосочетания соединены повторяющимся союзом *и*, является фрагмент из СПОНС с перечислением основных событий Евангелия: вси велегѣи вопиють в блговѣщенѣи посланаго къ двѣи арханѣла, и в зачатѣи стѣго дѣа, и в знаменѣи звѣзды ведшихъ персѣи к рожшемѣсѣ бѣи, и в младенѣствѣи ветѣа днѣи, и в крщѣи кѣи, и в ѡверженѣи ветѣаго закона, и в преславнѣхъ кѣи чудесѣхъ, и в преданѣи ѡ ѹинка, и за вѣ мирѣи ѹмертвиѣи, и в шестѣи кѣи вѣ адѣи, и в вскрнѣи ѡ мртвѣхъ, и о стѣи дѣи иже дастѣи аплмѣи, и в възнесенѣи на небѣи, и в сѣдѣнѣи одеснѣиу бѣи и ѡца, и в вторѣи кѣи пришествиѣи, кѣи придѣи сѣдѣи мирѣи и въздѣи комѣждо противѣи дѣломъ кѣи 279–279об.

Текстообразующую функцию союза *и* И.Н. Кручинина определяет следующим образом: «...этот союз конструирует текст по принципу сукцессивности, т. е. так, что одна фраза как бы вызывает или тянет за собой другую, в результате чего образуется равномерная и согласованная в своем движении речевая цепь... Связь предложений базируется здесь на отношениях следования, но эти отношения не ассоциируются с временным моментом» [Кручинина 2009, 57]. В Словах Кирилла такую функцию союз *и* выполняет в тексте в целом, а также при соединении словосочетаний; образованные ими ряды, функционально аналогичные цепочкам предикативных единиц, представляют собой структурно-смысловые фрагменты текста, также организованные «по принципу сукцессивности». Как единственное средство, организующее предикативные единицы в микротексте (не в полипредикативной конструкции), союз *и* в гомилиях не используется, хотя иногда выступает в такой роли вместе с *но* (см. ниже).

Два других союза – *а* и *но* – соединяют предикативные единицы и участвуют в построении микротекстов в Словах Кирилла.

Монолог старейшин из СС, изгнавших из сообщества прозревшего слепца, содержит своего рода изложение Евангелия (ср. выше фрагмент из СПОНС) и построен как цепочка из пяти бинарных сложных конструкций с союзом *а* («а» сопоставления и «а несоответствия») во второй части; они имеют разнообразное осложнение в виде прямой речи, причастных оборотов и придаточных предложений. После третьей пары следует несколько предикативных

единиц, прерывающих ряд бинарных конструкций (№ 4: цр̑кѣ же б̑ю... по-клонатсѧ б̑ви дх̑мь), затем прежнее построение возобновляется: но їзгнавшѣ ѿ свора прозрѣвшѧ к себѣ сами прю сѣставляше гл̑ху: что сѣтворимъ галилѣянину сему їсу, тако уже ѿврещи хоше боданыи монѣквѣ законъ ї старечьскаа преданыа в помыслѣхъ (вм. посмѣхъ) положила ксть (1а), а рыварѣ тивериадска кзера, невѣгласы суща, таже по себѣ нынѣ водить, чѣтнѣише архирѣи ї фарисѣи створи ксть (1б); їзъ цр̑кве продающѣи овца и голуби изгонить (2а), а мѣтгари и грѣшники принимаа в жертвенѣи въводить, с ними ѧсть и пикеть безъ сѣмнѣныа (2б); на архирѣи и книжники гскы грозитсѧ, фарисѣемъ с левгиты аки властель прѣтитъ гл̑: горе ва, книжници ї фарисѣи лицемѣри (3а), а блудницѣ ѿ любодѣицы ѿвода сѣты нарицаа гл̑тъ: ѡ жено вѣра твоѧ спсе тѧ иди в миръ (3б); цр̑кѣ же б̑ю разорити велить и трѣи днѣми па въставити хупетсѧ; се же ѧвѣ ксть, тако ругаетсѧ чюднѣи сѣи цр̑кви, ибо в сѣхемѣ блудници рекла ксть: настанеть время, кгда ни в горѣ сѣи ни въ икрлмѣ поклонатсѧ б̑ви дх̑мь (4); кще же и все злато кесареви поучакть ны ѿдати и всѣ по своему слѣду ходити в нищетѣ велить (5а), а монѣи при исходѣ ї кѣптѧнѣ повелѣи ѿцмъ нашимъ с лестью златыа тѣхъ ссѣды поймавше ѡсвоити (5б); се же нѣ ли кго смртнаа вина, тако сѣмъ б̑нимъ нарицает сѧ (6а), а писаныѧ гл̑тъ: слыши нѣлю, гл̑ бѣ твои кдинъ ксть (6б) 266–266об. Следует подчеркнуть, что это монолог. По наблюдениям О. Йокаяма, в современном русском языке союз *а* употребляется в драматургических текстах в четыре раза чаще, чем в публицистической и научной прозе [Йокаяма 1990, 191]. И.Н. Кручинина отмечает, что этот союз «является ярким средством синтаксической изобразительности», его основная текстовая функция — «ассоциативно-повествовательная, тематическая», «Осложнение союза *а* значением несходства особенно характерно для диалога...» [Кручинина 1984, 208–210].

Вступление СПОНС отчасти построено на мотивах паремий, читающих-ся на великой вечерне накануне празднования памяти 318 отцов. Речь в них идет об истории Авраама, и в связи с этим в Слове обыгрывается символическое значение числа 318. Кирилл проводит параллель между ветхозаветными событиями и событиями церковной истории, используя для этого во второй части вступления три пары сложных конструкций с союзом *а* («а сопоставления»)³. В первой части каждой конструкции речь идет об Аврааме, во второй — об отцах-участниках Никейского собора: но аврамъ телеснѣю створи повѣду видимомъ вокмъ (1а), а си къ дх̑внѣи сдолѣша рати невидимыа повѣдиша вѣсы (1б); аврамъ ї. цр̑ь сѣ силами ихъ повѣди ї лота сѣнца своего възврати (2а), а си всѧ кретикы дх̑вными їсѣкоша мечи ї церковь хвѣ възвратиша ѿ кѣмирослуженья (2б); аврамъ (вм. аврама) възвращьсѧ ѿ сѣча цр̑кий блгѣи икрѣи б̑ии мелхиседе и хлѣбъ с виномъ изнесе (3а), а сѣтин наши ѿци по низложеньи и по проклатѣи бѣворецъ кретикъ самъ бѣ ѿцъ блгѣи и прослави, и сѣтин дх̑ вънча и ѡсѣи, а сѣи б̑ии заѡнъ хлѣбъ и вино свое чѣтноу тѣло и сѣчю кровь тѣмъ преложивъ всѣмъ вѣрнѣи в животъ (3б) 275об.—276.

Как цепочка бинарных конструкций в СС построен фрагмент текста после третьего монолога прозревшего слепца, в котором он говорит о вере в Сына Божия и о том, что исповедует Спасителя миру Христа, тогда как люди

³ О предложениях с отношениями сопоставления, в том числе с сопоставлением как приемом художественной характеристики, см. подробнее в [Попов 1953, 8–10].

Израиля, даже видев сотворенные им чудеса, из-за зависти не признали являемой Христом Божьей силы. Скрытое противопоставление, имеющееся в монологе слепца, продолжено выраженным языковыми средствами противопоставлением во фрагменте, где части сложных конструкций соединены союзом *но*. Из семи констукций четыре (2, 3, 6, 7) содержат отрицание в первой части: *изринѹша и ѿ фарисѣйска ажесловеснаго учениа* (1а), *но ѿ апль стго дха дшеполезныхъ поучений насладиса* (1б); *не ѿкропиша кго завистивни жерци попеломь ѹнца с кровью козлею къ плотьстѣи чѹтѣ* (2а), *но англькѹи стгы кфиликаъ на то верхъ крицьнѹмь излиаса* (2б); *не ѹтѣшища кго бѹхѹлнии старци излѣи* (3а), *но архиппи новаго закона с нимъ веселашѣ ха славать* (3б); *ѿвергошася кго плотьскыа ѹжики* (4а), *но дхвнаа ѿ хѣ братьа приаша кго, ихже водою и дхмь пазычьскаа пороиди цркви* (4б); *чюжа кго совѣ створиша друзи и знаныа* (5а), *но стии англи на нѣси с ни друголюбно раѹтсѹ* (5б); *не даша кмѹ жерци в соломоню влѣсти црквь* (6а), *но горьнаго икрѣма стхъ стѹа съ бѹгоднѹми патриархи акн первѣнца приатъ кго* (6б); *не ѿгласиша кго бѹмерзѹщїи жидовьстїи крѣи* (7а), *но самъ исъ хъ снѣ бнї паки позна и ї ѿверѣте ї* (7б) 268об.—269.

Особая функция у союза *но* в организации еще одного фрагмента в СС. После перечисления совершенных Христом чудес (... сѹхорѹкыа ѹкрѣпи, вѣсѹи ѿ чловѣкъ прогна, слѣпѹа просвѣти) союз («*но* ненормального следствия»?) вводит цепочку соединенных бессоюзной связью предикативных единиц, объединенных общей темой негативных действий противников Христа. Союз относится, таким образом, ко всем предикативным единицам сразу: *но жидове са на блгтѣа гнѣвають; нюдѣи ропщють на чѹтворца; излѣтѣне свѣтъ творѣтъ на сїса своѹго; снѣе инаковѣи погѹбити мѹсѣлатъ пришедѹшаго спгъ всего мира; садѹкѣи прозрѣвшаго на сѹдище влекѹтъ; їродѣане сворище совоѹплають; не вѣрѹють бо члвкѹ, іако то кстѣ бѹвѹи преже слѣпъ; книжници изѹмѣвшесѹ пѹгѣаю родителю прозрѣвша, глѣще: аще то кстѣ ваю снѣ; левгити дивѣтсѹ видѣще іасно зрѣщею зѣницю родившасѹ безъ вчѹю; старци ѹкарають в сѹ ѿверзѹша ѿчи слѣпцю* 265. Этот ряд прерывает сложносочиненное предложение, повествующее о радости народа по поводу исцеления слепорожденного (народи хвалащѣ бѹ преславнѹ дивѣтсѹ чюдеси, и весь икрѣмъ раѣтъ іса хѹ величающе), а затем после еще одного союза *но* перечень возобновляется: *но фарисѣи льстѣще народы хѹлатъ чѹтворца; жерци изгонѣтъ ѿ сворища помилованаго бѣмъ; архикрѣи прѣтѣтъ прозрѣвшемѹ да похѹлнѣт просвѣтившаго и, глѣще: снѣ члвкъ нѣ ѿ бѹ, понѣ сѹбо не храни* 265об. Таким образом, оба раза союз *но* вводит не одно предложение, а сразу несколько предикативных единиц, выступая как средство сверхфразовой синтаксической связи.

Вместе с союзом *но* в организации микротекста может участвовать союз *и*. Фрагмент СП состоит из пяти пар сложных синтаксических конструкций, содержащих анафорические сравнения *іако члвкъ* и *іако бѣ*. В каждой паре сопоставляется Христос Бог и Христос Человек; содержание этих сопоставлений сугубо авторское. Как будто нарушает параллелизм конструкция (4) с частичной анафорой (*іако агнецъ... принесе*), но и она может быть рассмотрена как состоящая из двух сопоставленных предикативных единиц. Части парных конструкций соединяются союзом *и* (1а–1б, 5а–5б) и союзом *но* (2а–2б, 3а–3б, 6а–6б), которые в этом контексте выполняют скорее функцию сопоставления, чем соединения (объединения) и противопоставления: *гѣ нашъ исъ хъ*

распинаемъ бѣ тако члѣвкъ (1а), и тако бѣ снѣце помрачи и луны въ кровь преложи, и тма бѣ по всен земли (1б); тако члѣвкъ възпивъ испустити дхъ (2а), нѣ тако бѣ землею потрѣсе, и каменникъ распадесѣ (2б); тако члѣвкъ в ребра оудараемъ (3а), но тако бѣ завѣсѣу перваго закона полма раздѣра (3б); тако агнецъ кровь свою источи <...> (4а?), и собою жертву за спникъ всего мира бѣ и ѡцю принесѣ (4б?); тако члѣвкъ въ гробѣ положенъ бѣ (5а), и тако бѣ алтарь пазычьскыа цѣркве ѡсти (5б); тако црь стражыми стрегомъ и запечатлѣненъ въ гробѣ лежаще (6а), нѣ тако бѣ англыи вон бѣсовскымъ силамъ въ твердыни ада вѣщаще глѣ (6б) <...> 230.

В организации трех из приведенных фрагментов (двух из СС и одного из СП) попутно обнаруживается еще одна особенность – прерывание однотипных конструкций иной по структуре или семантике предикативной единицей.

Таким образом, союз *и*, имея семантику высокой степени обобщенности, передает отношения соединения и объединения, организуя не отдельные фрагменты, а текст в целом. С его помощью соединены части полипредикативных синтаксических конструкций, а также организованы ряды словосочетаний, которые составляют фрагменты гомилий. Подобные цепочки, иногда очень длинные, характерны для разных сочинений древнерусского писателя, причем чаще словосочетания связаны бессоюзной связью.

Союзы *а* и *но* являются текстообразующими средствами в отдельных фрагментах. Обычно минитексты с этими союзами состоят из разного количества сложных бинарных конструкций; их части сопоставлены или противопоставлены друг другу. Во избежание однообразия древнерусский писатель прерывает однотипные парные конструкции иной по структуре или семантике предикативной единицей.

Союз *но* в гомилиях Кирилла может противопоставлять не одно предложение, а несколько предикативных единиц, выступая как сферхфразовый.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГИМ – Государственный исторический музей
ОР – Отдел рукописей
ркп. – рукопись
собр. – собрание

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

СВ – Слово на Вознесение; ркп. ОР ГИМ, собрание Уварова, № 589, XIV в., лл. 270–275.
СП – Слово на Пасху; ркп. ОР ГИМ, собрание Уварова, № 589, XIV в., лл. 229об.–235об.
СПОНС – Слово памяти отцов Никейского собор; ркп. ОР ГИМ, собрание Уварова, № 589, XIV в., лл. 275об.–283.
СС – Слово о слепце; ркп. ОР ГИМ, собрание Уварова, № 589, XIV в., лл. 264–270.
ССТХК – Слово о снятии тела Христова с креста; ркп. ОР ГИМ, собрание Уварова, № 589, XIV в., лл. 244–256об.
СФН – Слово на Фомину неделю; ркп. ОР ГИМ, собрание Уварова, № 589, XIV в., лл. 235об.–244.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ефимова В.С. Нь и другие союзы в старославянском // Славянские сочинительные союзы / отв. ред. Т.М. Николаева. М., ИСБ, 1997. С. 62–77.
Йокояма О. К анализу русских сочинительных союзов // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М., Наука, 1990. С. 190–194.
Историческая грамматика русского языка: Синтаксис. Сложное предложение / под ред. В.И. Борковского. М., Наука, 1979. 461 с.

- Истрина Е.С. Синтаксические явления Синодального списка 1-й Новгородской летописи. Пг., [б.и.], 1923. 204 с.
- Кручинина И.Н. Textoобразующие функции сочинительной связи // Русский язык: Функционирование грамматических категорий: Текст и контекст / отв. ред. Н.Ю. Шведова. М., Наука, 1984. С. 204–210.
- Кручинина И.Н. Структура и функции сочинительной связи в русском языке. Изд. 2-е, испр. М., URSS, 2009. 216 с.
- Попов П.В. Сочинительные конструкции с союзом «А» в древнерусском языке: Автореф. ... канд. филол. наук / Институт языкознания АН СССР. Л., 1953. 20 с.
- Структура предложения в истории восточнославянских языков / под ред. В.И. Борковского. М., Наука, 1983. 303 с.

Рукопись поступила в редакцию 29.02.2024

Рукопись принята к печати 15.11.2024

REFERENCES

- Iokoiama O. K analizu russkikh sochinitel'nykh sojuзов. *Logicheskii analiz iazyka: Protivorechivost' i anomal'nost' teksta*, ed. N.D. Arutiunova, Moscow, Nauka Publ., 1990, pp. 190–194. (In Russ.).
- Istoricheskaia grammatika russkogo iazyka: *Sintaksis. Slozhnoje predlozhenije*, ed. V.I. Borkovskii. Moscow, Nauka Publ., 1979, 461 p. (In Russ.).
- Istrina Je.S. *Sintaksicheskije iavleniia Sinodal'nogo spiska 1-i Novgorodskoi letopisi*. Petrograd, 1923, 204 p. (In Russ.).
- Jefimova V.S. № i drugije soiuzy v staroslavianskom. *Slavianskije sochinitel'nyje soiuzy*, ed. T.M. Nikolajeva. Moscow, ISB Publ., 1997, pp. 62–77. (In Russ.).
- Kruchinina I.N. Tekstoobrazuiushchije funktsii sochinitel'noi sviazi. *Russkii iazyk: Funktsionirovanije grammaticheskikh kategorii: Tekst i kontekst*, ed. N.Iu. Shvedova. Moscow, Nauka Publ., 1984, pp. 204–210. (In Russ.).
- Kruchinina I.N. *Struktura i funktsii sochinitel'noi sviazi v russkom iazyke*. Moscow, URSS Publ., 2009, 216 p. (In Russ.).
- Popov P.V. *Sochinitel'nyje konstruksii s soiuзом «А» v drevnerusskom iazyke*. Avtoreferat ... kand. filol. nauk. Leningrad, 1953, 20 p. (In Russ.).
- Struktura predlozheniia v istorii vostochnoslavianskikh iazykov*, ed. V.I. Borkovskii, Moscow, Nauka Publ., 1983, 303 p. (In Russ.).

Received on 29.02.2024

Accepted on 15.11.2024

Информация об авторе:

Макеева Ирина Ивановна
кандидат филологических наук,
ведущий научный сотрудник
Институт русского языка им. В.В. Виноградова
Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0009-0008-3181-6500
E-mail: irinamakeeva2007@mail.ru

Information about the author:

Irina I. Makeeva
PhD (Philology),
Leading Researcher
Vinogradov Russian Language
Institute of Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0009-0008-3181-6500
E-mail: irinamakeeva2007@mail.ru

Славяноведение, 2025, № 4, с. 64–80

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2025, No. 4, pp. 64–80

DOI: 10.31857/S0869544X25040054, EDN: UZWOKQ

Оригинальная статья / Original Article

Фольклорная артикуляция различных оттенков одиночества в белорусской традиции

© 2025 г. И.А. Швед^{1,2}

¹Аньхойский университет
(Хэфэй, Китайская Народная Республика),

²Брестский государственный университет
(Брест, Республика Беларусь)

Shved_Inna@tut.by

Исследование выполнено в рамках НИР «Повествовательный женский дискурс в контексте фольклорной традиции Брестчины» (№ г/р 20211451) при финансовой поддержке Министерства образования РБ (Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина)

Аннотация. Статья посвящена семантико-прагматическим параметрам артикуляции одиночества (как элемента оппозиции «одиночество—неодиночество (единство)») и связанных с ним представлений и чувств в различных видах и жанрах белорусского фольклора. В статье показано, что фольклорные тексты, описывающие межличностное, социокультурное и метафизическое измерения одиночества, различаются жанрово, тематически, по набору сюжетов и масштабу репрезентируемых событий — от повседневных происшествий и серьезных семейных несчастий, предписанных традицией ритуалов перехода, изменяющих социальный статус человека, до чрезвычайных ситуаций локального характера и даже катаклизмов вселенского масштаба. Все они, окрашивая возможные свидетельства об опыте одиночества в особые тона и моделируя его как неестественное состояние человека, вызванное обстоятельствами, не зависящими от его воли (предначертанность судьбой), в той либо иной мере служат не только интерпретационной призмой, но и «моральным регулятором», способом объективации ценностного отношения, кодификации, предъявления и аргументации морально-этических норм, значимых для стабильности сельского (в своей основе патриархального) сообщества и его культуры. В этом видится основной функционально-прагматический модус рассмотренных текстов.

Ключевые слова: оппозиция «одиночество—неодиночество (единство)», межличностное, социокультурное, метафизическое одиночество, белорусский фольклор.

Ссылка для цитирования: Швед И.А. Фольклорная артикуляция различных оттенков одиночества в белорусской традиции // *Славяноведение*. 2025. № 4. С. 64–80. DOI: 10.31857/S0869544X25040054, EDN: UZWOKQ

Folklore Articulation of Different Shades of Loneliness in the Belarusian Tradition

© 2025. Inna A. Shved^{1,2}

¹Anhui University
(Hefei, People's Republic of China)

²Brest State A.S. Pushkin University
(Brest, The Republic of Belarus).

Shved_Inna@tut.by

The study was carried out within the framework of the research work “Narrative female discourse in the context of folklore tradition of Brestchina” (№ g/r 20211451) with the financial support of the Ministry of Education of the Republic of Belarus (Brest State A.S. Pushkin University).

Abstract. The article is devoted to semantic and pragmatic parameters of solitude articulation (as an element of the opposition «loneliness-unity») and related ideas and feelings in different kinds and genres of Belarusian folklore. Loneliness is considered in interpersonal, socio-cultural and metaphysical dimensions. The given material demonstrates that folklore texts describing these dimensions of loneliness differ in genre, thematically, by the set of plots and the scale of the described events (from everyday incidents, more serious family misfortunes and traditionally prescribed rituals of «transition» of one of the collective members to emergency situations of local character and even cataclysms of ecumenical scale). But all of them, painting the possible experience of loneliness in certain tones and modeling it as an unnatural, forced modus of human existence under certain conditions or in the course of events that arose independently of the will of the person (destiny), in one way or another serve not only as an interpretative prism, but also as a «moral regulator» and a way to objectify the value attitude, codify, present and argue for moral and ethical norms that are significant for the stability of the rural (basically patriarchal) community and its culture. In this we see the main functional and pragmatic modus of the texts under consideration.

Keywords: Belarusian folklore, opposition «loneliness—unity», interpersonal, socio-cultural, metaphysical loneliness.

For citation: Inna A. Shved. Folklore Articulation of Different Shades of Loneliness in the Belarusian Tradition // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2025. No. 4. P. 64—80. DOI: 10.31857/S0869544X25040054, EDN: UZWOKQ

Одиночество в различных контекстах, рассматриваемое сквозь призму тех либо иных методологических подходов, может быть обозначено как состояние, чувство, феномен самосознания, социально-культурное явление, концепт, идея-понятие и др. С ним связан целый комплекс проблем культурного, социального, гендерного, возрастного, медицинского и некоторых иных планов, и в текстах белорусской культуры эта тема широко представлена. Однако артикуляция одиночества и изоляции в видах и жанрах белорусского фольклора и выяснение особенностей ее семантико-прагматических параметров пока не стали предметом специального исследования. Если тема одиночества упоминается, то в связи с решением иных исследовательских задач¹.

¹ В частности, некоторые аспекты одиночества, главным образом обусловленного сиротством, вдовством (с доминантами обездоленности и отверженности, «а я ж нікому цяпер ні нада», — причитает вдова), уходом из родного дома самого человека либо всех его родственников, в белорусском фольклоре затрагивались в работах, посвященных похоронным причитаниям [Фядосік 2001, 310—311], необрядовой поэзии [Пазаабрадавая паэзія 2002], мифологии [Валодзіна 2011; Вуглік 2011] и др.).

Между тем различные виды и жанры белорусского фольклора, в частности, паремии, несказочная проза, семейно-обрядовый фольклор и особо эмоционально нагруженные формы необрядовой поэзии, духовные стихи и др., предоставляют богатый материал для исследования одиночества и изоляции. Такие фольклорные тексты в семиотическом плане могут интерпретироваться как своеобразный язык, иногда единственно легитимный, для артикуляции состояния одиночества и связанных с ним социально-психологических проблем (тоски, уныния, обездоленности, опустошенности, безысходности, страдания, страха и под.), а также как социосимволический медиум, способный переструктурировать этот негативный опыт.

Гипотетически можно предположить, что одиночество и сопутствующие ему чувства различно представлены не только в этнокультурах, но и в субкультурах, и в тех либо иных видах и жанрах одной и той же культуры, особенно при ее исследовании в диахроническом аспекте. Поэтому, чтобы избежать редукционизма, в статье предпринята попытка рассмотреть артикуляцию одиночества в определенных видах и жанрах фольклора одной этнокультуры – белорусской.

Объектом исследования послужили во-первых, вербальные тексты, зафиксированные автором и студентами БрГУ им. А.С. Пушкина в ходе полевой работы в Брестской области в 2000-е годы (абсолютное большинство исполнительниц – женщины старшего возраста, жительницы села), во-вторых, архивные и опубликованные белорусские фольклорные тексты (устная народная проза, песенный фольклор, малые формы) и другие виды устных высказываний (описания обрядов, толкования событий, оценочные суждения), этнографические описания локальных представлений и практик конца XX – начала XXI в. (исключение составляют малые жанры, фиксация которых могла производиться в более ранний период). Полевые исследования современного бытования белорусского фольклора, в частности, материалы Брестчины, показывают, что тексты, так либо иначе эксплицирующие проблематику одиночества, сохраняют актуальность по сей день.

Цель исследования состоит в определении семантико-прагматических параметров артикуляции стереотипных ситуаций одиночества (в широком понимании) и связанных с ним представлений и чувств в различных видах и жанрах белорусского фольклора. Исходя из эмпирического материала, одиночество эффективнее рассматривать как элемент оппозиции «одиночество–неодиночество (единство)». В текстах ряда фольклорных жанров на первый план выходит осмысление таких в некотором смысле коррелирующих с одиночеством и (само)изоляцией феноменов, как отшельничество, уединение, избранность, маргинальность, уникальность, единичность². «Отделенность-отдельность» в белорусской лингвокультуре включена в основные понятийные семы слова «одиночество», о чем будет сказано ниже. В статье также рассмотрены некоторые примеры, связанные с перечисленными идеями-понятиями.

Методы исследования. В полевом исследовании использовались методы включенного наблюдения и неформализованного интервью-беседы, реже интервью с использованием опросника по различным видам и жанрам белорусского фольклора; фиксация производилась с помощью аудио- и видеозаписи, а также рукописных записей в дневнике.

Анализ материалов производится, главным образом, с позиций структурно-функционального подхода, разработанного Б.К. Малиновским и

² Выражаю глубокую благодарность рецензенту за ценные советы и подробные замечания, включая данное.

А.Р. Рэдклифф-Брауном и направленного на раскрытие социокультурных функций явлений культуры и законов их развития, и прагматического подхода, позволяющего исследовать функционирование знаковых систем фольклора.

В методологическом плане важна идея тесной взаимосвязи социального и «мифопоэтического» — восприятие и интерпретация одиночества не только в известной степени обусловлены фольклорной традицией, она их в определенном смысле порождает. Такие фольклорные тексты (в семиотическом значении) могут быть рассмотрены, во-первых, как своеобразный язык (иногда единственно легитимный), посредством которого в реальной коммуникации актуализируются представления об одиночестве и связанные с ним чувства, эмоции; во-вторых, как модели, которые одновременно представляют социально-психологическую реальность, используются для конструирования этой реальности, а также эксплицитно или имплицитно содержат «коллективное знание» о факторах одиночества и стратегиях недопущения и преодоления его негативных проявлений.

Разнообразие и уникальность опыта одиночества, его смыслов и оттенков, т.е. своеобразный «оригинал» его «фольклорного моделирования», несмотря на известную стереотипность, формульность самого фольклора, делает эту модель многогранной и довольно сложно устроенной, одновременно «социальной» и «социализирующей». Различные аспекты переживания одиночества носителем традиции детерминируются, организуются, формализуются и в определенной коммуникативной ситуации предъявляются аудитории с помощью реализации соответствующей «фольклорной модели одиночества», причем жанрово специфичной. Каковы эти аспекты (или измерения, типы) одиночества? Чем обусловлено (не)одиночество существования фольклорных персонажей? «Общий взгляд» на интерпретацию и означивание одиночества в фольклоре позволяет говорить о том, что основными его факторами выступают «разрывы» и трансгрессии в трех основных видах взаимодействия: «человек — мир», «я — другой», «индивид — его социокультурная среда».

Опираясь на известную концепцию одиночества и его измерений, предложенную У.А. Садлером и Т.Б. Джонсоном [Садлер, Джонсон 1989], одиночество существования, обусловленное взаимодействием «человек — мир», можно квалифицировать как космическое или метафизическое, как отделенность человека от некой всеобъемлющей сущности — Бог, высший разум, природа, космос. Взаимодействие «я — другой» квалифицируется как межличностное, то есть переживание человеком отсутствия или недостатка духовной связи со значимой для него личностью, «индивид — его социокультурная среда» — как социокультурное. У.А. Садлер и Т.Б. Джонсон культурный и социальный аспекты одиночества считают разными измерениями: культурное одиночество — переживания человека, связанные с тем, что его ценности, идеалы, представления, сформировавшиеся в определенной культурной среде, не находят отклика и понимания у окружающих людей; социальное же одиночество связано с переживанием ограниченности контактов и общения. Однако для анализа фольклора, сложившегося в обществе традиционного типа с его «стандартным статусным набором», предписанностью социальных ролей соответственно определенной идентичности и растворенностью личностного в коллективном, подобное разделение нерелевантно. Ведь в таком обществе жизнь человека определенного статуса в идеале вписана в довольно жесткую социокультурную структуру и не отделена от многопоколенного рода, семьи, соседской общины. Члены малых групп объединены «общими фоновыми»

знаниями, ценностями и практиками, а также более-менее гармонично сосуществуют с природным окружением, по сей день в определенных аспектах сакрализируемым. Конечно, в живой среде, где важна репутация конкретного человека и его рода и не исключены трансгрессии, не все соответствует идеалу. Вообще о культурном измерении одиночества в крестьянской среде имеет смысл говорить только тогда, когда разрушается традиционный уклад жизни и его основа — патриархальность с соответствующими ценностями и социально-коммуникативно-поведенческими стратегиями, когда теряется былое уважение к старшим рода вместе с утратой ими материального и символического капитала и, соответственно, власти³.

Концептуализация одиночества в белорусской лингвокультуре

Прежде чем перейти к рассмотрению артикуляции различных оттенков одиночества в тех либо иных видах и жанрах белорусского традиционного фольклора, определим основные понятийные семы слова «одиночество» в белорусской лингвокультуре с особым вниманием к ее паремийному фонду, который в наиболее концентрированном виде представляет нормативные ситуации, описываемые семиотической оппозицией «одиночество—единство» и соответствующие социально-культурные установки, целеориентированные оценки и предписания.

По «Тлумачальнаму слоўніку беларускай літаратурнай мовы», одиночество⁴ — это «1. Отделенность в результате потери родных, близких и желание побыть отдельно от других. *Жыць на адзіноце*. 2. Безлюдность, сиротство. *Адзінотай веяла з палёў*. 3. Состояние одинокого человека, одиночество. *Пачуццё адзіноты*»⁵. То есть одиночество может быть как вынужденным, так и добровольным, как физическим, так и психоэмоциональным. При этом доминирует негативный внешний тип одиночества, причины которого — «отсутствие людей», причем не вообще людей, а подчеркнуто «близких по родству или духу», «отсутствие контактов», «отдельное проживание». В случае такого вынужденного одиночества это состояние обычно связано с отсутствием личных отношений со значимыми другими, непринадлежностью к сети определенных связей. Одиночество и сиротливость часто выступают синонимами, причем сиротой называется не только ребенок, но и взрослый человек, например, вдова и даже «солдатка». Вдова и сирота в определенном смысле воплощают одиночество, тоску, недолю⁶. Типичным для рассказов сирот можно назвать коду повествования уроженки д. Богдановка 1934 г.р.: «Нэяк нэ было добрэ, матэры нэ было змалку, а зарэ тожэ нэ вэльмы добрэ, сэды во...» (ФА; Лунинецкий р-н). Одиночество также может атрибутироваться окружающей среде, природным объектам, локусам.

³ Культурное одиночество может переживать, например, героиня жестокого романа, который в характерном ему стереотипно-формульном ключе моделирует своеобразный антимир, где молодое поколение не придерживается ценностей, идеалов, представлений, сформировавшихся в патриархальной культурной среде, а потому переживания его представителей не находят отклика и понимания у окружающих людей, в частности родителей [Швед 2023а].

⁴ Отметим, что «адзінота» — существительное женского рода, а не среднего, как в русском языке ТС 1999, 36.

⁶ Как справедливо подчеркивает С.Б. Адоньева, «переживание сиротства открывает возможность видеть смертную черту. Сиротская жизнь, жизнь в горе делает это зрение постоянной способностью» [Адоньева 2004, 227]. Горечь потери и следующего за ней одиночества выступает как предметом причетного высказывания, так и предикатом образов сироты и вдовы в различных жанрах прозаического и поэтического фольклора.

В белорусских *пословицах, поговорках и клишированных выражениях* ярко выражено положительное отношение к единству (в первую очередь в малых группах) и отрицательное — к одиночеству человека в любых его проявлениях. В связи со сказанным показательно определение коллектива («грамады») — как «вялікага чалавека», т.е. как *изначально* единого, цельного. Даже самый никчемный индивид среди людей становится человеком: «Прамеж людзей і ён чалавек»⁷.

Аксиологический постулат многочисленных белорусских пословиц и поговорок — с любыми затруднительными ситуациями как повседневной, бытовой, так и социальной жизни одному человеку справиться тяжелее, чем «дружна» («хаўрусна»), т.е. коллективом («гуртом», «грамадой»). Нередко вообще в одиночку это сделать невозможно: «Адзін у полі не воін», «Адзін дасуж, да не дуж», «Адзін дуб у полі — то не лес», «Адным калом плота не падапрэш», «Адна пчала мёду не наносіць», «Аднаму не разадрацца на колькі часці», «Адна галавешка не гарыць, а толькі тлее», «На адзін цвік усяго не павесіш», «Адно вока бачыць далёка, а два — яшчэ далей»⁸. Даже «по определению одинокая» смерть, если она происходит «на миру», согласно известной пословице, легче, чем в одиночестве.

В основе большинства паремий об отрицательных сторонах потенциально возможного одиночества и о ценности первичного единства группы, включенности в нее человека находятся пресуппозиции конкретных бытовых ситуаций, например сельскохозяйственные работы («Ёсць аб чым тужыць, як няма з кім жыта малаціць»⁹), потребление пищи («Адзін і ў кашы прападзеш»¹⁰), коротание времени в дороге («Аднаму дарожка торна, да дарожка не спорна»¹¹) и более примитивные: «Адным пальцам і штаны не падцягнеш», «Адным пальцам вузла не завяжаш»¹². Вместе с тем, чтобы избежать дискомфортного психоэмоционального состояния одиночества, белорусские паремии акцентируют важность личных отношений со значимыми другими, апеллируя к зоологическому коду: «І воўк дружыны кліча», «І птусі адной нудна»¹³. Единичны высказывания с романтическим модусом восприятия одиночества как миссии, для реализации которой, как и любого социально значимого поступка, необходимы единомышленники: «Адным сэрцам свету не запаліш»¹⁴.

В оценке одиночества паремиями факторы гендера и возраста нельзя назвать определяющими — одинаково отрицательно осмыслиется одиночество как мужчины, так и женщины. Например, об одиноким мужчине говорят: «Ні сена, ні аброку, ні бабы пры боку»¹⁵, а о вдове, впрочем, не без иронии, замечают: «Ляжэш ні клята, устанеш ні мнята»¹⁶. Вместе с тем единичность (единственность, уникальность) в языке традиционной культуры — не синоним одиночества и имеет собственную, зависимую от контекста, точку на аксиологической шкале. Так, единственный ребенок в семье оценивается однозначно негативно («У каго адзін — той нелюдзін»¹⁷), хотя в детских колядках, наоборот, часто подчеркивается, что исполнитель ритуала — единственный

⁷ Прыказкі і прымаўкі 1976, кн. 1, 368–369.

⁸ Там же, 373–374.

⁹ Там же, кн. 2, 38.

¹⁰ Там же, 37.

¹¹ Там же, 38.

¹² Там же, 37.

¹³ Там же, 38.

¹⁴ Там же, кн. 1, 374.

¹⁵ Там же, кн. 2, 39.

¹⁶ ТМКБ 4/2, 605.

¹⁷ Прыказкі і прымаўкі 1976, кн. 2, 39.

ребенок в семье, например: «Коля-Коля-Колядын, / Я ў батька одын. / Коротэнькы кожушок, / Вынэсь нам пяточок. / Нэ дасы пяточка – знэсу хату із вэршка» (ФА; Богдановка Лунинецкого р-на).

В пословицах, отнесенных составителями академического сборника БНТ в разряд «Семья и внутрисемейные отношения», позитивно осмыслиется пара (пусть даже «худая»): «Добра ойкаць і стагнаць, калі ёсць з кім загадаць»¹⁸, «Удваіх добра і жабраваць пайсці», «Хоць худое, да ўдвое»¹⁹. Таким образом, даже в ситуации выбора из двух зол рекомендуется ориентироваться на одиночество, ведь «Што два, то не адзін»²⁰.

В белорусских паремиях для акцентуации негатива одиночества (с семами 'отсутствие связи с другими', 'никчемность', 'отдельность') используются такие стереотипные образы, как ворота в поле, кол (в поле, у дороги, в плоту), куст на пасеке, месяц на небе, пень, тополь (былинка) среди поля, глаз во лбу, палец (перст), маков цвет, воробей, кукушка и под.²¹ Межжанровый символ одиночества – камень в окружении непроходимой стихии (моря или болота). И обобщая, одинокий человек – вообще не жилец, как горох у дороги: «хто ідзець, шчыпнец»²². Кстати, согласно народной Библии, Адаму было плохо и одному (вообще «сам чоловик – это ж нэ чоловік. Трэба до ёго даты жэншчыну»²³), и после создания «женской пары» и рождения детей. Поскольку жена и дети оставались дома, мужчине было психоэмоционально не комфортно, «скушно-скушно» одному работать в поле («На сьвеце адзін ён, адзін чалавек на сьвеце – Адам»), и Бог сделал Адама-земледельца «природно-космическим» не одиноким – из подброшенной вверх жмени земли полетели птички, которые скрасили его одиночество. «І вот стаў яму жаваранак, і яму стала весялей. Ён сеяў гэто жыто, і сталі так жыць, і гэто як былі ў іх дзеці і ўсё на сьвеці... І што дзе Адам ні рабіў, ён за ім ўсё лятаў во так павярху...»²⁴.

В proverbialных выражениях выделенность-«единственность» имеет позитивную оценку, только если подчеркиваются исключительные положительные качества человека, например: «Адзін, да ладзен»²⁵.

Вместе с декларируемой ценностью общности и «подталкиванием» к выбору единения, белорусским паремиологическим фондом из виду не упускается выделенность человека или его семьи как особого элемента сообщества. «Коллективная мысль» сообщества фиксирует если не диалектические противоречия, возникшие в нем самом, то различия между интересами общества и индивида (его нуклеарной семьи). В таких паремиях выделенность духовно-сознательной деятельности члена сообщества в связи с его утилитарными интересами скорее констатируется и если не приветствуется, то и крайне отрицательно не оценивается²⁶. Ряд таких паремий, как «Кожны живе па свайму закону», «Кажнаму свая бяда ў галаве»²⁷, «Кожны святы да сябе горне» (ФА; Плотница Столинского р-на) можно продолжить.

¹⁸ Там же, 37.

¹⁹ Там же, 39.

²⁰ Там же, 39.

²¹ Выслоўі, 1979, 280–281.

²² Прыказкі і прымаўкі 1976, кн. 2, 38.

²³ ТМКБ 4/2, 378.

²⁴ Там же 379–380.

²⁵ Прыказкі і прымаўкі, кн. 1, 39.

²⁶ В белорусском паремийном фонде, по замечанию Т.В. Володиной, отразились как коллективизм, гостеприимность, взаимопомощь белорусов, так и индивидуализм, обусловленный природно-историческими факторами, типом расселения малыми, отдаленными друг от друга группами [Валодзіна 2004, 29].

²⁷ Прыказкі і прымаўкі, кн. 1, 380, 377.

Одиночество в ритуально-магических и прогностических текстах

Страх перед одиночеством и стремление его избежать присутствуют в различных ритуально-магических и прогностических текстах, многие из которых зафиксированы нами в живом бытовании. Так, информацию, полученную при интерпретации прогностических примет (включая снотолкования), при исполнении мантических ритуалов для предсказания будущего с помощью потусторонних сил, как приуроченных к сакрально выделенным датам, так и окказиональных (в рамках семейных обрядов, хозяйственных занятий и др.), можно поместить в рамки семиотической оппозиции «единение — одиночество». В первую очередь это касается мантических текстов матримониальной направленности, совершаемых как девушками, так и парнями, а также объяснений вещих снов (производимых обычно старшими женщинами семьи или локального сообщества) и примет, связанных с родильной и свадебной обрядностью. Они направлены на выяснение различных аспектов (без)брачной жизни человека, причем интерпретационная модель фактов его одиночества или неодинокства (создание стабильной семьи) вписана в систему представлений о судьбе, предначертанности жизненного пути. Причем предопределенными считаются не только глобальные вехи этого пути, т.е. непосредственно «брак — безбрачие» (второе в обществе традиционного типа может соответствовать хроническому межличностному одиночеству) либо «долгая жизнь с супругом — вдовство (или развод)», но и аспекты, касающиеся возможного межличностного одиночества в браке. Например, гадая на святки, девушка стремится получить ответы на вопросы, как она будет чувствовать себя в семье мужа, т.е. как сложатся (и сложатся ли вообще) ее отношения с мужем, свекрами, кто будет иметь в семье первенство, а также кто из супругов раньше умрет, т.е. останется вдовым, одиноким.

В контексте самих переходных обрядов, в частности свадебного, не просто старались определить дальнейшую судьбу брачующихся, но и предотвратить возможные ее вывихи и обеспечить цельность, благополучие семьи. Например, не только судили (по неудавшемуся караваю, загоревшейся фате, погасшей или выпавшей из руки свече во время венчания и др.) о грядущем одиночестве кого-то из брачующихся в результате вдовства или развода [Швед 2016], но и старались не допустить таких фатальных промахов — на языке традиции «остерегались»: «Встэрэгалыся, бо еслі чы пугаснэ [свечка], дыхнэ чы шо там, то встэрэгалысь, шо ны будуть жыты, шось то кепсько, шось то кепсько вжэ». Между тем эта же жительница д. Большие Радваничи — известная на всю округу каравайница, рассказывая о целой серии случаев неудавшихся свадебных караваев, подчеркивает, что все они без исключения верно указывали на распад брака, бездетность, т.е. на предначертанное судьбой одиночество. Один из отрывков рассказа гласит: «Про каравай... от точно дае правду. Я мысыла о тут о у сісідствэ, в іх трое [детей] було. І в тых було добрэ, а в последнего тры разы робылы, всё ўпадав [каравай]. І зара він не жывэ з жінкэю. Жынылісь, з одного і с того сэла взяв, ну з того, в конці, і сын одён е. І послі з другою, і зара халастый» (ФА; Брестский р-н). Т.е. три раза перепеченный-повторенный и все равно с упавшим тестом каравай свидетельствовал о неудачных попытках-повторениях создать семью и финальном одиночестве мужчины, на свадьбу которого выпекался каравай. В связи со сказанным важны произведенные на болгарском материале наблюдения И.А. Седаковой, касающиеся связи второго, повторенного с «ущербностью, обездоленностью, болезнью, аномалиями,

загробным миром и демоническими свойствами. Оно служит метафорическим обозначением смерти и того, что за ней последует. Второе ассоциируется с сиротством и вдовством» [Седакова 2002, 222]. Причем признак «второй» предполагает трагическое развитие событий и связывается со смертью не только мужа (жены), но и родителей, т.е. с сиротством [Седакова 2002, 214]. Поскольку «любой повтор, по народным представлениям, нежелателен, а возвращение опасно» [Там же, 221], одиночество должно «не лечиться», а предупреждаться всеми возможными средствами, в том числе превентивной магией. Ее рефлекс-ы известны и в современной повседневной практике, например 18-летняя жительница Бреста говорит: «Когда два друга (две подружки) идут, и между ними будет стоять дерево или столб, и они обойдут его с разных сторон, обязательно нужно положить руку на плечо и сказать: “Привет на сто лет”» (ФА).

Такие ритуально-магические тексты как заговоры, заклинания, благопожелания, обрядовые песни (например, свадебные, крестильные, волочебные, колядные) служат магическим средством упреждения либо нейтрализации одиночества человека, обеспечения желаемой включенности в семейную группу и широкую социальную сеть, «салучэння ў вадно места»²⁸, т.е. реализации правильного жизненного сценария человека либо коррекции его (не)доли.

В рассматриваемом контексте показательны любовные и регулирующие общественные отношения заговоры, а также заговоры от необъяснимой тоски, «смутку па незнаёмай бядзе»²⁹. Они должны магическим путем обеспечить искомое неодинокое состояние адресата — того, в чью пользу совершается заговаривание, желаемые отношения между ним и окружающими людьми. При этом образцом желаемых теплых отношений видятся близкородственные связи. В результате заговора, который имплицитно или эксплицитно отсылает к «искусству нравиться» людям, его адресат будет для них «мілей іх атцоў і мацярэў», «іх жон і дзяцей», «усяго роду іх»³⁰. Материал заговоров, регулирующих общественные отношения, позволяет реконструировать своеобразный антиидеал положения человека в социальной сети. Расправа над врагом адресата заговора заключается не только в том, что сам адресат топчет супостата ногами, плюет на него, но подчеркивается, что злодей не должен *знаться с людьми*, а должен валяться в грязи, т.е. быть исключенным из нормальных социальных связей. Вся же «грамада» поддерживает адресата заговора, «паступает» за ним³¹.

Переживание отделенности от значимого другого (в любовных заговорах это объект страсти) и связанные с этим чувства обозначаются в белорусской традиции как «сухата», «туга», «ташната», «нуда», «пячаль», «смутак», «таска». Причем тоска в белорусских заговорах, как и в русских, по наблюдениям А.Л. Топоркова [Топорков 2005], персонализируется. Подобную ситуацию можно наблюдать и в песенном фольклоре, в частности его относительно поздних формах, например, частушках: «Ох, подруга дорогая, / Пырыдай мілёнчку, / На мынэ тоска напала, / Як роса на ёлочку» (ФА; Снитово Ивановского р-на). Интересно также отметить закликательные мотивы социально-бытовых песен, в которых герой-солдат, страдающий на чужбине от одиночества и оторванности от рода, жены, и завидующий односельчанам,

²⁸ Замовы, 381.

²⁹ Там же, 368.

³⁰ Там же, 384.

³¹ Там же, 386.

живущим в кругу семьи, в отчаянии обращается к своим горячим слезам: «Адкаціцесь ад мяне, / Я на чужой старане, / Прыкаціцесь к таму, / Хто з жаною ў даму»³². Согласно стихам из солдатских альбомов, тоска также может передаваться от одного человека другому, несмотря на расстояние, разделяющее близких людей, например: «...Знаць, в лучшей части света, / В родимой стороне / Тоскует мать / И это передается мне» (ФА; переписано из солдатского альбома жителя Бреста 1964 г.р.). В этом же альбоме записано стихотворение об одиночестве солдата: «...Что видит он? / Безлюдность, тишина, / Безлюдность, тишина, / Настороженность вышек...»

В любовных «присушках» моделируется желаемая для адресата ситуация полной изоляции объекта его страсти от привычного окружения и перехода во власть страждущего. То есть объект «присушивания» отделяется от значимых других, что равносильно тому, что он сходит «з вума з розуму», «ходит и нудит», перестает «другіх займаць», общаться с родными (например, говорится: «штоб не было мілей яму ні род, ні племень, ні ацц, ні маці», он не может «ні гуляць», «ні жыць, ні быць»³³). Объект заговаривания должен почувствовать себя максимально одиноким и неприкаянным, что может сравниться только с состоянием птицы без гнезда, новорожденного без матери или тела без души (таковы стереотипы глубокого одиночества, близкого к смерти). Это негативное чувство должно трансформироваться в непреодолимое желание «приникнуть», как мхи к черной грязи, к адресату заговора. Привязанность объекта страсти к страждущему должна быть такой, как мать любит свое дитя, птица свои яйца и птенцов, корова теленка, ослица осленка, как рубахи держится рубец, и т.д., желанный должен игнорировать всех и сидеть перед влюбленным, как птица сидит на гнезде, ходить за ним, как нога ступает за ногой, и тянуться так, как дитя тянется к материнской груди.

Таким образом, отделение индивида от группы, «напускание» на него кипучей, могучей, горючей тоски сопоставимо с его смертью, и в заговорах мы имеем дело с двумя типами одиночества: «жертвы» и «агрессора» (причем этот последний сам является жертвой страсти и глубоко одинок в отрыве от ее объекта). Попутно заметим, что по сей день актуально представление, что «присушки» не могут быть действенными долго, и поздно либо рано созданная магическим путем пара распадется. В связи со сказанным характерна запись из д. Вяз, согласно которой женщина приворожила мужчину, но как «ложится она с ним спать, то казалось, что начинается какая-то музыка... и получается, никакого сна, никакой семейной жизни... И вот она шла обратно к этому, чтобы обратно отколдовала». Отметим, что эта же женщина, рассказывая о своем роде, говорит, что после смерти жены-роженицы ее дед «затужився» и неметафорически «умер с тоски. Вот дети остались» (ФА; Вяз Пинского р-на).

Одиночество и сопутствующие состояния и чувства в мифологических рассказах

Не менее выразительно взаимосвязь *одиночества, тоски, страха, зла и смерти* представлена в мифологических рассказах о контакте живых с миром мертвых и демонами. Такие тексты, тесно спаянные с особенностями этнопсихологии, имеют мощный психокомпенсаторный заряд и должны помочь преодолеть стресс от потери близкого человека или проблем в отношениях, и восстановить разорванные связи со значимыми другими³⁴. Как

³² Сацыяльна-бытавыя песні 1987, 158.

³³ Замовы, 375, 370.

³⁴ Подробнее об этом см.: [Швед 2023с; 2021].

известно, уже во время похорон родные и близкие покойного предпринимали различные действия, чтобы преодолеть чувства покинутости, одиночества, тоски и страха. Эти практики и рассказы о них фиксируются повсеместно в различных регионах Беларуси, как и нарративы о возвращении мертвых к одному живому родственнику³⁵.

Многочисленные повествования, используя мифологическую интерпретативную схему «покойник может забрать на тот свет человека, нарушившего запрет на обрыв связи с живыми и дление ее с умершим», предостерегают живых, утративших близкого человека, от ухода из социальной сети отношений и развития тяжелой депрессии. Такие былички и бывальщины предписывают окружению тоскующего человека «понимающе-помогающие» поведенческие реакции и правила эмпатического общения с ним, утверждая, что именно сообщая можно предотвратить еще одну смерть от губительного «иновоздействия» на одинокого человека. Не зря подобные тексты содержат предписания не оставлять людей в таком состоянии одних, в пустом доме, особенно в темное время суток. И еще лучше, если с ним будет ночевать ребенок — «ангельская душа», вызывающая позитивные эмоции, требующая внимания и заботы, а это отвлекает от дурных мыслей. Жительницы Брестчины довоенных годов рождения рассказывали нам: когда они были детьми, одинокие овдовевшие односельчанки звали к себе ночевать. В одном из случаев ночевать к себе приглашала довольно молодая учительница, к которой якобы ходил умерший муж. Девочки нормально спали, а на утро спрашивали у женщины, приходил ли мертвец, и она, успокоившись, давала отрицательный ответ. Т.е. смерть родного человека образует пустоту в душе, а свято место, как известно, пусто не бывает³⁶, и эта пустота заполняется, как отметил А.К. Байбурин, тоской, неумеренность которой «притягивает покойника; вместе с покойником и в его обличье появляется страх» [Байбурин 2001, 112–113] (Страхами называют увиденных «возвращающихся» умерших.) Но когда образовавшуюся пустоту заполняют поддерживающие люди, и особенно дети-ангелы, страху, т.е. «возвращающемуся» мертвецу, нет места ни в душе, ни в доме.

Мифологические рассказы, как и тексты ряда других фольклорных видов и жанров — легенды, песенные формы фольклора, в частности, лирические песни, жестокие романсы, частушки («Меня мамочка родыла / В лісэ пуд осіною. / На роду вона сказала: / — Будэш сіротиною» (ФА; Снитово Ивановского р-на), также обыгрывают идею *предначертанности судьбы человека*. И часто это одиночество в различных его аспектах, начиная от отторжения любимым человеком (или родственниками), сиротства и вдовства и заканчивая исключением из человеческого сообщества (как живых, так и «мертвых рода», т.е. из группы «святых родителей»), разрывом связи с Божественным началом и воссоединением с сонмом демонов — именно об этом повествуют многочисленные *мифологические рассказы о самоубийстве*, к которому черти подталкивают брошенного родными и близкими человека. Такие тексты устрашают тем, что реализуют до конца путь человека от *одиночества* к

³⁵ О социорегулятивной функции быличек, тематически связанных с «возвращающимися» покойниками, см. [Виноградова 2006, 222–224].

³⁶ О возникновении и бытовании мифологических текстов на тему «хождения умершего к тоскующему живому» в связи с психологической защитой горящего по утрате значимого человека посредством ее отрицания и создания иллюзорного мира с помощью определенных культурных кодов, которые, с одной стороны, репрезентируют незавершенную работу горя, а с другой, предоставляют носителям традиции язык, на котором можно выразить свои переживания и быть понятым и поддержанным другими, см. [Швед 2023с].

смерти. О том, что человеку заранее уготован такой конец, также повествуют мифологические рассказы или легенды-былички (согласно терминологии Ю. Шеваренковой). Например, наделенный даром предвидения старец, коим оказывается сам Бог (или по его воле бабка-повитуха, отказавшаяся принимать роды), либо другие персонажи — видят через окно дома, где происходят роды, висельника. Когда родившийся ребенок вырастает, он вешается.

Согласно мифологическим текстам о суициде, обычно такой человек одинок сразу во всех трех измерениях — межличностном, социокультурном и метафизическом (т.е. не имеет связи с Богом). В таких нарративах часто реализуется следующая объяснительная модель: «Если одинокий в социокультурном и/или межличностном аспектах человек не апеллирует к Богу, или хотя бы не использует знаков причастности к христианскому культу, например, не носит крестик или не осеняет себя крестом, либо не произносит слов молитвы, не поминает Бога, он попадает под воздействие нечистой силы, что ведет к суициду».

Поддержка невинного человека со стороны божественных сил может образумить окружающих, и тогда отторжение сменяется выстраиванием новых отношений либо восстановлением разорванных связей [Швед 2022]. Пример — нарратив из Старой Рудни Жлобинского района: молодой мужчина, уходя на военную службу, не знал, что оставил беременной девушку и что у него родилась дочь, вернулся со службы с женой. Свекры не приняли эту невестку, повернули вспять свадебный ритуал, согласно которому молодая, приезжая в хату молодого, обживает ее, маркируя своими рушниками, скатертями, иконами, т.е. сняли развешенные невесткой предметы — это овеществление социальных связей. Невестку лишили элементарного общения и даже возможности питаться. В самый большой праздник Пасхи молодичу оставили дома одну, т.е. исключили ее из сети межличностных, социокультурных и метафизических связей. Свекровь развесила в доме *свои* постиранные тканые изделия и все, кроме отторженной, отправились на пасхальную службу в церковь. А покинутая всеми невестка, вернув в интерьер *свои* предметы, решила повеситься. Но у нее в руках был веник, которым она мела хату, и «Ангел-Храніцель вырваў веник — і ў гэту пятлю». Вернувшиеся из храма свекры и муж, поняв, какой трагедии удалось избежать, «*пэравярнуліся, і сьвякруха стала як дачку глядзець, і сьвёкар, патаму што гэта ж яны губілі душу. А Ангел спас*» [рассказчица 1921 г.р. плачет]³⁷.

Подобные тексты сказочной прозы (включая рассказы о конце света и его признаках) коррелируют с **биографическими нарративами** представителей старшего поколения, их часто неодобрительными высказываниями о сущностных изменениях социальной структуры и разрушении ценностной системы патриархальной традиции, семейных устоев, о таких общественных настроениях внутри сельского сообщества, как отчуждение и даже вражда кровных родственников и свойственников, внебрачное сожителство, измены, пьянство, оставление на произвол судьбы повзрослевшими детьми родителей, которым ничего больше не остается, как «добывать-доживать» («А молодёж уся пошла по городах тыпэр. Всі по городах пошлы тыпэр. Вжэ но старый добываемо...» (ФА; Спорово Березовского р-на). Уроженка (1940 г.р.) деревни Кокорица Дрогичинского района, переехавшая в 1970-е годы в Березовский район, говорит, сетуя на одиночество: «Більш я ныгдэ ны... я

³⁷ ТМКБ 5/2, 619–620.

ныкуды ны ходжу, бо всі чужыі, становяця някы врэдны, някі гадкы, протівны, нывэдомо якыі, шо ны скажы, [в ответ услышишь лишь]: “Я ны скажу ныць”. А шо скажы, то йдуть у хату, готовы быты. Я ныкуда ны ходжу» (ФА). Интересно, что в результате таких рассуждений о падении нравов даже женщины старшего поколения предпочитают, чтобы их внуки родили внебрачного ребенка. Так, уроженка д. Мочуль 1926 г.р., отвечая на вопрос о приданом невесты, говорит: «Яке ж цепэр прэданэ, а? Цепэр німа ніякого прыданого, ой. А цепэр нема добрых хозяінов, бо цепэр усі п’яніцы! [...] Ну за кого выйці? А як так выходзіць, як цепэр выходзяць, то я ей [внучке] кажу: “Лепшыі седзі, не йдзі вобшчэ замуж, о. Жыві сама. Хочэш, ужэ тэ дзіця хочэш, то, просціце, родзіл то дзіця от кого-небудзь, да выгодаваў, ды нехай той чоловік отчэпіцца! Хоць п’яніцы німа, о”. [...] То я, коб была молада, то нікагда цепэр замуж не пошла б. Мо нейкы хыба недзе з неба спусціўса, да пошла б» (ФА; Столинский р-н).

Связанные с социальными проблемами и коллективными страхами высказывания о разрушении традиционных норм морали, общественного порядка, о том, что оборвались межличностные и социокультурные связи, часто сопровождаются противопоставлением современности «доброму прошлому», когда человек был включен во всевозможные виды взаимодействий, культурен («...От культура! От хораша было! Каб тую жызню вярнуў цяпер, паказаў маладзёжы — хваціліся б за голаву!» (ФА; Мыслобож Ляховичского р-на), а не дик («По Пасхам, по большім прэзіднікам, собіралісь к друзям в гості [...] Пэршы день — к одному, на другі — к другому, і на трэці — к трэцему, о тако ходілі. А шчас шо? Шас бояты в хаты заходіць чего-то — дыкіе» (ФА; Нивы Березовского р-на). Такие оценочные высказывания вводятся в нарративы о признаках конца света, катаклизме вселенского масштаба, например: «Ну конец света ж, там кажуць, половіна Омэрыкі затоне. Будзе чоловік ідці, ды як хто побачыць, то будзе следам бегці за ім. Так казаў колісь мой дзед... Не будзе людзей, от одзін чоловік останецца нейкі, а другі побачыць след і будзе следам бегчы за ім, шукаць яго...» (ФА; Мочуль Столинского р-на). После него люди, которым посчастливится выжить, станут стремиться к сопричастности, единению с Богом и подобными себе и ценить это единение превыше всего.

Различные формы фольклора, в частности **обрядовая и необрядовая лирика, похоронные и свадебные причитания**, артикулируют идеи отчужденности, неприкаянности и одиночества обрядового персонажа либо лирического героя. В результате анализа экспликации одиночества и изоляции героя либо героини в обрядовых и необрядовых песнях установлено³⁸, что они не просто изображают одиночество, отторжение человека (например, девушки-невесты или лирической героини, покинутой любимым, молодой невестки в семье мужа, солдата, оторванного от дома, и др.), возможные межличностные и социальные противоречия, но и, драматизируя связанную с этим напряженность, данные песни, как и само их групповое исполнение, являются средством поддержания и укрепления чувства общности малой группы и состояния динамического равновесия между отношениями в семье и локальном сообществе. Жанровые сценарии традиционной необрядовой лирики белорусов мотивируют к предпочтению не свободного перемещения в рамках социальной пространственной мобильности и поверхностных множественных межличностных и социокультурных связей, а серьезной вовлеченности человека в малую (семейную, родовую, локальную) группу, ответственности за межличностные отношения в ней, созданию теплых чувств в «рефлексивном мире» значимого другого.

³⁸ Одиночеству в песенном фольклоре белорусов посвящены специальные работы автора статьи [Швед 2023a,b,d].

Все названные выше аспекты одиночества переживают персонажи **романсно-балладного жанра**, «затуманьвая сэрца і душу» друг другу, превращая любовь в «муку», разрывая и извращая всевозможные связи со значимыми другими, в первую очередь с родственниками. Со слезами на глазах женщины старшего поколения исполняют песни о том, как выросшие дети отрекаются от родителей, обрекая их на страшное одиночество [Швед 2023а]. В связи со сказанным отметим бытование заговоров на то, чтобы дети не покидали своих родителей. Один из текстов исполнительница так и назвала «Еслі дучка забула матэра»: «В річкі чорнэі вода, в воді жовтыі бэрэга, а в хате моеі пороги, ходылы б ноги дочки моеі до мэнэ, Божеі рабе (імя). Мэнэ б дочка уважала, стару маты ны забувала, як хвороба — нэ кыдала, як я про еі трывожылась: як кобыла трывожыцца по своему жэрэбчыку, овця по своему ягнетку, гобка по своему гнзедечку, а дочка моя по своему крылечку і по мні, Божеі рабі (імя). Амінь» (ФА; Яблочно Малоритского р-на).

Что касается осмысления *добровольной, не коннотированной в отрицательном ключе изоляции*, то об этом можно говорить только в отношении **духовных стихов**, где художественной интерпретации подвергаются христианские мотивы, образы и идеи, либо иных фольклорных текстов, возникших в результате взаимодействия устной и письменной традиций, светской и христианской культур, дискурса «народного православия». Например, не угнетены муками изоляции молящиеся, одиноко живущие в лесу или пустыне старцы и т.д. Понимается, что они метафизически не одиноки, а, добровольно уйдя из повседневной рутины, реализуют глобальные духовные цели общения с Богом посредством подвига стояния на молитве. Для духовных стихов важно понятие «отшельничество» — и это принципиальная особенность жанра. Лексема «*одинокій*» соотносится в них с понятием «пустой, пустынный, дикий, заброшенный, необитаемый», ср. «одинокая пустыня». Живя в «одинокой келии в широкой пустыне», совершает свой подвиг *молитвенного стояния (на камне)* преподобный Серафим: «Ад Серафімай абіцелі / Цягнецца стараўскі лес. / Келія там *адзінокая*, / В ней Серафім живе. / Знала пустыня *шырокая* / Подвіг як он совершал. / Там пры дарожке пад сосенкай / Камень цяжэлыі ляжаў. / Там ён начаі бессоннымі / Здесь на малітве стаяў...» (ФА; Знаменка Брестского р-на).

Песни, исполняемые в рамках похоронного обряда при ночном бдении при умершем, актуализируют идею одиночества человека перед лицом смерти и высших сакральных инстанций, рисуют печальные картины прощания одинокой души с телом, которая должна, покинув свой дом, родных и близких, навсегда расставшись с радостями мирской жизни и «земными» связями, отправиться в мир вечный и предстать перед Божьим судом. Причем одинокая душа умершего как бы противопоставляется живым, объединенным за поминальным столом. Мотив одиночества сквозит и в строках песнопений о том, что на индивидуальном суде каждую душу будут спрашивать о земных делах, и в первую очередь о ее прегрешениях. И только покаявшийся человек может стать метафизически неодиноким, воссоединившись с Богом и такими же покаявшимися и святыми в уготованном им пресветлом Царстве небесном.

Подведем итог. Фольклорные тексты, описывающие различные измерения одиночества (межличностного, социокультурного, метафизического), различаются жанрово, тематически, по набору сюжетов и масштабу описываемых событий. Семантической основой большинства из них выступает конфликт, связанный с реализацией определенного морального выбора, либо с изменением поведенческой стратегии, а также разрешение конфликта и предписание

поведенческого сценария, что так либо иначе соотносено с моральной оценкой героев и их поступков. «Первичное» единство малой группы, включенность индивида в ее социальную сеть, бытие среди «своих» (коими в первую очередь считаются члены семьи) и ощущение их поддержки — это искомая ценность, соответственно одиночество, непринадлежность, изоляция — это антиценность. Негативно осмысляются любые оттенки одиночества и, соответственно, преобладают отрицательные коннотации связанных с ним ситуаций, за исключением текстов, интерпретирующих христианские ценности и практики. Материалы различных фольклорных форм позволяют реконструировать «жанровые модели» факторов одиночества (неприятие человека его группой, потеря значимого другого, «разрыв поколений», аномия) и стратегии его предотвращения и преодоления — посредством предупреждения несведущих об опасности, утверждения таких морально-нравственных ценностей, как согласие, солидарность, принятие другого, сострадание, ответственность, совесть, чистота отношений, добро, взаимная любовь, семейные узы, уважение, взаимопомощь и под., а также посредством психокоррекционного и психотерапевтического воздействия фольклорных текстов на их «пользователей».

Представления об одиночестве оказываются тесно сопряжены с такими феноменами бытия, как семейные узы, благополучие (в том числе психоэмоциональное), любовь, коммуникация, власть, тоска, страх, смерть, с категориальными оппозициями «справедливость—несправедливость», «вина—невинность», «наказание—безнаказанность», «свой—чужой». Например, одинокой становится героиня жестоких романсов, противопоставившая себя традиционному патриархальному миру «правильной жизни», а значит, переходящая в разряд «своих чужих» либо вообще чужих и потому сопологаемая смерти.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ФА — Фольклорно-этнографический архив лаборатории «Фольклористика и краеведение» Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Выслоўі / гал. рэд. А.С. Фядосік. Мінск: Навука і тэхніка, 1979. 520 с. (БНТ).
 Замавы / гал. рэд. А.С. Фядосік. Мінск: Бел. навука, 2000. 597 с. (БНТ).
 Пазаабрадавая паэзія / гал. рэд. А.С. Фядосік. Мінск: Бел. навука, 2002. 564 с. (БНТ).
 Прыказкі і прымаўкі: у 2 кн. / гал. рэд. А.С. Фядосік. Мінск: Навука і тэхніка, 1976. Кн.1–2 (БНТ).
 Сацыяльна-бытавыя песні / гал. рэд. А.С. Фядосік. Мінск: Навука і тэхніка, 1987. 486 с. (БНТ)
 ТМКБ 4/2 — Традыцыйная мастацкая культура беларусаў: у 6 т. Т. 4: Брэсцкае Палессе. У 2 кн. Кн. 2 / ідэя і агул. рэд. Т.Б. Варфаламеевай. Мінск: Вышэйшая школа, 2009. 863 с.
 ТМКБ 5/2 — Традыцыйная мастацкая культура беларусаў: у 6 т. Т. 6: Гомельскае Палессе і Падняпроўе. У 2 кн. Кн. 2 / ідэя і агул. рэд. Т.Б. Варфаламеевай. Мінск: Вышэйшая школа, 2013. 1231 с.
 ТС — Глумацальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / рэд. М.П. Судніка, М.Н. Крыўко. Мінск: БелЭН, 1999. 784 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Адоньева С.Б. Прагматика фольклора. СПб.: Амфора, 2004. 312 с.
 Байбурин А.К. Тоска и страх в контексте похоронной обрядности (к ритуально-мифологическому подтексту одного сюжета) // Труды факультета этнологии: сб. ст. СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2001. Вып. 1. С. 96–116.
 Виноградова Л.Н. Социорегулятивная функция суеверных рассказов о нарушителях запретов и обычаев // Семантика и прагматика текста. М.: Индрик, 2006. С. 214–235.

- Валодзіна Т.В. Прыказкі як энцыклапедыя народнай мудрасці // Малыя жанры. Дзіцячы фальклор / навук. рэд. А. С. Фядосік. Мінск: Бел. навука, 2004. С. 19–31.
- Валодзіна Т. Удава // Міфалогія беларусаў: энцыкл. слоўн. / навук рэд. Т. Валодзіна, С. Санько. Мінск: Беларусь, 2011. С. 483.
- Вуглік І. Сірата // Міфалогія беларусаў: энцыкл. слоўн. / навук рэд. Т. Валодзіна, С. Санько. Мінск: Беларусь, 2011. С. 433.
- Садлер У.А. Что такое одиночество? // Садлер У.А., Джонсон Т.Б. Лабиринты одиночества. М.: Прогресс, 1989. С. 21–51.
- Седакова І.А. Семантика і сімволіка другога у болгар (с некаторымі славянскімі паралелямі) // Прызнаковае прастранства культуры / С.М. Толстая (отв. ред.). М.: Индрик, 2002. С. 209–224.
- Топорков А.Л. Сімволіка тела в русских заговорах XVII–XVIII вв. // Тело в русской культуре: сб. статей / сост. Г.И. Кабакова, Ф. Конт. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 131–146.
- Фядосік А.С. Адметнасці пахавальнай і памінальнай абраднасці беларусаў // Сямейна-абрадавая паэзія. Народны тэатр / навук. рэд. К.П. Кабашнікаў. Мінск: Бел. навука, 2001. С. 346–363.
- Швед І. Вячэнне як чынік беларускага традыцыйнага вясялля // Вучоныя запіскі Брэст. ун-та імя А.С. Пушкіна: зб. навук. прац: у 2 ч. Брэст: БрДзУ, 2016. Вып. 11, ч. 1: Гуманіт. і грамад. навукі. С. 126–145.
- Швед І. Прагматыка міфалагічных тэкстаў у беларускай фальклорнай традыцыі пачатку 2000-х гг. // Studia Białorusinistyczne. 2021. № 15. S. 109–133.
- Швед І. О социокультурной стратегии мифологических рассказов о суициде (по белорусским материалам начала XXI в.) // Кострома. Genus Loci / сост. и отв. ред. А.В. Зайцев. Кострома: КГУ, 2022. Вып. 5. С. 76–83.
- Швед І. Жестокий романс в социогуманитарном дискурсе Брестчины // Берковские чтения – 2023. Книжная культура в контексте международных контактов. Т. 2. Материалы VII Международной науч. конф. (Брест, 24–25 мая 2023 г.) / сост. Л.А. Авгуль, Н.В. Вдовина: в 2 т. М.: Наука. РАН, Минск: ЦНБ НАН Беларуси, 2023а. С. 434–440.
- Швед І. Одиночество в песенном фольклоре на матримониальную тематику (на материале Брестчины) // Культура и текст. 2023b, №1 (52). С. 170–182. URL: <https://journal-altspu.ru/> (дата обращения: 12.10.2023).
- Швед І. «Вона з гроба ны хотіла вставаты, аж у яму падала»: міфалогія незавершанай працы гора (на матэрыяле Берасцейшчыны) // Астрameчaўскі рукапіс. 2023c. № 4 (44). С. 24–31.
- Швед І. «Упав камень у воду, одбілся од роду»: адночэства і ізаляцыя в неабрадавой поэзіі фальклорнай традыцыі Брестчины // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта: Сер. 3. Філалогія, педагогіка, псіхалогія. 2023d. № 1. С. 5–12.

Рукопись поступила в редакцию 18.10.2023

Рукопись принята к печати 30.10.2024

REFERENCES

- Adon'jeva S.B. *Pragmatika fol'klora*. St. Petersburg, Amfora Publ., 2004, 312 p. (In Russ.)
- Baiburin A.K. Toska i strakh v kontekste pokhoronnoi obriadnosti (k ritual'no-mifologicheskemu podtekstu odnogo siuzheta). *Trudy fakul'teta etnologii*. St. Petersburg, Jevropeiskogo un-ta Publ., 2001, vyp. 1, pp. 96–116.
- Fiadosik A.S. Admetnasti pakhaval'naï i paminal'naï abradnasti belarusau. *Siameina-abradavaia paëziia. Narodny teatr*, navuk. red. K.P. Kabashnikaŭ. Minsk, Bel. Navuka Publ., 2001, pp. 346–363. (In Belarus.)
- Sadler U.A., Dzhonson T. B. Chto takoe odinochestvo? *Labirinty odinochestva*. Moscow, Progress Publ., 1989, pp. 21–51. (In Russ.)
- Sedakova I.A. Semantika i simvolika vtorogo u bolgar (s nekotorymi slavianskimi paralleliami). *Priznakovoje prostranstvo kul'tury*, S.M. Tolstaya (otv. red.). Moscow, Indrik Publ., 2002, pp. 209–224. (In Russ.)
- Shved I. Vianchanne iak chynnik belaruskaha tradytsynaha viasellia. *Vuchonyia zapiski Brësts. un-ta imia A.S. Pushkina*: zb. navuk. prats: u 2 ch. Brëst: BrDzU, 2016, vyp. 11, ch. 1: Humanit. i hramad. Navuki, pp. 126–145. (In Belarus.)
- Shved I. Prahmatyka mifalahichnykh tËkstaŭ u belaruskai fal'klornaï tradytsyi pachatku 2000-kh hh. *Studia Białorusinistyczne*, 2021, 15, pp. 109–133. (In Belarus.)
- Shved I. O sotsiokul'turnoi strategii mifologicheskikh rasskazov o suitside (po belorusskim materialam nachala XXI v.). *Kostroma. Genus Loci*, sost. i отв. ред. А.В. Zaitsev. Kostroma, KGU, 2022, vyp. 5, pp. 76–83. (In Russ.)

- Shved I. Zhestokii romans v sotsiugumanitarnom diskurse Brestchiny. *Berkovskije chteniia – 2023. Knizhnaia kul'tura v kontekste mezhdunarodnykh kontaktov*. T. 2. Materialy VII Mezhdunarodnoi nauch. konf. (Brest, 24–25 maia 2023 g.), sost. L.A. Avgul', N.V. Vdovina: v 2 t. Moscow, Nauka. RAN, Minsk, TsNB NAN Belarusi, 2023a, pp. 434–440. (In Russ.)
- Shved I. Odinochestvo v pesennom fol'klore na matrimonial'nuiu tematiku (na materiale Brestchiny). *Kul'tura i tekst*, 2023b, 1 (52), pp. 170–182. URL: <https://journal-altspu.ru/> (data obrashcheniia: 12.10.2023). (In Russ.)
- Shved I. «Vona z hroba ny khotila vstavaty, azh u iamu padala»: mifalohiia nezavershanai pratsy hora (na materyiale Berastseishchyny). *Astramechaŭski rukapis*, 2023c, no. 4 (44), pp. 24–31 (In Belarus.)
- Shved I. «Upav kamen' u vodu, odbilsia od rodu»: odinochestvo i izolyatsiya v neobryadovoy poezii fol'klornoy traditsii Brestchiny. *Vesnik Brěstskaha ŭniversiteta: Ser. 3. Filalohiia, pedahohika, psikhaliia*. 2023d, 1, pp. 5–12. (In Russ.)
- Toporkov A.L. Simvolika tela v russkikh zagovorakh XVII–XVIII vv. *Telo v russkoi kul'ture*: sb. Statei, sost. G.I. Kabakova, F. Kont. Moscow, Novoje literaturnoje obozreniye, 2005, pp. 131–146. (In Russ.)
- Valodzina T.V. Prykazki iak entsyklapedyia narodnai mudrasti. *Malyia zhanry. Dzitsiachy fal'klor*, navuk. red. A.S. Fiadosik. Minsk, Bel. Navuka Publ., 2004, pp. 19–31. (In Belarus.)
- Valodzina T. Udava. *Mifalohiia belarusai*: entsykl. sloŭn., navuk red. T. Valodzina, S. San'ko. Minsk, Belarus', 2011, p. 483. (In Belarus.)
- Vinogradova L.N. Sotsioregulativnaia funktsiia sujeverynykh rasskazov o narushiteliakh zapretov i obyčajev. *Semantika i pragmatika teksta*. Moscow, Indrik Publ, 2006, pp. 214–235. (In Russ.)
- Vuhlik I. Sirata. *Mifalohiia belarusai*: entsykl. sloŭn., navuk red. T. Valodzina, S. San'ko. Minsk, Belarus', 2011, p. 433. (In Belarus.)

Received on 18.10.2023

Accepted on 30.10.2024

Информация об авторе:**Швед Инна Анатольевна**

доктор филологических наук, профессор
директор Центра Изучения Беларуси
в Аньхойском университете
г. Хэфэй, КНР,
профессор кафедры немецкой филологии
и лингводидактики
Брестского государственного университета
им. А.С. Пушкина,
г. Брест, Республика Беларусь
ORCID: 0000-0002-9225-2031
E-mail: Shved_Inna@tut.by

Information about the author:**Inna A. Shved**

DSc. (Philology), Professor
Head of the Center for Belarusian Studies,
Anhui University,
Hefei City, PRC,
Professor of the Chair of German
Philology and Linguodidactics
A.S. Pushkin Brest State University,
Brest, Republic of Belarus
ORCID: 0000-0002-9225-2031
E-mail: Shved_Inna@tut.by

* * *

Славяноведение, 2025, № 4, с. 81–92

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2025, No. 4, pp. 81–92

DOI: 10.31857/S0869544X25040064, EDN: UZYMNS

Оригинальная статья / Original Article

«О себе не говорил!»: поздние свидетельства о Холокосте Михала Гловиньского

© 2025 г. И.Е. Адельгейм

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

adelgejm@yandex.ru

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ по проекту 24-28-00403 «Репрезентация и преодоление травматического опыта национального прошлого в литературах Центральной и Юго-Восточной Европы (последняя треть XX – начало XXI вв.)»

Аннотация. Статья посвящена автобиографической прозе крупнейшего польского литературоведа Михала Гловиньского, одного из представителей «поздних свидетельств» о Холокосте (1998–2016). Впервые об опыте жизни в варшавском гетто и на «арийской стороне» Гловиньский решился рассказать лишь спустя полвека молчания (1998). Рассматриваются причины, препятствовавшие необходимой для преодоления травмы систематической, последовательной ее вербализации в период ПНР (отсутствие безопасной среды), анализируются особенности повествования Гловиньского и их художественно-психологические предпосылки и задачи (в том числе характерные отличия текстов, знаменующих разные стадии работы над травмой). Исследуются фрагментарность наррации и ее связь со спецификой травмированной детской памяти, отделенной от момента артикуляции временной дистанцией. Кроме того, мозаичность повествования оказывается свидетельством ограниченной выразимости Холокоста и нарушенной им преемственности. Подчеркивается аутопсихотерапевтическая значимость реконструкции не только фактов, но и эмоций. Анализируются задачи введения метатекста как инструмента диалога с собой-ребенком, объединения биографии, обретения власти над ее смыслами. Автобиографическое повествование Гловиньского – реконструирующее и концептуализирующее события прошлого – направлено в конечном счете на интегрирование фрагментов текста жизни в единый текст судьбы. Проработка травмы при помощи автобиографического повествования позволяет также (терапевтически) трансформировать смысл трагедии.

Ключевые слова: дети Холокоста, вербализация травмы, травматическое письмо, травматические воспоминания, фрагментарность, метатекст.

Ссылка для цитирования: Адельгейм И.Е. «О себе не говорил!»: поздние свидетельства о Холокосте Михала Гловиньского // *Славяноведение*. 2025. № 4. С. 81–92. DOI: 10.31857/S0869544X25040064, EDN: UZYMNS

«I Wasn't Speaking About Myself!»: Michał Głowiński's Late Holocaust Survivor's Testimony

© 2025. Irina Ye. Adelgeim

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

adelgejm@yandex.ru

The study was carried out with the support of grant from the Russian Scientific Foundation, the project 24-28-00403 «The Representation and Overcoming of the Traumatic Experience of the National Past in the Literatures of Central and Southeastern Europe (the last third of the 20th – the beginning of the 21st centuries)

Abstract. The article is devoted to the autobiographical prose of Michał Głowiński, a major Polish literary scholar and one of the representatives of the «late» Holocaust survivors' testimonies (1998–2016). For the first time, Głowiński decided to tell about his experience of life in the Warsaw ghetto and on the «aryan side» only after half a century of silence. The reasons that prevented the systematic, consistent verbalization of the trauma (necessary to overcome it) during the socialist period are examined (lack of a safe environment); the peculiarities of Głowiński's narrative and their artistic and psychological prerequisites and tasks are analyzed (including the distinctive differences between texts marking different stages of trauma work). The fragmentary nature of the narration and its connection with the specificity of traumatized childhood memory, separated from the moment of articulation by a temporal distance, are investigated. The mosaicism of the narrative is shown to be evidence of the limited expressiveness of the Holocaust and the continuity it disrupted as well. The autopsychotherapeutic significance of reconstructing not only facts but also emotions is emphasized. The tasks of introducing metatext as an instrument of dialogue with the self-child, unifying biography, and gaining power over its meanings are analyzed. Głowiński's autobiographical narrative (reconstructing and conceptualizing events of the past) is ultimately aimed at integrating fragments of the text of life into a single text of fate. Processing trauma through autobiographical narrative also allows (therapeutically) transforming the meaning of tragedy.

Keywords: Holocaust children, trauma verbalization, traumatic writing, traumatic memories, fragmentation, metatext.

For citation: Irina Ye. Adelgeim. «I Wasn't Speaking About Myself!»: Michał Głowiński's Late Holocaust Survivor's Testimony // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2025. № 4. P. 81–92. DOI: 10.31857/S0869544X25040064, EDN: UZYMNS

Начатый «Черными временами» (1998) ряд автобиографических текстов Михала Гловиньского (1934–2023), связанных с опытом Холокоста, относится к так называемым поздним свидетельствам. Лишь спустя полвека молчания крупнейший польский литературовед, представитель польской школы теории литературной коммуникации, автор множества ставших классическими трудов, решился рассказать о своем пребывании в варшавском гетто, а затем в укрытиях на «арийской стороне».

Травматическая память – «особый блок долговременной автобиографической памяти» [Фаустова 2024, 195]. Травматическое воспоминание оказывается «разломом в психике, болезненным стержнем, препятствующим гармонии (с собой и миром), обретению внутренней цельности и внутреннего

равновесия» [Bojarska 2012, 271]. Оно «не становится элементом обычной мнестической системы» (цит. по: [Łysak 2010, 20]) и носит, по сути, вневременной характер, не превращаясь автоматически «в локализованное во времени повествование, обладающее началом, серединой и концом» [Kolk, Hart 2015, 170]. Именно поэтому так важна для реабилитации возможность систематической, последовательной вербализации травматического опыта [Pennebaker 2000]. Артикуляция травмы ослабляет ее последствия [LaCapra 2009, 502], поскольку способствует переходу от неконтролируемого «оживания» травматических событий к их рефлексивной проработке и осознанию дистанции между прошлым и настоящим [LaCapra 2015, 86]. В процессе нарративизации память о травме обретает стабилизирующую ее форму [Assmann 2013, 42]: структурированное воспроизведение воспоминаний позволяет языку рефлексии одержать верх над первоначальным неконтролируемым «языком повторов» [Gilmore 2015, 367]. Если же «требование секретности оказывается сильнее, [...] история о травмирующем событии всплывает на поверхность не как выраженный словами нарратив, а как симптом» [Герман 2024, 20]. В этом случае травма неизбежно будет возвращаться в виде продолжающих разрушать психику и жизнь навязчивых «вспышек» памяти, диссоциативной амнезии, различных аберраций восприятия, кошмаров и пр.

«Я был уверен, что пишу в ящик стола [...]. [...] я отдавал себе отчет, что на протяжении многих лет даже в той среде интеллектуальной элиты, в которой я вращался, все это оказалось бы для большинства не очень понятно, поскольку о Холокосте почти не говорили. А если и говорили, то скорее в общих словах [...]. Я боялся неприятия, непонимания»¹, — вспоминал Гловиński в 2006 г.

«Делиться травматическим опытом с другими — начальное и обязательное условие для возвращения ощущения осмысленности мира. В этом процессе выжившие ищут помощи не только у ближайшего окружения, но и у более широкого сообщества. Реакция общества оказывает мощное влияние на итоговые последствия травмы» [Герман 2024, 150], — утверждает американская исследовательница травмы, психиатр Дж. Герман. По словам Б. Цирюльника — французского нейропсихолога и психотерапевта еврейского происхождения, пережившего Холокост, — психологическое состояние выживших «зависело от дискурса окружающего жертву социума» [Cyrułnik 2014, 170], т.е. от иерархии ценностей в обществе, от позиции большинства, от возможности вербализации травмы не только в узком кругу, возможности сохранять национальные традиции и преемственность.

Другими словами, для артикуляции и реконструкции травмы, лежащих в основе процесса восстановления, необходима «безопасная среда» [Герман 2024, 24], которой как раз и были лишены в ПНР уцелевшие евреи. «Великое молчание» последних [Matuszewski 1998, 207] объяснялось не столько защитной реакцией на травму, т.е. потребностью в диссоциации, дистанцировании от воспоминаний, сколько факторами, связанными с социологией, макропсихологией, государственной политикой, заставившими выжившее меньшинство вновь испытывать страх или стыд и продолжать скрывать свое происхождение. Это повседневное молчание стало (противо)естественным продолжением молчания времен Холокоста, когда маленький еврейский мальчик твердо знал: «...нельзя говорить ни о чем, что случилось в моей жизни прежде»².

¹ Rozmowa 2006, 25–26.

² Rozmowa 2010, 121.

В результате память о Холокосте оказывалась травмирующей двойко, массовая травма парадоксальным образом переживалась как индивидуальная, что, вместе с невозможностью вербализации, еще более нарушало связи с социумом и усугубляло страдания. По словам Гловиньского, потребность воплотить свой опыт в слове он испытывал с юности, однако его сдерживал страх³, значительно усилившийся после антисемитской кампании 1968 г.: «Этот страх, вне всяких сомнений, был подкреплен 1968 годом. Лично я никак не пострадал. Я не вращался в еврейских кругах, никогда не состоял в партии, никогда не занимался политикой. Подумаешь — скромный литературовед из Института литературных исследований... Тем не менее события марта 1968 года я воспринял как нечто чудовищное»⁴.

Интерес к автобиографиям и воспоминаниям переживших Холокост возник в Польше еще в 1980-е годы, а сама тема Холокоста, хоть и с умолчаниями и аберрациями, постепенно выявляемыми и с трудом преодолеваемыми лишь в последние десятилетия (подробнее см.: [Адельгейм 2021]), в польской литературе так или иначе присутствовала. Однако лишь ощущение свободы, наступившее после 1989 г. (а также возникновение различных инициатив, например, создание в 1991 г. Общества детей Холокоста) породило чувство относительной безопасности и позволило «выйти из подвала»⁵ и обрести голос. Начали издаваться свидетельства «детей Холокоста»: «Зима утром» Янины Бауман (1989), «Счастливцев» Адама Сикоры (1994), «Олух царя небесного» Вильгельма Дихтера (1996), «Девочка из списка Шиндлера» Стеллы Мадей-Мюллер (1998), «Девочка в красном пальтишке» Ромы Лигоцкой (2001), «Я была тогда ребенком» Илоны Флютштейн-Груды (2004), «Сухие слезы» Нехамы Тец (2005), «Выжить... И что дальше?» Марии Орвид (2006), «Никогда не забывай лгать!» Фелиции Брин (2006) и др. В 2000-е годы появились — также поздние — свидетельства второго поколения (проза Эвы Курылюк, Агаты Тушиньской, Божены Кефф, Магдалены Тулли и др.), детей Выживших, чье детство оказалось омрачено не пережитым ими прошлым (подробнее см.: [Адельгейм 2018, 98–103, 322–447]).

«Думаю, что если бы ПНР продолжил свое существование, я бы эту книгу все равно написал. Но печатать бы не стал. И не из-за цензуры — эти тексты в конце восьмидесятых были уже вполне проходными. Причина другая. У меня не было ощущения свободы»⁶, — анализировал ситуацию и свое самоощущение Гловиньский. Утверждая, что является «бенефициаром перемен»⁷ в пост-социалистической Польше, он тем не менее признавался, что и в 1998 г. публикация воспоминаний потребовала преодоления в себе страха⁸. В последующие полтора десятилетия Гловиньский издал еще несколько текстов разной степени художественности, свидетельствующих о потребности в вербализации опыта Холокоста: «Ржаной хлеб и утраченное время» (2001), «История одного тополя и другие рассказы» (2003), «Мост через время. Картинки из местечка» (2006), «Круги чуждости. Автобиографическая повесть» (2010), частично «Царская чашка. Шестнадцать рассказов» (2016).

Первая книга автобиографического цикла Гловиньского — «Черные времена» — представляет собой цикл небольших текстов, обозначающих вехи судьбы

³ Polskie.

⁴ Zapisywanie, 14.

⁵ Głowiński 1998, 17.

⁶ Zapisywanie, 15.

⁷ Jestem, 12.

⁸ Zapisywanie, 15.

и важнейшие краски психологического и психического состояния ребенка, «приговоренного к уничтожению» и на протяжении нескольких лет ощущавшего себя «загнанным зверем»⁹. Прерывистость, неоднородность, «мозаичность» [Sokołowska 2010, 303] наррации характерны для большинства подобных произведений: по словам самого Гловиньского, «в сущности, нет такого повествования о Холокосте, которое не являлось бы набором фрагментов»¹⁰. Это отличительная черта «травматического письма» [Szczepan 2012, 228], осознанно и неосознанно стремящегося при помощи отрывочности, нарушений хронологии, повторов, использования настоящего времени и коротких предложений воплотить особенности травматических воспоминаний, которые, в отличие от обычных, не сохраняются в виде «вербального, линейного нарратива, встроенного в непрерывно разворачивающуюся жизненную историю» [Герман 2024, 87].

Это подтверждает и рефлексия самого автора, характеризующего «Черные времена» как «вспышки памяти, не способной охватить целое»: «...в моей памяти от того убитого мира остались лишь фрагменты, обрезки, осколки»¹¹. Метафорическое определение Гловиньского практически совпадает с понятиями, предлагаемыми психологами и психиатрами — «вспышка камеры» (цит. по: [Грачева 2019]) и «горячие точки» (цит. по: [Фаустова 2024, 201]).

Называя эти «осколки, крохи событий» [Matuszewski 1998, 207] «осколками в буквальном смысле (курсив мой. — И.А.), ранищими человеческую психику и не позволяющими о себе забыть», К.К. Пилихевич обращает внимание на то, что оставленные ими «шрамы» [Pilichiewicz 2021, 180] заметны также в тех текстах Гловиньского, которые описывают *послевоенные* сны-кошмары с их навязчивыми мотивами блуждания, бегства, ловушки, ужаса («Видения и фигуры. Заметки 1977—1977», 1998; «Прерванные сюжеты. Заметки 1998—2007», 2008). Другим последствием травмы стала клаустрофобия¹². В «Истории одного тополя...» Гловиньский рассказывает, как будучи школьником, пережил ужас в ситуации, когда товарищи в шутку попытались запереть его в старом вагоне: «... в мгновение ока во мне воскресли прежние переживания [...]. [...] я отлично помнил эти заплombированные вагоны, направлявшиеся прямоком в смерть, я отдавал себе отчет, что не попал в один из них только благодаря небывалому стечению обстоятельств, которое спустя годы без преувеличения следует назвать подлинным чудом. Этот образ вспыхнул во мне — не только, впрочем, в своей отсылающей к Треблинке “вагонной” версии. Я был не в силах заключить в скобки забвения многочисленные замкнутые пространства, в которых мне довелось скрываться. Подвал, картофельная яма, узкое пространство за шкафом [...] — все это внезапно пронеслось через мое сознание»¹³.

Запечатлеваемые автором «кадры» связаны со значимыми для детской памяти впечатлениями. Это сценки, происшествия (в том числе случайности, которые могли обернуться спасением или гибелью), фигуры, предметы, звуки, цвета (прежде всего следует отметить важнейший лейтмотив

⁹ Głowiński 1998, 28, 113.

¹⁰ Pisanie, 154.

¹¹ Głowiński 1998, 9, 26.

¹² Знаменательно, что Гловиньский надеялся излечиться от нее, на протяжении двадцати пяти лет работая над текстом «Лабиринт, пространство чуждости» (1990): «...я надеялся, что интерпретируя истории, связанные с блужданием по паутине дорог, возьму под контроль клаустрофобию или, во всяком случае, ограничу ее, обращение к этой теме имело для меня терапевтическое измерение» (Głowiński 2010, 486).

¹³ Głowiński 2003, 212.

повествования — попытки определить «неповторимый»¹⁴ цвет гетто), свет, тактильные ощущения, слова («словарь гетто»¹⁵). Они неразрывно связаны с эмоциональной жизнью травмированного ребенка (страхом, надеждой, отчаянием, моментами иллюзорного покоя, инстинктивной волей к жизни, специфической апатией), «мощными активаторами» [Герман 2024, 101] которой нередко служат травмирующие события. Т.е. в своем первом тексте, реконструирующем травму, Гловиньский стремится воспроизвести не только факты, но и эмоции, необходимость чего подчеркивает психиатр: «Изложение голых фактов без сопровождающих их эмоций — стерильное упражнение, не дающее терапевтического эффекта» [Там же, 355].

Фрагментарность текста Гловиньского (М. Кравель говорит о «цитатах, извлеченных из целостной картины войны» [Krawiel 2017, 210]) воплощает тройную аберрацию памяти: детской, травмированной (которую роднит с детской «преобладание образов и телесных ощущений»: при травме «лингвистическое кодирование памяти неактивно, и центральная нервная система вновь прибегает к сенсорным и образным формам памяти, преобладающим в начале жизни» [Герман 2024, 89–90]), наконец, памяти, отделенной от момента артикуляции огромной временной дистанцией и накопленным багажом знаний. Гловиньский «дает [...] понять, что старается быть честным по отношению к прошлому, которое помнит урывками» [Кгура 2013, 283], словно бы отсылая к словам В. Беньямина, что единственная честная повествовательная стратегия при разговоре о прошлом — это *цитаты* из него: «...артикулировать минувшее не значит познать его таким, “каким оно было на самом деле”. Задача в том, чтобы овладеть воспоминанием, как оно вспыхивает в момент опасности» [Беньямин 2000, 85]. Кроме того, это свидетельство невыразимости / ограниченной выразимости Холокоста [Tomczok 2015, 77; Wolski 2015, 65; Głowiński 2002, 206] и нарушенной им преемственности [Krawczyńska 2005, 71] на всех уровнях бытия (по мнению самого Гловиньского, целостные нарративные формы «больше подходят для разговора о том, что длится, чем о том, что прервано» [Kukiewicz 2003]).

Реконструируя сознание ребенка, переживающего Холокост, вынужденно осознающего свою инаковость, осваивающего искусство мимикрии, слишком рано взрослеющего, но сохраняющего отдельные приметы возраста, Гловиньский настолько насыщает повествование метатекстом, что Я. Валигура именует последний «повествовательным фильтром, который отдаляет, тормозит и замедляет повествование» [Waligóra 2009, 159]. Однако этот прием имеет свои причины и служит определенным задачам.

Во-первых, метатекст у Гловиньского в своей традиционной функции (рефлексия повествователя относительно самого повествования и его связи с внетекстовой реальностью) дает читателю необходимую для более точного восприятия текста информацию. Это прежде всего опосредованное объяснение причин полувекового молчания («...пребывание в подвале продолжается для меня по сей день...»¹⁶) и авторской стратегии относительно взаимодействия еще не артикулированной личной памяти и памяти, уже ставшей достоянием коллективного сознания («Я пишу о том, что запомнил, а если в чем-то не уверен, открыто об этом говорю»; «В некоторых случаях я не могу отделить то, что запомнил о гетто, будучи ребенком, от того, что позже услышал и прочел»;

¹⁴ Głowiński 1998, 10.

¹⁵ Ibid., 34.

¹⁶ Głowiński 1998, 17.

«Ограничиваясь тем, что пережито на собственной шкуре [...], я хотел бы надеяться, что не повторяю¹⁷ того, что уже было сказано, [...] хотя одновременно надеюсь также, что не лишаю эти записи некоторых обобщающих смыслов»¹⁸). При помощи метатекста Гловиński оговаривает также введение в текст мотивов, хорошо известных ему как литературоведу. Ярким примером является здесь сцена игры в шахматы с шантажистом, требующим с укрывающихся «на арийской стороне» евреев деньги за молчание: «Я много раз рассказывал эту историю разным людям и давно хотел запечатлеть ее на бумаге как свидетельство тех времен, но меня постоянно что-то удерживало [...]. [...] я боялся невольно подчинить этот аутентичный рассказ определенной модели, поскольку существует давний топос [...] игры человека со смертью»¹⁹.

Но прежде всего метатекстуальные комментарии неразрывно связаны с аутопсихотерапевтической сверхзадачей повествования, объектом которого являются личная память и личная рефлексия о ней. Наррация постоянно колеблется между «вспышками памяти» и их анализом, реконструкция детской оптики то и дело перебивается взрослым осмыслением. Взрослый комментирует традиционные моменты инициации, совершающиеся в контексте исключительных обстоятельств, естественный процесс взросления в утратившей нормальность реальности, делает выводы относительно формирования мировоззрения и мировосприятия ребенка под воздействием тех или иных событий: «Я уже хорошо знал, в чем тут дело, чего мы хотим избежать...»; «Я не отдавал себе отчет, что это путешествие станет для нас последним...»; «Нравственная рефлексия ребенка, которому не исполнилось и восьми лет, не в состоянии...»; «Мне исполнилось восемь лет и я осознавал положение, в котором нахожусь. Страх [...] не только быстро отучает от детских фантазий и мечтаний, но и не позволяет сформироваться детским интересам»²⁰. В других случаях взрослый, напротив, обрывает себя, давая голос ребенку: «Но это, конечно, мои сегодняшние рассуждения, а тогда — в тот солнечный день — я не раздумывал о том, как...»²¹.

Утратившая нормальность реальность, запечатленная глазами ребенка, описана словами выросшего из него взрослого, детское восприятие пропущено через фильтр взрослой рефлексии. При помощи метатекстуальных комментариев взрослый повествователь прибавляет свое взрослое знание к детскому, осмысливая личную травму также как историческую. Литературный текст представляет собой попытку связать воедино текст жизни, ощущение целостности которого нарушено травматическим опытом войны и необходимостью его замалчивания после. Использование диалога с собой-ребенком²² (каковым, в сущности,

¹⁷ Повествование естественным образом включает в себя ряд общих для детских свидетельств мотивов [Kowalska-Leder 2009, 219], что вызвало ревнивую критику классика литературы Холокоста Хенрика Гринберга [Grynberg 2002], очевидно, не понявшего сверхзадачи текста Гловиńskiego. Этот психологический в своей основе сюжет литературной жизни удалось очень точно выразить крупнейшему польскому специалисту по пространству и текстам Холокоста Я. Леоцяку: «... два еврейских мальчика, чудом уцелевших во время Холокоста. Один пишет об этом уже почти сорок лет, это Стражник Памяти, целиком и полностью преданный миссии сохранения голосов тех, кто был обращен в пепел. В этом заключается смысл его жизни. Другой мальчик отказался свидетельствовать после полувека молчания. И вот первый укоряет второго за то, что тот якобы присвоил себе некие переживания или фразы» [Leociak 2002, 66].

¹⁸ Głowiński 1998, 9, 21.

¹⁹ Ibid., 60.

²⁰ Ibid., 16, 19, 44, 61.

²¹ Ibid., 117.

²² В первую очередь, а не с читателем, как полагает Я. Валигура, «досадая», что «риторика метаповествования и избыточного комментирования» препятствует «установлению более крепкого, аутентичного контакта с читателем» [Waligóra 2009, 164].

является повествование Гловиньского) позволяет перекинуть мостик между травматическим прошлым и безопасным настоящим, способствует восстановлению контроля над смыслами собственной биографии: это начало возвращения к себе, обретения всей полноты себя.

Следующие тексты — «Ржаной хлеб и утраченное время», «История одного тополя и другие рассказы», «Мост через время. Картинки из местечка», также использующие фрагментарность повествования, включают, однако, в себя долю художественного вымысла и отличаются большей степенью художественной (в том числе конструктивной) свободы. Гловиньский возвращается к детским воспоминаниям, продолжает уточнять и дополнять их (мучимый ощущением, что он «не в силах охватить» пространство гетто в силу его «иррациональности»²³). Знаменательно, что в этих последующих текстах автор обращается не только к опыту войны, но и к довоенному и послевоенному периодам. С одной стороны, рассказ о жизни «до» и «после» является необходимой частью процесса реконструирования травмы [Герман 2024, 353]: это способ восстановления ощущения непрерывности временного потока и художественной концептуализации исторической катастрофы (говорящее название последней из перечисленных книг, а также аллюзия ее на «Картинки с выставки»: текст становится — по аналогии с музыкальной эпитафией М. Мусоргского — эпитафией литературной²⁴). С другой, Гловиньский продолжает таким образом процесс восполнения утраченных во время Холокоста связей между поколениями (в том числе при помощи использования многоголосия и элементов не столько вымысла, сколько «потенциально возможной действительности»²⁵). Автор-повествователь встраивает себя в семью и род, а их — в свое сознание: происходит символическое восстановление и воссоединение ветвей генеалогического древа. Это также имеет огромное аутопсихотерапевтическое значение, поскольку, по утверждению Л. Лангера, именно разрыв родственных связей явился одним из важнейших в смысле своих отдаленных последствий «преступлений, совершенных гитлеровской Германией по отношению к своим жертвам» [Langer 2004, 127].

Наконец, в 2010 г. выходят «Круги чуждости. Автобиографическая повесть» (2010) — текст, в котором Гловиньский решает представить *полную* свою биографию, раскрыв и другие, более личные темы, связанные со страхом, стыдом и ощущением инаковости (которое «в определенном смысле сохранилось на всю жизнь»²⁶) — темы, также десятилетиями замалчивавшиеся автором (и продолженные затем в «Царской чашке...», которая включает в себя еще и аутопсихотерапевтическое осмысление опыта старости). Знаменательно, что это повествование уже не отличается фрагментарностью и содержит меньшее количество метатекста. Это детальное описание с датами, фамилиями, топонимами — та самая история жизни, в которую посредством предшествующих текстов автору удалось интегрировать историю травмы.

Автобиографическая память, в своем стремлении к воспроизведению событий прошлого неизменно реконструирующая и концептуализирующая их, направлена в конечном счете на интегрирование звеньев цепи в единый связный процесс (судьбу). Работа с ней дает человеку возможность не только самопознания, но и трансформации себя: «В создании автобиографии заключено чудо

²³ Zapisywanie, 14.

²⁴ Подробнее см.: Rozmowa.

²⁵ Там же.

²⁶ Głowiński 2010, 75.

воссоздания себя заново...» [Нуркова 2000, 17]. Проработка травмы при помощи автобиографического повествования позволяет также трансформировать смысл трагедии, достичь «баланса между травматическими и поддерживающими позитивными содержаниями [...] памяти» [Там же, 23]: «Быть ребенком, выжившим во время Холокоста, — определенный жизненный капитал, который в моем случае определяет ряд позиций и влияет на мировосприятие и мировоззрение, — утверждает Гловиньский. — [...] я считаю, что получил жизнь в дар [...]. Ведь я должен был погибнуть, подобно трем миллионам польских евреев. [...] из этой травмы проистекает также и восхищение жизнью, поскольку в данном случае жизнь есть привилегия, плод усилий многих людей, которые, спасая эту мою жизнь, трудились, рисковали...»²⁷. Будучи «высшей психической функцией», автобиографическая память не только «задает временную организацию самосознания» человека, но и «является фактором самодетерминации личности» [Фаустова 2024, 196].

Автобиографическая память является деятельностью прежде всего коммуникативной и воплощается в повествовании, в процессе которого осуществляется процесс (само)познания и (само)понимания личности: «...сгусткам памяти необходимо родиться в форме речи и раскрыться в разговоре» [Нуркова 2000, 189]. Неслучайно, говоря о своем страхе, десятилетиями препятствовавшем повествованию, Гловиньский подчеркивает два момента: противоестественность самой невозможности говорить *о себе* («...я никогда об этом не говорил — ничего не скрывал, просто об этом не говорил. О себе не говорил!») и невозможности выработать язык для повествования о своей травме («Во мне сидел страх, а я не знал языка, которым мог бы его выразить»²⁸).

Феномен Холокоста, очевидно, обречен и даже должен остаться непостижимым²⁹, но каждый конкретный опыт и его последствия могут быть выражены и восприняты в границах языка, которым человек располагает. Тексты Гловиньского подтверждают как ценность артикуляции травмы, так и индивидуальность, уникальность *каждой* памяти, вне зависимости от того, сколько раз предпринималась попытка воплотить сценарий коллективной судьбы. Неслучайно Теодор Адорно полагал, что страдание такого масштаба, как Холокост, может быть артикулировано лишь при помощи искусства — при всей ущербности и неполноте этого способа (цит. по: [Pietrych 2010, 206]). К этому выводу приходит спустя десятилетия и польская исследовательница Х. Кирхнер: «Еврейская память тяжела от деталей, она вынуждена вмещать в себя индивидуальную частичку Холокоста — и коллективную, чудесное спасение — и гибель вокруг. Она также вынуждена вместить в себя жизнь, предшествовавшую гибели: в прежней отчизне, на еврейской улице в польском городе [...]. В кристалле столько граней, столько цветов способен зачесть в нем свет. Что это за кристалл? Литература» [Kirchner 2006, 68].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Głowiński M. Czarne sezony. Warszawa: Open, 1998. 182 s.

Głowiński M. Historia jednej topoli i inne opowieści. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2003. 252 s.

²⁷ Głowiński 2018, 472–473.

²⁸ Zapisywanie, 14.

²⁹ В беседе о литературе Холокоста М. Гловиньский в качестве ее показателя называет вопрос, «который звучит всегда» — *как это вообще стало возможным*: «Этот вопрос звучит из уст такого человека, как я, которому это порой кажется нереальным. Хотя я [...] был в варшавском гетто и многое отлично запомнил» (Pisanie, 150).

- Głowiński M. Kręgi obcości. Opowieść autobiograficzna. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2010. 536 s.
- Głowiński M. Czas nieprzewidywany. Długa rozprawa bez pana, wójta i plebana. Rozmowa-rzeka. Warszawa: Wielka Litera, 2018. 496 s.
- Jestem beneficjentem zmian. Michał Głowiński w rozmowie z Anną Bikont i Joanną Szczęsną // *Gazeta Wyborcza*. 1999. Dod. *Gazeta Świąteczna*. № 195. S. 12.
- «Pisanie jest ze swej natury niemoralne». O narracji i Zagładzie z Michałem Głowińskim rozmawiają Marta Tomczok i Paweł Wolski // *Narracje o Zagładzie*. 2015. № 1. S. 141–160.
- Polskie gadanie. Z Michałem Głowińskim rozmawia Teresa Torńska // *Gazeta Wyborcza*. 23 maja 2005. <https://wyborcza.pl/duzyformat/7,127290,2721121.html>
- Rozmowa z Michałem Głowińskim. «Moja kładka wznoszona nad czasem różne ma wymiary...» // *Tekstualia*. 2006. Z. 7. S. 55–62.
- Rozmowa z prof. Michałem Głowińskim // *Trzy rozmowy Teresy Torńskiej. Śmierć spóźnia się o minutę*. Warszawa: Agora, 2010. S. 120–123.
- Zapisywanie Zagłady. Z Michałem Głowińskim rozmawia Anka Grupińska // *Kontrapunkt. Magazyn Kulturalny Tygodnika Powszechnego*. 2001. № 1–2. S. 14–15.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Адельгейм И.Е. Психология поэтики: аутопсихотерапевтические функции художественного текста (на материале польской прозы 1990–2000-х гг.). М.: Индрик, 2018. 648 с.
- Адельгейм И.Е. «Поэтизированная индугенция». Феномен успеха романа Анджея Шипёрского «Начало» // *Славянский альманах*. 2021. № 1–2. С. 346–364.
- Беньямин В. О понятии истории // *Новое литературное обозрение*. 2000. № 46. С. 81–90.
- Герман Дж. Травма и исцеление. Последствия насилия — от абьюза до политического террора. М.: Бомбора, 2024. 640 с.
- Грачева Л.В. Аффективная память по К.С. Станиславскому и упражнения Н.В. Демидова // *Вестник Академии русского балета им. А.Я. Вагановой*. 2019. № 2 (61). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/afektivnaya-pamyat-po-k-s-stanislavskomu-i-uprazhneniya-n-v-demidova> (дата обращения: 25.01.2025).
- Нуркова В. Свершенное продолжается: Психология автобиографической памяти личности. М.: УРАО, 2000. 320 с.
- Фаустова А.Г. «Трудно вспомнить и невозможно забыть»: механизмы функционирования травматической памяти // *Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие*. 2024. Т. 12. № 3 (46). С. 193–206.
- Assmann A. Między historią a pamięcią. Antologia. Warszawa: Uniwersytet Warszawski, 2013. 323 s.
- Bojarska K. Wydarzenia po wydarzeniu. Białoszewski — Richter — Spiegelman. Warszawa: IBL PAN, 2012. 364 s.
- Cyrułnik B. Ratu się, życie wzywa. Warszawa: Czarna Owca, 2014. 256 s.
- Gilmore L. Przypadki graniczne: trauma, autoreprezentacja i prawne formy tożsamości // *Antologia studiów nad traumą*. Kraków: Universitas, 2015. S. 359–376.
- Głowiński M. Wielkie zderzenie // *Teksty Drugie*. 2002. No. 3. S. 199–211.
- Grynberg H. Pokolenie Szosa // *Odra*. 2002. No. 4. S. 37–49.
- Kirchner H. Ścianki kryształu. Kilka myśli o literaturze świadectwa // *Poetyka. Polityka. Retoryka*. Pod red. Wł. Boleckiego i R. Nycza. Warszawa: Instytut Badań Literackich, 2006. S. 61–70.
- Kolk van der Bessel A., Hart van der Onno. Natrętna przeszłość: elastyczność pamięci i piętno traumy // *Antologia studiów nad traumą*. Kraków: Universitas, 2015. S. 139–174.
- Kowalska-Leder J. Doświadczenie Zagłady z perspektywy dziecka w polskiej literaturze dokumentu osobistego. Wrocław: IBL PAN, 2009. 366 s.
- Krawczyńska D. Własna historia Holocaustu. O pisarstwie Henryka Grynberga. Warszawa: IBL PAN, 2005. 231 s.
- Krawiel M. Michał Głowiński: literaturoznawca i pisarz Zagłady // *Białostockie Studia Literaturoznawcze*. 2017. No. 10. S. 209–221.
- Krupa B. Opowiedzieć Zagładę. Polska proza i historiografia wobec Holocaustu (1987–2003). Kraków: Universitas, 2013. 568 s.
- Kurkiewicz J. Punkty pamięci // *Tygodnik Powszechny*. 2003. № 24. <http://www2.tygodnik.com.pl/ksiazki/24/ksiazki03.php> (дата обращения: 03.01.2025).
- LaCapra D. Pisanie historii, pisanie traumy // *Pamięć Shoah. Kulturowe reprezentacje i praktyki upamiętnienia*. Red. Majewski T., Zeidler-Janiszewska A., Wójcik M. Łódź: Oficyna, 2009. 1008 s.

- LaCapra D. Trauma, nieobecność, utrata // *Antologia studiów nad traumą*. Kraków: Universitas, 2015. S. 59–107.
- Langer L. Scena pamięci. Rodzice i dzieci w tekstach i świadectwach Holokaustu // *Literatura na Świecie*. 2004. No. 1–2. S. 125–139.
- Leociak J. Grynberg niebanalnie o Głowińskim // *Odra*. 2002. No. 6. S. 64–66.
- Łysak T. Trauma – od genealogii pojęcia do studiów nad traumą // *Antologia studiów nad traumą* Kraków: Universitas, 2015. S. 5–30.
- Matuszewski R. Czarne sezony // *Więź*. 1998. No. 8. S. 207–211.
- Pennebaker J. Telling Stories: The Health Benefits of Narrative // *Literature and Medicine*. 2000. No. 19. P. 3–18.
- Pietrych K. (Post)Pamięć Holocaustu – (meta)tekst a etyka. «Fabryka muchołapek» Andrzeja Barta a «Byłam sekretarką Rumkowskiego» Elżbiety Cherezińskiej // *Inna literatura? Dwudziestolecie 1989–2009*. Red. Andres Z., Pasternski J. Tom I. Rzeszów: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2010. S. 203–225.
- Pilichiewicz K.K. «Widziałem egzekucję». Gettowe błyski pamięci Michała Głowińskiego // *Żydzi wschodniej Polski. Seria IX: Dziecko żydowskie*. Białystok: Wydawnictwo Prymat Źródło, 2021. S. 279–289.
- Sokołowska K. Dokumentalność a figuratywność w pamiętnikach dzieci Holocaustu. Uwag kilka // *Ślady obecności*. Red. Sł. Buryła, A. Molisak. Kraków: Universitas, 2010. S. 293–315.
- Szczepan A. Realizm i trauma – rekonesans // *Teksty Drugie*. 2012. No. 4. S. 219–230.
- Tomczok M. «Opowiadanie jest stałym bytu cieniem». Kilka uwag o kanonie Zagłady w literaturze najnowszej // *Narracje o Zagładzie*. 2015. No. 1. S. 75–95.
- Waligóra J. Pamięć i tekst. Wypowiadanie Zagłady w «Czarnych sezonach» Michała Głowińskiego // *Annales Universitatis Paedagogicae Caroviensis. Studia Historicolitteraria*. 2009. No. IX. S. 156–165.
- Wolski P. Zawsze fragment. O polskim literaturoznawstwie i jego kanonie (Zagłady) // *Narracje o Zagładzie*. 2015. No. 1. S. 62–74.

Рукопись поступила в редакцию 03.04.2025

Рукопись принята к печати 30.04.2025

REFERENCES

- Adel'geym I.Ye. *Psikhologiya poetiki. Autopsikhoterapevticheskie funktsii khudozhestvennogo teksta (na materiale pol'skoi prozy 1990–2000-kh gg.)*. Moscow, Indrik Publ., 2018, 648 p. (In Russ.)
- Adel'geim I.Ye. «Poetizirovannaya indul'gentsiya». Fenomen uspekha romana Andrzeja Szczypiorskiego «Nachalo». *Slavianskii al'manakh*, 2021, no. 1–2, pp. 346–364. (In Russ.)
- Assmann A. *Miedzy historią a pamięcią*. *Antologia*. Warszawa, Uniwersytet Warszawski, 2013, 323 p.
- Benjamin W. O poniatii istorii. *Novoje literaturnoje obozrenije*, 2000, no. 46, pp. 81–90. (In Russ.)
- Bojarska K. *Wydarzenia po wydarzeniu*. Białoszewski – Richter – Spiegelman. Warszawa, IBL PAN, 2012, 364 p.
- Cyrulnik B. *Ratuj się, życie wzywa*. Warszawa, Czarna Owca, 2014, 256 p.
- Faustova A.G. «Trudno vspomnit' i nevozmozhno zabyt'»: mekhanizmy funktsionirovaniia travmaticheskoi pamiaty. *Lichnost' v meniaiushchemsia mire: zdorov'je, adaptatsiia, razvitiie*, 2024, vol. 12, no. 3 (46), pp. 193–206. (In Russ.)
- Gilmore L. Przypadki graniczne: trauma, autoreprezentacja i prawne formy tożsamości. *Antologia studiów nad traumą*. Kraków, Universitas, 2015, pp. 359–376.
- Głowiński M. Wielkie zderzenie. *Teksty Drugie*, 2002, no. 3, pp. 199–211.
- Gracheva L.V. Affektivnaia pamiat' po K.S. Stanislavskomu i uprazhneniia N.V. Demidova. *Vestnik Akademii russkogo baleta im. A.Ia. Vaganovoi*, 2019, no. 2 (61). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/affektivnaya-pamyat-po-k-s-stanislavskomu-i-uprazhneniya-n-v-demidova> (accessed: 25.01.2025). (In Russ.)
- Grynberg H. Pokolenie Szoa. *Odra*, 2002, no. 4, pp. 37–49.
- Hermann J. *Travma i isteleniie. Posledstviia nasiliia – ot ab'iuza do politicheskogo terrora*. Moscow, Bombora Publ., 2024, 640 p. (In Russ.)
- Kirchner H. Ścianki kryształu. Kilka myśli o literaturze świadectwa. *Poetyka. Polityka. Retoryka*, ed. Bolecki Wł., Nycz R. Warszawa, Instytut Badań Literackich, 2006, pp. 61–70.
- Kolk van der Bessel A., Hart van der Onno. Natrętna przeszłość: elastyczność pamięci i piętno traumy. *Antologia studiów nad traumą*. Kraków, Universitas, 2015, pp. 139–174.
- Kowalska-Leder J. *Doświadczenie Zagłady z perspektywy dziecka w polskiej literaturze dokumentu osobistego*. Wrocław, IBL PAN, 2009, 366 p.

- Krawczyńska D. *Własna historia Holokaustu. O pisarstwie Henryka Grynberga*. Warszawa, IBL PAN, 2005, 231 p.
- Krawiel M. Michał Głowiński: literaturoznawca i pisarz Zagłady. *Białostockie Studia Literaturoznawcze*, 2017, no. 10, pp. 209–221.
- Krupa B. *Opowiedzieć Zagładę. Polska proza i historiografia wobec Holokaustu (1987–2003)*. Kraków, Universitas, 2013, 568 p.
- Kurkiewicz J. Punkty pamięci. *Tygodnik Powszechny*, 2003, no. 24. Available at: <http://www2.tygodnik.com.pl/ksiazki/24/ksiazki03.php> (accessed: 03.01.2025).
- LaCapra D. Pisanie historii, pisanie traumy. *Pamięć Shoah. Kulturowe reprezentacje i praktyki upamiętnienia*, ed. Majewski T., Zeidler-Janiszewska A., Wójcik M. Łódź, Oficyna, 2009, 1008 p.
- LaCapra D. Trauma, nieobecność, utrata. *Antologia studiów nad traumą*. Kraków, Universitas, 2015, pp. 59–107.
- Langer L. Scena pamięci. Rodzice i dzieci w tekstach i świadectwach Holokaustu. *Literatura na Świecie*, 2004, no. 1–2, pp. 125–139.
- Leociak J. Grynberg niebanalnie o Głowińskim. *Odra*, 2002, no. 6, pp. 64–66.
- Łysak T. Trauma – od genealogii pojęcia do studiów nad traumą. *Antologia studiów nad traumą*. Kraków, Universitas, 2015, pp. 5–30.
- Matuszewski R. Czarne sezony. *Więź*, 1998, no. 8, pp. 207–211.
- Nurkova V. *Svershennoje prodolzhaetsia: Psikhologija avtobiograficheskoi pamiaty lichnosti*. Moscow, URAO Publ., 2000, 320 p. (In Russ.)
- Pennebaker J. Telling Stories: The Health Benefits of Narrative. *Literature and Medicine*, 2000, no. 19, pp. 3–18.
- Pietrych K. (Post)Pamięć Holokaustu – (meta)tekst a etyka. «Fabryka muchołapek» Andrzeja Barta a «Byłam sekretarką Rumkowskiego» Elżbiety Cherezińskiej. *Inna literatura? Dwudziestolecie 1989–2009*, vol. 1, ed. Andres Z., Pasternski J. Rzeszów, Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2010, pp. 203–225.
- Pilichiewicz K.K. «Widziałem egzekucję». Gettowe błyski pamięci Michała Głowińskiego. *Żydzi wschodniej Polski*, seria IX: Dziecko żydowskie. Białystok, Wydawnictwo Prymat Źródło, 2021, pp. 279–289.
- Sokołowska K. Dokumentalność a figuratywność w pamiętnikach dzieci Holokaustu. Uwag kilka. *Ślady obecności*, ed. Buryła Sł., Molisak A. Kraków, Universitas, 2010, pp. 293–315.
- Szczepan A. Realizm i trauma – rekonesans. *Teksty Drugie*, 2012, no. 4, pp. 219–230.
- Tomczok M. «Opowiadanie jest stałym bytu cieniem». Kilka uwag o kanonie Zagłady w literaturze najnowszej. *Narracje o Zagładzie*, 2015, no. 1, pp. 75–95.
- Waligóra J. Pamięć i tekst. Wypowiadanie Zagłady w «Czarnych sezonach» Michała Głowińskiego. *Annales Universitatis Paedagogicae Carcoviensis. Studia Historicolitteraria*, 2009, no. IX, pp. 156–165.
- Wolski P. Zawsze fragment. O polskim literaturoznawstwie i jego kanonie (Zagłady). *Narracje o Zagładzie*, 2015, no. 1, pp. 62–74.

Received on 03.04.2025

Accepted on 30.04.2025

Информация об авторе:

Адельгейм Ирина Евгеньевна
доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник
Института славяноведения
Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-5208-0848
E-mail: adelgejm@yandex.ru

Information about the author:

Irina Ye. Adelgeim
DSc. (Philology),
Leading Researcher
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-5208-0848
E-mail: adelgejm@yandex.ru

(Не)примирение с историей в романе О.С. Забужко «Музей заброшенных секретов»

©2025 г. Е.В. Байдалова

Институт славяноведения Российской Академии наук
(Москва, Российская Федерация)

e.baydalova@inslav.ru

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ по проекту 24-28-00403 «Репрезентация и преодоление травматического опыта национального прошлого в литературах Центральной и Юго-Восточной Европы (последняя треть XX – начало XXI вв.)»

Аннотация. В статье рассматривается конструирование нарративов о трагических исторических событиях XX в. на территории Украины в романе О. Забужко «Музей заброшенных секретов» (2009). Подобные нарративы, будучи частью современной украинской культуры, становятся также частью коммеморативной культуры, коллективной памяти. Писательница использует мнемонический нарратив, работает не только с сознанием, но и с подсознанием героев, при этом актуализируются замалчиваемые ранее события общей и семейной истории, а также личной — все они оказываются связаны друг с другом невидимыми струнами. Травматичный опыт прошлого, транслируемый через личную память и постпамять, может деформировать воспоминания, не реконструировать, а деконструировать их. Сквозь призму такой деконструкции в романе изображены голод 1932–1933 гг. и 1947 г., деятельность УПА¹ в годы Второй мировой войны и после, Волынская резня и другие замалчиваемые в официальной советской истории события. Делается вывод о том, что травмированное сознание трансформирует в романе память о значимом прошлом так, что воспоминания о нем становятся триггером для нового витка борьбы за национальную идентичность.

Ключевые слова: постпамять, травма, украинская литература, коллективная память, исторические события, Забужко.

Ссылка для цитирования: Байдалова Е.В. (Не)примирение с историей в романе О.С. Забужко «Музей заброшенных секретов» // *Славяноведение*. 2025. № 4. С. 93–100. DOI: 10.31857/S0869544X25040071, EDN: UZZPMM

¹ Признанная экстремистской и запрещенная на территории РФ организация.

(Un)reconciliation with History in O.S. Zabuzhko's Novel *The Museum of Abandoned Secrets*

©2025 г. Ekaterina V. Baydalova

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
 (Moscow, Russian Federation)

e.baydalova@inslav.ru

The research was supported by the RNF grant under the project 24-28-00403 «Representation and overcoming the traumatic experience of the national past in the literatures of Central and Southeastern Europe (the last third of the twentieth – beginning of the twenty-first centuries)»

Abstract. The article deals with the construction of narratives about tragic historical events of the twentieth century on the territory of Ukraine in O. Zabuzhko's novel "Museum of Abandoned Secrets" (2009). Such narratives, being a part of contemporary Ukrainian culture, also become a part of commemorative culture, collective memory. The writer uses mnemonic narrative, works not only with the consciousness, but also with the subconsciousness of the characters, thus actualizing the previously silenced events of common and family history, as well as personal – all of them turn out to be connected with each other by invisible strings. The traumatic experience of the past, transmitted through personal and post-memory, can deform memories, not reconstructing but deconstructing them. Through the prism of such deconstruction, the novel depicts the famines of 1932-1933 and 1947, the activities of the UIA during and after World War II, the Volyn Massacre, and others – some of the most silenced events in official Soviet history. It is concluded that the traumatized consciousness transforms the memory of the significant past in the novel in such a way that memories of it become a trigger for a new round of struggle for national identity.

Keywords: post-memory, trauma, Ukrainian literature, collective memory, historical events, Zabuzhko.

For citation: Ekaterina V. Baydalova. (Un)reconciliation with History in O.S. Zabuzhko's Novel *The Museum of Abandoned Secrets* // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences*. = *Slavyanovedenie*. 2025. No. 4. P. 93–100. DOI: 10.31857/S0869544X25040071, EDN: UZZPMM

Создание нарративов об исторических событиях, особенно если речь идет о художественной литературе, получившей широкое распространение и активный читательский отклик, становится частью мемориативной культуры, общей коллективной памяти². Известная украинская писательница, поэтесса, философ, культуролог, публицист Оксана Стефановна Забужко (род. 1960, Луцк) осознанно создает определенный нарратив об историческом прошлом Украины, понимая, что «бремя неартикулированного опыта [...] приравнивается к небытию»³. Это мнемонический нарратив, в котором автор «работает» не только с сознанием, но и подсознанием персонажей, актуализируя при этом замалчиваемые события как личной, семейной, так и национальной истории. В соответствии с концепцией А. Ассман, культурная память

² «...в Украине постепенно формируется новое культурное поле, в границах которого искусство способно привлекать внимание к важным историческим событиям» [Рутар 2017, 349]. Здесь и далее, если не указано иное, перевод с украинского автора статьи.

³ *Забужко* 2001, 78.

формируется в результате осмысления индивидуального коммеморативного опыта [Ассман 2014]. Травматический опыт также вносит свой вклад в формирование общей культурной памяти, однако он может быть вытеснен или выражен в виде разнообразных аномалий. Таким образом, литературное произведение не только репрезентирует личную либо культурную память, но и формирует коллективную национальную память. Анализ эссеистики Забужко позволяет сделать вывод, что «конструирование» коллективной национальной памяти — ее сознательная писательская стратегия. В эссе «Комплекс Итаки», где поднята тема кризиса национальной идентичности, обозначена главная задача украинских интеллектуалов: овладение национальной культурой и историей, создание «нового образа Итаки», который станет для «украинского Одиссея» новым «образом себя»⁴. В этом конструировании новой национальной идентичности важнейшую роль играет литература, поскольку, по мысли автора, украинская нация «существует благодаря литературе»⁵, как и другие колонизированные ранее народы.

«Музей заброшенных секретов» («Музей покинутих секретів», 2009, русский перевод 2013) — второй роман Забужко⁶. В 2013 г. он был награжден премией «Ангелус», которая вручается лучшему произведению Центральной Европы. События романа охватывают период украинской истории с начала 1940-х по начало 2000-х годов, канун «Оранжевой революции». Повествование выстроено не линейно, действие происходит и в современности, где главная героиня — журналистка Дарья Гоцинская — собирает материал для документального фильма о деятельнице УПА Олене Довган, погибшей при невыясненных обстоятельствах в лесах Западной Украины в 1947 г., и в 1940-е годы, где влюбленный в Олену Адриан Ортынский по прозвищу «Зверь» сражается в составе УПА. Прошлое в романе становится известно героям из документов, старинных фотографий, мистических телефонных звонков и паранормальных снов, в которых Адриан Ватаманюк (внучатый племянник Олены Довган, с ним у главной героини завязываются серьезные отношения) видит себя Адрианом Ортынским. В этом «Музее заброшенных секретов» читатель перемещается от зала к залу (так названы главы романа), в каждом из которых открываются сокрытые ранее тайны. «История страны и каждого отдельного рода и память о ней представляется в романе музеем заброшенных секретов, затерянных в пространстве и во времени обрывков человеческих историй, не явленных миру, но связанных с ним невидимыми нитями, историй, спрятанных и забытых, которые необходимо найти для того, чтобы наконец самоидентифицироваться, соединить воедино национальную историю, расколотую, разделенную на множество отдельных индивидуальных деяний» [Байдалова 2019b, 342].

Детская игра в «секретики» становится метафорой спрятанной под спудом истории, которую замалчивали, тех исторических событий, правда о которых скрывалась в советское время: «Несостоявшаяся любовь, нерожденные дети, необличенное предательство — все те секреты, которые были похоронены под глубоким слоем культурно-исторической почвы, частично или полностью открываются и меняют жизнь потомков тех, кому было что скрывать» [Байдалова 2019a, 63]. Таким образом восстанавливается генетическая (или родовая)

⁴ Там же, 98.

⁵ Там же, 23.

⁶ О стратегии преодоления травматического опыта в первом романе О. Забужко «Полевые исследования украинского секса» см. [Байдалова 2024].

память, преодолевается разрыв родственных связей, артикулируется единство индивидуальной и коллективной истории. «Музей заброшенных секретов» «...интересен прежде всего своей необычной интерпретацией идеи о том, что все в этом мире взаимосвязано и пронизано некими общими волнами, струнами⁷: тронь одну — отзовутся другие. И только так — внимательно вслушиваясь в “радиомузыку жизни” (выражение Германа Гессе) — можно осознать прошлое, настоящее и будущее, обрести утраченную память истории, попытаться понять себя в бесконечном времени» [Мариничева 2010].

Прошлое в романе Забужко — это и личная память, и «постпамять» [Хирш 2020] — память, сформированная предыдущими поколениями, пережившими травмирующие события. Связь постпамяти с прошлым осуществляется «за счет привлечения воображения, проективных и творческих механизмов» [Там же, 8]: «...для таких раскопок нужна историческая передышка, тот же перекур — перевести дух, сделать крюк длиной в одно поколение. Детям это не дано, а вот для внуков — как раз два поколения — именно такая дистанция: систола-диастола, ритмическое дыхание, пульс прогресса...»⁸. Однако оказывается, что память в полном объеме непознаваема, часть «секретиков» так и остается забытыми, похороненными под толщей земли, как и люди, кого в годы тоталитарного прошлого «лишили возможности крикнуть “Я есть!”: заткнули рот, перерезали горло, сожгли рукопись... Мы не умеем слышать их молчание, живем так, словно их просто не было. А они были. И наши жизни слеплены и из их молчания тоже»⁹. В одном интервью Забужко так говорит об этом: «Основная идея “Музея заброшенных секретов” заключается в том, что мы никогда не узнаем, как было на самом деле. [...] Но нужно как можно больше показать, объяснить, узнать (ведь это часть человеческой потребности — быть хозяином собственной жизни), как постичь свое “духовное тело”, которое мы влечем за собой размытым во времени»¹⁰.

Метафорой сущности человеческого бытия в романе является безразмерный чемодан, набитый «совершенно бессмысленными для посторонних безделицами, — чемодан, который, покидая этот мир, человек навсегда забирает с собой. По дороге, правда, из него, не застегнутого, высыпается еще горсть-другая хлама на память живым [...] — и остается надолго перетлевать в памяти свидетелей и хранителей»¹¹. Такие случайно уцелевшие осколки представляются утерянным тайным кодом «к каким-то глубинным, подземным смыслам чужой жизни»¹². Именно по этим уцелевшим осколкам и восстанавливаются (частично) замалчиваемые исторические события и происходящие на их фоне события личной жизни, а не по информации, которую могут предоставить официальные институты памяти (архивы, музеи, учебники истории и т.п.), поскольку в условиях тоталитарного государства они предлагают заведомо искаженные факты. Однако и постпамять по-своему деформирует события личной и национальной истории.

Центральной в романе является тема УПА. Именно с деятельностью по-станцев — этой до последнего времени одной из самых остро дискуссионных

⁷ Очевидно, имеется в виду в том числе физическая теория струн.

⁸ Забужко 2013, 598.

⁹ Там же, 599.

¹⁰ Хруслинская.

¹¹ Забужко 2013, 23.

¹² Там же.

тем украинской истории — связана большая часть исторического пласта повествования. Случайно увидев фотографию бойцов одного подпольного подразделения, главная героиня романа, Дарина, словно услышала призыв от запечатленной на ней Олены Довган, — и стала расследовать обстоятельства ее жизни и смерти. «Секреттики» в романе — это не только детская игра, но и «подземные убежища бойцов УПА (схроны, крывивки), в которых спрятанными оказываются главные сокровища народа — национальные герои» [Байдалова 2019а, 68]. В литературе социалистического реализма были сформированы типичные образы советского солдата-героя и врага-бандеровца — в современной украинской литературе наблюдается их инверсия: враг и герой поменялись местами. Забужко в «Музее заброшенных секретов» придерживается той же стратегии. В рецензии на этот роман в «Новой газете» В. Геросин с иронией отмечает, что «воины УПА, как когда-то советские солдаты, обладают не одной, а сразу всеми добродетелями: богатым внутренним миром, хорошим образованием, любовью к Богу и Родине, ненавистью к врагу. При этом если влюбляются в кого-то — краснеют и бледнеют и чуть ли не в обморок падают»¹³. Советские же воины («большевики») представлены как жестокие захватчики, не щадящие жизни ни чужих, ни своих воинов, и мелкие воришки, которые только и делают, что хлещут самогон и сметают «как саранча все, что попало под руку, — у вдовы [...] забрали единственную ценную вещь в доме — хром на сапоги»¹⁴, в то время как «во всякой порядочной армии, как и в УПА, за мародерство положен расстрел»¹⁵. В романе также происходит инверсия некоторых идеологических советских клише. Так, среди повстанцев плечом к плечу сражаются западные и восточные украинцы, русские и евреи. Все они объединены общей целью — борьбой против тоталитаризма. Типичный пример перевоспитания негативного персонажа можно увидеть в эпизоде с русским майором НКВД, который после шести месяцев в плену у повстанцев загорелся их идеями и безропотно отправился на расстрел, потому что стремился искупить свою вину перед ними. Те же, кому пришлось по приказу командира его расстрелять, так переживали, что сами потом искали смерти в бою. Крайне чувствительная тема, касающаяся зверств повстанческой войны и так называемых ритуальных жестокостей, имевших место с обеих сторон, освещается в романе ожидаемо односторонне. Все ужасы: убийства на месте без суда и следствия, насилие над девушками на глазах их матерей, распоротые животы беременных женщин, прибитые к доскам языки связных и изувеченные тела мертвых младенцев — приписываются исключительно одной из сторон, сотрудникам НКВД. Таким образом, замалчиваемое ранее прошлое, о котором невозможно было вспоминать при тоталитарном режиме, мифологизируется, не реконструируется, а деконструируется, деформируется. Травмированное сознание оказывается не способно к объективному изображению исторических событий, оно неизбежно включает «защитные механизмы», когда речь идет о вине за совершенное насилие.

Поэтому закономерно «фигурой умолчания» в романе является болезненная для украино-польских отношений тема Волинской резни — одна из центральных «для польской памяти про преступления Второй мировой

¹³ Геросин.

¹⁴ Забужко 2013, 389.

¹⁵ Там же, 390.

войны» [Байдалова 2019а, 69–70]¹⁶. Способность к насилию представлена в «Музее заброшенных секретов» как «наследие Польши»: «...это она, двадцать лет орудуя нами с высокомерной, сквозь зубы цедимой уверенностью, что “русины” — это не люди, а “кабане”, закалила нас, как крепкий топор, отвечать симметрично — тем же самым...»¹⁷. Волынская резня упоминается словно мимоходом в одном не лишенном пафоса лирическом отступлении от имени повстанца Адриана Ордынского и выглядит, с одной стороны, как закономерный ответ на насилие с польской стороны, с другой стороны, как то, что было быстро сознательно остановлено греко-католическими священниками во главе с митрополитом Андреем Шептицким и общим решением УПА: «И когда наша военная сила, как река, что выходит из берегов, ринулась было в мстительное русло, и на Волыни и Подолье запыхали усадьбы польских колонистов, у нас нашлась другая сила, остановившая движение по траектории слепого возмездия, — первосвященник из Святого Юра, а за ним и мученики-стигматы из подполья раскинули предостерегающе руки, взывая к людям не пятнать перед Богом святое оружие невинной кровью, и Провод на своем Третьем собрании велел нам переродиться для дальнейшей борьбы, — потому что наша сила призвана служить не возмездию, а освобождению, а кто совершает насилие над безоружным, тот сам себе узник»¹⁸. Таким образом, и это событие национальной истории мифологизируется, поляки же представлены в романе несущими насилие и уничтожение украинскому народу.

Еще одной болевой точкой исторического прошлого выступает в романе голод — 1932–1933 гг. и послевоенный. Травма пережитого голода — одного из страшнейших в биологическом отношении пограничных состояний — оказывается важным фактом реальности персонажей романа, той скрытой травмой, которая продолжает все время влиять на последующие поколения как в каждой отдельной семье, так и в целом в украинском обществе. Именно голод связывает воедино семейные древа Адриана Ватаманюка и Дарины, восстанавливает утраченные связи между поколениями. В мистическом сне, который эти герои видят одновременно и будто вместе, они узнают не только историю гибели Олены и Адриана Ортынского, но и то, как Олена помогла девушке с Полтавщины, которая приехала раздобыть хоть какую-то еду для погибающей от голода родни, несмотря на то, что последняя догадалась о том, что Олена — член УПА. Эта девушка оказалась тетей Дарины, она привезла с Запада на Восток мешок муки и тем самым спасла семью, в том числе мать Дарины, которая в те годы была ребенком. Не всем приехавшим с восточной части Украины голодающим так повезло: многие, выбравшись из вагонов, «падали тут же, на месте, передохнуть, не в силах двигаться дальше, а неподалеку стоял крытый грузовик, и солдаты

¹⁶ О том, что между Польшей и Украиной есть противоречия в видении части исторических событий XX в., говорит в том числе принятое в декабре 2024 г. Второе польско-украинское Коммюнике (Первое было принято и подписано 22 историками Польши и Украины в 1994 г. как поиск общей интерпретации сложных страниц истории XX ст., однако какого-то серьезного влияния на отношение общества в обеих странах к этим вопросам не имело). В современной политической ситуации основной лозунг, выдвигающийся в Коммюнике, — все жертвы общие. Т.е. акцент делается не на выяснении исторической правды (хотя и этому уделяется отдельное внимание), а на жертвах с обеих сторон, необходимости почтить их память и не допустить повторения насилия. Второе Коммюнике подписали 24 историка с обеих сторон, при этом следует отметить, что несколько украинских историков уже отозвали свои подписи, так что неизвестно, насколько серьезное влияние будет иметь этот документ. Но важно отметить, что хотя бы попытки наладить диалог в этом вопросе уже крайне важны, в том числе для проработки исторических травм. *Друге польсько-українське Ком'юніке* 2024.

¹⁷ *Забужко* 2013, 404.

¹⁸ Там же, 405.

сносили и бросали в кузов, как дрова, тех, кто уже не встанет»¹⁹. Эти картины напоминают Адриану Отрынскому во сне рассказы о голоде 1933-го г., когда еще живых людей бросали в ямы вместе с мертвыми, поскольку им все равно «один день остался»²⁰. Не похороненные и не оплаканные должным образом мертвецы не дают окончательно забыть о себе: мистическим образом они влияют на живых. Подруга Дарины — талантливая художница Влада Матусевич — гибнет в аварии на «нехорошей трассе», где постоянно разбиваются машины: «Там через дорогу могильник был в голодовку [...] где неглубоко, земля проседала, так иногда людские кости выносило... здоровенный, говорили, был могильник! Это уже потом через него асфальт проложили...»²¹.

Адриан и Дарина, потомки тех, кто выжил в голод, войну и послевоенные годы, в своей любовной связи соединяют две семьи, чьи истории постепенно восстанавливаются в романе, заполняя лакуны замалчивания и недосказанности. Таким образом происходит встраивание себя в семью, род, и одновременно семья, род встраиваются в «свое сознание, происходит реконструкция, своего рода регенерация ветвей генеалогического древа» [Адельгейм 2018, 558]. Однако наиболее релевантной для всего романа является все же оппозиция «свой/чужой», в которую встраивается даже еще не рожденный, а только зачатый ребенок главных героев — будущий боец национального фронта. Две красные черточки на тест-полоске Дарина воспринимает как «мобилизационную повестку»²²: «...война продолжается, война никогда не прекращается, — теперь это наша война, и мы ее еще не проиграли»²³. Таким образом, жизненное пространство для героев романа представляет собой бесконечный фронт, на котором в каждую историческую эпоху идет свое сражение, связанное со всеми предыдущими, со всем предшествующим историческим опытом. Травмированное сознание трансформирует память о значимых исторических событиях так, что воспоминания о них становятся триггером для нового витка борьбы за национальную идентичность.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

УПА — Украинская повстанческая армия

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Геросин В. Националистический реализм. Возмутитель литературного спокойствия Оксана Забужко написала роман-поучение и предупреждение. — «Новая газета», 2011, № 102, 14 сентября <<http://www.novayagazeta.ru>>. Периодика (составители) // Новый мир. 2011. № 12. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2011/12/periodika-191.html (дата обращения: 01.03.2025).
Друге польсько-українське Комюніке // Україна Модерна. 12.12.2024. URL: <https://uamoderna.com/blogy/ii-polsko-ukrayinske-komyunike/>. (дата обращения: 04.03.2025).
Забужко О. Хроніки від Фортінбраса. Вибрана есеїстика 90-х. Київ: Факт, 2001. 340 с.
Забужко О. Музей заброшенных секретов / пер. с укр. Е. Мариничевой. М.: АСТ, 2013. 697, [2] с.
Хруслинская И. Оксана Забужко: Музей покинутой идентичности // Театр. 31 декабря 2014. URL: <https://oteatre.info/oksana-zabuzhko/> (дата обращения: 07.03.2025).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Адельгейм И.А. Психология поэтики: Аутопсихотерапевтические функции художественного текста (на материале польской прозы 1990–2010-х гг.). М.: Индрик, 2018. 648 с.

¹⁹ Там же, 398.

²⁰ Там же, 167.

²¹ Там же, 576.

²² Там же, 676.

²³ Там же, 687.

- Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
- Байдалова Е.В. Проблема национальной памяти в украинской женской постколониальной прозе: роман О. Забужко «Музей заброшенных секретов» // ПАМЯТЬ VS ИСТОРИЯ. Образы прошлого в художественной практике современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы (по материалам II Хоревских чтений) / отв. ред. И.Е. Адельгейм. М.: Институт славяноведения РАН, 2019а. Серия «Современные литературы стран Центральной и Юго-Восточной Европы». С. 56–74.
- Байдалова Е.В. Украинская постколониальная проза: проблемы национальной и гендерной идентичности в романах О. Забужко // Славянский сборник: язык, литература, культура / отв. ред. Н.Е. Ананьева, О.А. Остапчук, Е.И. Якушкина. М.: МАКС Пресс, 2019б. С. 337–344.
- Байдалова Е.В. Преодоление травматического опыта в дебютном романе О. Забужко. // Вестник славянских культур. 2024. Т. 74. С. 196–208.
- Мариничева Е. Разминированная память // Дружба народов. 2010. № 9. URL: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2010/9/razminirovannaya-pamyat.html>. (дата обращения: 20.03.2025).
- Рутар Х. Місця пам'яті у романі Оксани Забужко «Музей покинутих секретів» // Spheres of Culture / Ed. by Ihor Nabytovich. Lublin, 2017. Vol. 16. S. 345–353.
- Хирш М. Поколение постпамяти. Письмо и визуальная литература после Холокоста. М.: Новое издательство, 2020. 428 с.

Рукопись поступила в редакцию 10.04.2025

Рукопись принята к печати 30.04.2025

REFERENCES

- Adel'geim I.A. *Psikhologiya poetiki: Autopsikhoterapevticheskiye funktsii khudozhestvennogo teksta (na materiale pol'skoi prozy 1990–2010-kh gg.)*. Moscow, Indrik, 2018, 648 p. (In Russ.)
- Assman A. *Dlinnaia ten' proshlogo. Memorial'naia kul'tura i istoricheskaiia politika*. Moscow, Novoje literaturnoje obozrenije, 2014, 328 p. (In Russ.)
- Baidalova E.V. Problema natsional'noi pamiati v ukrainskoi zhenskoi postkolonial'noi proze: roman O. Zabuzhko «Muzei zabroshennykh sekretov». *PAMIAT' VS ISTORIIA. Obrazy proshlogo v khudozhestvennoi praktike sovremennykh literatur Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Jevropy (po materialam II Khorevskikh chtenii)*, отв. red. I.Je. Adel'geim. Moscow, Institut slavianovedeniia RAN, 2019a. Serii «Sovremennyye literatury stran Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Jevropy», 56–74 pp. (In Russ.)
- Baidalova E.V. Ukrainskaia postkolonial'naia proza: problemy natsional'noi i gendernoi identichnosti v romanakh O. Zabuzhko. *Slavianskii sbornik: iazyk, literatura, kul'tura*, отв. red. N.Je. Anan'jeva, O.A. Ostapchuk, Je.I. Iakushkina. Moscow, MAKS Press, 2019b, 337–344 pp. (In Russ.)
- Baidalova E.V. Preodolenije travmaticheskogo opyta v debutnom romane O. Zabuzhko. *Vestnik slavianskikh kul'tur*. 2024, t. 74, 196–208 pp. (In Russ.)
- Marinicheva Je. Razminirovannaia pamiat'. *Druzhba narodov*. 2010, no. 9. URL: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2010/9/razminirovannaya-pamyat.html>. (accessed: 20.03.2025). (In Russ.)
- Rutar Kh. Mistsia pam'iaty u romani Oksany Zabuzhko «Muzei pokynutykh sekretiv». *Spheres of Culture*, ed. by Ihor Nabytovich. Lublin, 2017, vol. 16, 345–353 pp. (In Ukr.)
- Khyrsh M. *Pokolenye postpamiaty. Pys'mo y vyzual'naia lyteratura posle Kholokosta*. Moscow, Novoe yzdatel'stvo Publ., 2020, 428 p. (In Russ.)

Received on 10.04.2025

Accepted on 30.04.2025

Информация об авторе:

Байдалова Екатерина Викторовна
 научный сотрудник
 Институт славяноведения
 Российской академии наук
 г. Москва, Российская Федерация
 ORCID: 0000-0001-6263-8358
 E-mail: e.baydalova@inslav.ru

Information about the author:

Ekaterina V. Baydalova
 Researcher
 Institute of Slavic Studies,
 Russian Academy of Sciences
 Moscow, Russian Federation
 ORCID: 0000-0001-6263-8358
 E-mail: e.baydalova@inslav.ru

Славяноведение, 2025, № 4, с. 101–108

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2025, No. 4, pp. 101–108

DOI: 10.31857/S0869544X25040085, EDN: VABWLW

Оригинальная статья / Original Article

Мотив (не)дома в боснийской литературе о беженцах

© 2025 г. Е.В. Шатько

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

eshatko@gmail.com

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ по проекту 24-28-00403 «Репрезентация и преодоление травматического опыта национального прошлого в литературах Центральной и Юго-Восточной Европы (последняя треть XX – начало XXI вв.)».

Аннотация. В статье рассматривается реализация мотива дома в современной боснийской литературе беженцев, т.е. в произведениях, написанных беженцами или о них. Материалом для исследования стали сборники рассказов «Дневник переселения» Дж. Карахасана, «Сараевское Мальборо» М. Ерговича и романы «Три одиночества, или Место незавершенных дел» В. Капор и «Поймать зайца» Л. Басташич. Для Карахасана и Ерговича дом становится пространством разрушающимся – буквально и метафорически, для Капор – это пространство памяти, символ давно утраченного, но необходимого для целостности личности. В романе Басташич утраченный дом отнюдь не идеализируется, он резко противопоставлен цивилизованному *home*. В осажженной литературе дом теряет свою защитную функцию, поскольку, понимаемый как конкретное здание или же как город в осаде, сам становится источником опасности. Дом перестает быть местом действия, убежищем, он переносится в пространство памяти, становится призрачным, иллюзорным и недостижимым. Большинство персонажей литературы беженцев (безуспешно) стремится (вос)создать дом или же вернуть утраченный. Травма утраты дома в большинстве произведений оказывается непреодолимой (кроме романа «Три одиночества...»).

Ключевые слова: литература травмы, литература беженцев, мотив дома, пространство, Миленко Ергович, Джевад Карахасан, Весна Капор, Лана Басташич.

Ссылка для цитирования: Шатько Е.В. Мотив (не)дома в боснийской литературе о беженцах // *Славяноведение*. 2025. № 4. С. 101–108. DOI: 10.31857/S0869544X25040085, EDN: VABWLW

The Motif of (Not)Home in Bosnian Refugee Literature

© 2025 Evgeniia V. Shatko

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

eshatko@gmail.com

The research was conducted with the support of the Russian Science Foundation grant under project 24-28-00403 «Representation and Overcoming of Traumatic Experience of National Pasts in the Literatures of Central and Southeastern Europe (late third of the twentieth – early twenty-first centuries)»

Abstract. The article explores the motif of home in contemporary Bosnian refugee literature. The study focuses on the short story collections «Sarajevo, Exodus of a City» by Dž. Karahasan, «Sarajevo Marlboro» by M. Jergović, and the novels «Tri samoće ili mjesto nedovršenih stvari» by V. Kapor and «Catch the Rabbit» by L. Bastašić. For Karahasan and Jergović, home becomes a space of destruction, both literally and metaphorically. For Kapor, it is a space of memory, that symbolizes something lost but necessary for the wholeness of the self. In contrast, in Bastašić's novel, the lost home is not idealized at all; it is sharply contrasted with a civilized *home*. In besieged literature, home loses its protective function, as it is understood as a specific building or as a city under siege, thus becoming a source of danger itself. The home ceases to be a site of action or refuge; it is transposed into the realm of memory, becoming ghostly, illusory, and unattainable. Most characters in refugee literature (unsuccessfully) strive to (re)create a home or retrieve what has been lost. The trauma from losing a home often proves to be insurmountable (with the exception of the novel «Tri samoće»).

Keywords: literature of trauma, refugee literature, motif of home, space, Miljenko Jergović, Dževad Karahasan, Vesna Kapor, Lana Bastašić.

For citation: *Evgeniia V. Shatko.* The Motif of (Not)Home in Bosnian Refugee Literature // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Science = Slavyanovedenie. 2025. No. 4. P. 101–108. DOI: 10.31857/S0869544X25040085, EDN: VABWLW

Мир, как и его художественное воплощение, в своем разнообразии и многомерности характеризуется пространством. Т.В. Топорова, исследовательница древнеисландской модели мира, писала, что категории пространства и времени в силу своей универсальности и всеобъемлющего характера «формируют пределы, в которых разворачивается человеческая жизнь», тем самым они определяют все остальные категории, связанные с антропоцентрической сферой: судьбу, право, социальное устройство [Топорова 1994, 75]. Согласно мифологической модели мира границы своего рода пространственных кругов концентрически расходятся от человека: ближний круг — сам человек, следующий — дом [Маслова 2004, 82]. Мотив дома является значимым в бесчисленном количестве литературных произведений с древних времен до современности, Ю.М. Лотман писал об универсальности этого мотива, возводя его появление к фольклору, для которого характерно также противопоставление дома как пространства «своего, безопасного, культурного, охраняемого покровительственными богами пространства» «антидому» — «чужому, дьявольскому пространству, месту временной смерти, попадание в которое равносильно путешествию в загробный мир» [Лотман 2000, 315]. В книге «Метафоры, которыми мы живем» пространство дома также рассматривается как метафора вместилища [Лакофф, Джонсон 2004, 54], т.е. это внутреннее ограниченное «помещение», замкнутость которого может быть проницаемой. Домом может быть как собственно жилище, так и город или страна, воспринимаемые как пространство, имеющее границу и подразумевающее возможность нахождения внутри. В современных работах, посвященных образу дома, применяются разные подходы: от исследования мифологемы дома с опорой на труды Е.М. Мелетинского, В.Я. Проппа, В.Н. Топорова, Дж. Кэмпбелла, К.Г. Юнга и других

до концепции П. Нора дома как «места памяти». Эти же методы применимы и к литературе эмиграции.

Далее будет рассмотрено, как в современной боснийской литературе беженцев (*refugee literature*, *Flüchtlingsliteratur*), т.е. в произведениях, написанных беженцами или о них, реализуется мотив дома: 1. Что именно понимается под домом (жилище, родной город, страна); 2. Описывается ли (и как) процесс утраты дома; 3. Возможно ли обретение нового дома; 4. Возможно ли возвращение или восстановление утраченного дома. Материалом для исследования стали сборники рассказов «Дневник переселения» (1993) Дж. Карахасана, «Сараевское Мальборо» (1994) М. Ерговича, относящиеся к «осажденной» литературе¹, и романы «Три одиночества, или Место незавершенных дел» В. Капор (2010) и «Поймать зайца» Л. Басташич (2018), написанные значительно позже.

Для выбранных произведений характерно восприятие дома как расширенного топоса, не ограниченного собственно жилищем, напротив, разрастающегося до масштабов города (Ергович, Карахасан), города и его ближайших окрестностей (Капор) или даже страны (Басташич). Если для Карахасана и Ерговича дом становится пространством разрушающимся — буквально (рушащиеся стены) и метафорически (переход в состояние бездомности, влекущее за собой частичную утрату идентичности), то для Капор это пространство памяти, символ давно утраченного, но необходимого для целостности личности: «Так бывает в родных краях. Он привязывает тебя к себе крепчайшими и тончайшими нитями, если ты настоящий человек. И только здесь ты бываешь сам собой»². В романе Басташич утраченный дом отнюдь не идеализуется, он резко противопоставлен цивилизованному новому *home*: «Номе была наша квартира, наши книги, наша кровать с анатомическими подушками, наш испорченный душ, уточка на плитке в ванной, царапины на паркете. И даже голый мужчина в нашем окне. Номе — это не Босния. Босния — это нечто другое. Ржавый якорь в зассанном море. До сих пор нужно делать прививку от столбняка, хотя прошло столько лет»³.

Очевидно, что дом в осажденной литературе теряет свою защитную функцию, поскольку, понимаемый как конкретное здание или же как город в осаде, сам становится источником опасности. Однако для героини романа «Три одиночества...», вернувшейся в родной Городок, он сохраняет эту функцию, более того, безопасность «своего» пространства начинает распространяться и на ее дочерей, как будто конкретный дом «закреплен» не только за его жильцами, но и за их потомками: «Внизу, на дне долины, две девочки входят в дом и выбегают из него. Им интересно в новом пространстве. Она оставила их в сердце своего детства. Одних. В любом другом месте побоялась бы это сделать. *Здесь они в безопасности*, думает она. *И здесь они дома*»⁴. Метафора сердца представляется чрезвычайно удачной и для данного исследования: в анализируемых произведениях дом в широком понимании может сужаться до конкретного строения, сердца, сердцевины, центра.

Для Карахасана, однако, таким центром становится город Сараево: «Все, что в мире возможно, есть в Сараеве, уменьшенное, сведенное до своей сути,

¹ Обозначение «осажденная» литература предложено в главе «Топос Сараева в “осажденной” литературе: Дж. Карахасан, М. Ергович, К. Заимович» в коллективной монографии «Топос города в синхронии и диахронии: литературная парадигма Центральной и Юго-Восточной Европы» [Шатко 2023] для особой категории художественных текстов, написанных 1) авторами-свидетелями осады, 2) непосредственно во время осады.

² Капор, 115. Пер. В.Н. Соколова.

³ Басташич. Пер. Л.А. Савельевой.

⁴ Капор, 137. Курсив авторский.

но есть, потому что Сараево — центр мира (внешнее всегда содержится во внутреннем)?»⁵. Он сравнивает город-дом с Иерусалимом: «Я бы вынес, что нет воды и электричества, что нечего есть и что холодно, но как вынести, что я остаюсь в своем городе один?! Как будто я верю в единство всего мира, тогда как оно подтверждается только в Иерусалиме? Как мне жить, если мы с Иерусалимом одни, одни, запертые в своих монологах?»⁶. В «Дневнике переселения» Сараево описан как мультикультурный и мультирелигиозный котел, неумолимо этот образ разбивается о реальность войны: разрушаются не только здания, хранители семейных историй и воспоминаний, но и город, открытый и закрытый одновременно. Город-дом Карахасана, таким образом, нарушает восприятие дома как пространства закрытого [Топорков 1995, 168].

Дом разрушается и, в связи с этим, утрачивает еще одну свою основополагающую характеристику — безопасность. Поэтому зачастую, даже если физическое воплощение дома сохранено, он становится утраченным навсегда. Герой Ерговича говорит: «Я верил, что это чудо, что у меня дом и машина после этого сумасшедшего дня и еще более сумасшедшей ночи остались целыми. Но с течением времени я понял, что ничто не спасено, просто еще не пришло время расставания. Оно должно прийти постепенно, чтобы я ощутил его каждой своей клеткой, до тех пор пока не пойму, что в этом городе, кроме убитых и разорванных на куски людей, разрушенных зданий и позабытого детства, мне не принадлежит ничего...»⁷. Восприятие пространства как «своего» связано в том числе с безопасностью, ее отсутствие может превратить дом не просто в «чужое» пространство (не-дом), но даже и во враждебное («Лет на сто старше, чем был еще месяц назад, он вышел из дома...»⁸, «сараевский ад»⁹), в антидом.

Процесс утраты дома наиболее подробно и ярко представлен в сборнике «Сараевское Мальборо», многие герои рассказов покидают город, как будто понимая, что это нечто гораздо большее, нежели просто перемещение в пространстве: «От одной страны, мечтаний и планов ее людей и бесчисленных боснийских миров осталось настолько мало, что и самые упрямые захотели спасти головы, хотя и не знали, что с ней потом делать»¹⁰, «Город остался где-то за спиной, ужасающе недостижимый, а перед Юришичами открылся неосаженный мир», «Сараево там же, где был, но нас больше нет»¹¹. Если Ергович показывает процесс утраты дома через образы обычных людей, вынужденных бежать из осажденного города, то Карахасан описывает собственный опыт такого переживания и его более позднюю рефлексию: «Тогда я об этом не думал [...], потому что нужно было убирать битое стекло из оконных рам, но теперь, когда я записываю некоторые образы, отягощающие мою память, я готов поклясться, что именно тогда, когда я впервые осознал, как красиво мое здание в Мариндворе [район в Сараеве], осознание того, что я прощаюсь со своим домом, проникло в меня и буквально причинило мне боль. Раньше я его узнавал, теперь вижу; раньше я жил в нем, и теперь я его чувствую и люблю, это значит, что я с ним прощаюсь, это значит, что он становится памятью, потому что мы обретаем полную ценность всего, с чем сталкиваемся, только когда то, с чем

⁵ Karahasan, 8. Здесь и далее перевод мой. — Е.Ш.

⁶ Karahasan, 59.

⁷ Jergović, 25. Здесь и далее перевод мой. — Е.Ш.

⁸ Ibid., 20.

⁹ Ibid., 36.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid., 113.

мы столкнулись, переходит из этого мира в память»¹². Дом, таким образом, перестает быть местом действия, убежищем, перестает быть противопоставленным окружающему миру, исчезает из реального пространства, оставаясь пространством памяти, более того — переносится в пространство памяти, становится призрачным, иллюзорным и недостижимым.

Интересно, что в выбранных произведениях, относящихся к литературе беженцев, встречаются и персонажи, не покинувшие дом, и соответственно, как будто не пережившие его утрату. В рассказе «Могила» («Сараевское Мальборо») герой в разговоре с американским журналистом на вопрос, почему он остался в Сараеве, отвечает: «я тут не остался, я тут родился». Однако осада города не проходит для него бесследно: в планах боснийца нет жизни, он все же именно *остался* здесь, чтобы быть похороненным на одном из сараевских кладбищ, откуда открывается вид на весь город, а не в Америке, где «мертвецы выстраиваются, как военные, — строим»¹³. В романе «Три одиночества...» герой «испугался пустоты наступающих лет. Тишина, сотканная из минувшего убежище от беспокойного мира, вдруг показалась ему клеткой, стеклянной (он видел мир, но не участвовал в его жизни), из которой надо выбраться хоть на мгновение, но не получалось. Навалилось на него собственное сознание, и был он уже мертв, ибо понял, что играть и не играть суть одно и то же»¹⁴. В обоих приведенных примерах дом трансформируется, навсегда теряя витальность, застывая во времени и заставляя героя перестать жить и начать ждать смерти в, по сути, уже отмершем пространстве — пространстве не-дома, ложного дома, сохраняющего лишь внешние признаки утраченного.

Если, оставаясь в искореженном войной пространстве, герои оказываются зажатými в ложном доме, то покинувшие это пространство персонажи стремятся (вос)создать новый дом. Ергович в рассказе «Боснийский котел» прямо заявляет, что «в Загребе было невозможно реконструировать утраченный мир мечтаний. Планы в местных кофейнях казались пустыми и натянутыми и становились ложью еще до того, как их произнесут»¹⁵. Яркой метафорой невозможности обретения дома становятся безуспешные поиски боснийского котла, особой формы посуды для приготовления одноименного блюда: такой глиняный котел не купить в Загребе, да и в Сараеве он не продается, он просто есть в каждом доме. В романе «Три одиночества...» героиня также признается, что за долгие годы в эмиграции так и не обрела новый дом: «Карл раздергивал шторы и позволял свету орошать все части их дома. *Дома* — думала она. “Дом бывает только один. Дом — это Городок”, — говорила она ему»¹⁶. По ее мнению, беженцы делятся на тех, «кто со стеснением и неохотно признается в обществе, откуда ты родом», и тех, кто сообщает о своей родине «с гордостью»¹⁷. Первые «заглатывают малую родину, как змея жабу, и *выдумывают* себе новую!»¹⁸. Вторых всю жизнь терзает желание вернуться («лихорадка, которая время от времени охватывала ее и очень часто делавшей ее безумной. Несчастной. Незавершенной»¹⁹). И те, и другие оказываются в пространстве не-дома, вымышленного или же раздираемого тоской по утраченному исконному дому. Басташич в

¹² Karahasan, 26.

¹³ Jergović, 71.

¹⁴ Kanop, 22.

¹⁵ Jergović, 36.

¹⁶ Kanop, 100.

¹⁷ Там же, 115–116.

¹⁸ Там же, 116.

¹⁹ Там же, 103.

романе «Поймать зайца» вкладывает в уста главной героини неутешительная мысль: «люди, которые слишком часто переселяются, теряют чувство дома»²⁰, лишая ее возможности обрести даже иллюзию «своего» пространства.

Если же обрести новый дом представляется невозможным, то есть ли шанс вернуться? Для осажденной литературы ответ однозначный — нет. Город-дом разрушен, изменен до неузнаваемости, покинут, безвозвратно утрачен [Шатько 2023, 202–222]. Капор же дает на этот вопрос несколько ответов: выше приведен пример трансформации дома в не-дом для не покинувшего разрушающийся Городок героя, другой вариант, предлагаемый автором, — возвращение героини спустя много лет («Некуда мне больше вернуться. Надо вернуться»²¹). Она возвращается дважды: первый раз, когда «война уже накапливалась под небосводом, и она должна была пережить все беды здесь»²², «первый раз она вернулась, чтобы запереть дом»²³. После войны ее долго не было в Городке, который, однако, «парил у нее перед глазами как фата-моргана, как обетованная вечность и как проклятая долина. Она никогда не говорила о нем. И только непрестанно мечтала о нем»²⁴. Спустя много лет она снова возвращается, подавшись этому внутреннему зову. Сперва пространство прежнего дома не кажется ей своим: отвечая дочерям на вопрос «чье это все?», она говорит «ничье», а затем поправляет себя и присваивает пространство: «Общее. Наше»²⁵. Теперь она уже отпирает дом, и он снова становится частью ее самой: «Она носится по дому по всем направлениям. Распахивает заколоченные окна. В сердце дома, в ее сердце врывается прохлада позднего вечера»²⁶. Возвращение возможно, однако в заново обретенном доме царит особое время: «Ее разрывает между городской вечностью Городка и действительностью, она на мгновение застревает в часах, в которых вечно пересыпается все тот же песок. Как будто кто-то переворачивает их, и она окончательно теряет представление о времени, в котором находится»²⁷; иной характер времени ощущают и ее дочери («Судя по скорости, с которой они носятся, они увлечены новым временем»²⁸). Для героини Капор возвращение домой оказывается не только возможным, но и целительным: «*Это тот миг, о котором я мечтала*, думает она. *Это тот миг...*»²⁹. Обретенное (наконец-то!) спокойствие и умиротворение становится финальным аккордом романа, что позволяет предположить, что для героини возвращение становится преодолением травмы. В пользу этого предположения говорит и то, что остается неизвестным, надолго ли героиня вернулась, вероятно, это неважно. Важнее исцеление от многолетней лихорадки.

В центре романа «Поймать зайца» — возвращение героини домой. Ею движет та же лихорадочная тоска, что и героиней «Трех одиночеств...», несмотря на не самые лестные описания родины, приведенные выше. «Зачем тебе ехать домой?» Неме. У меня были готовы ответы. Я представила ему [парню] абсолютно убедительный рассказ о великолепной возможности повидаться с матерью, привести в порядок кое-какие документы, забрать оставшиеся пластинки,

²⁰ Басташич.

²¹ Капор, 101.

²² Там же, 88.

²³ Там же, 90.

²⁴ Там же, 94.

²⁵ Там же, 129.

²⁶ Там же, 128.

²⁷ Там же, 86.

²⁸ Там же, 137.

²⁹ Там же, 138.

рассказ о школьной подруге и ее брате, который, похоже, в Вене, [...], рассказ о дешевых авиабилетах и о том, как мне всегда хотелось увидеть Мостар, какой это отличный тайминг, рассказ обо всем и ни о чем. Мне показалось на мгновение, что он поймет, в чем дело, увидит дыры в моем неуклюжем коде, что он мне скажет, что об этом не может быть и речи»³⁰. Путешествие оказывается сложным, наполненным болезненными столкновениями с осуждением, неприятием ее темы, кто, как ей казалось, имеет схожий с ней опыт, однако годы ее отсутствия создали непреодолимый разлом. Возвращение оказывается возможным лишь географически, «мигрант не может вернуться домой» [Иглтон 2012, 95], то, чего жаждала героиня, недостижимо, как и посещение дома, в котором когда-то жила ее семья: «то, что я обнаружила, оказалось лишь памятником моему дому, обросшему травой, облупленному и забытому»³¹.

В проанализированных художественных текстах, относящихся к литературе беженцев, дом понимается широко (как город, регион или страна, лишь изредка сужаясь до собственно жилища. Образы города-дома или страны-дома характеризуются большей открытостью, нежели то предполагает традиционное восприятие пространства такого типа. Военные действия (описанные в тексте или же оставшиеся за его пределами) лишают пространство дома функций защиты и обеспечения безопасности, превращая его в пространство не-дома и реже — в антидом. Пространство утрачиваемого или уже утраченного дома переносится (или трансформируется) в пространство памяти. Утрата дома переживается героями как травма, выраженная словесно или же описываемая как зияющая пустота, восполнить которую невозможно. Из представленных произведений только в романе «Три одиночества...» травма преодолевается — возвращение домой оказывается терапевтичным.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Басташич Л.* Поймать зайца. М.: Эксмо. 2021. URL: <https://www.litres.ru/book/lana-bastasic/roymat-zayca-65714182/chitat-onlayn/> (дата обращения: 01.03.2025).
Капор В. Три одиночества, или Место незавершенных дел. СПб.: Издательско-Торговый Дом «Скифия», 2017. 144 с.
Karahasan Dž. Dnevnik selidbe. Sarajevo: Connectum, 2010. 102 s.
Jergović M. Sarajevski Marlboro. Podgorica: Nova knjiga, 2016. 144 s.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Иглтон Т.* Идея культуры. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. 192 с.
Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство — СПб, 2000. 704 с.
Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. Минск: ТетраСистемс, 2004. 256 с.
Топорков А.Л. Дом // Славянская мифология: Энциклопедический словарь. М.: Эллис Лак, 1995. 416 с.
Топорова Т.В. Семантическая структура древнегерманской модели мира. М.: Радикс, 1994. 192 с.
Шатко Е.В. Топос Сараева в «осажденной» литературе: Дж. Карахасан, М. Ергович, К. Заимович // Топос города в синхронии и диахронии: литературная парадигма Центральной и Юго-Восточной Европы. Коллективная монография / отв. ред. Н.Н. Старикова. (Серия «Литература XX века»). М.: Институт славяноведения РАН, 2023. С. 198–228.

Рукопись поступила в редакцию 31.03.2025
Рукопись принята к печати 21.04.2025

³⁰ Басташич.

³¹ Там же.

REFERENCES

- Iglton T. *Ideia kul'tury*. Moscow, Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki Publ., 2012, 192 p. (In Russ.).
Lakoff Dzh., Dzhonson M. *Metafor, kotorymi my zhivem*. Moscow, Jeditorial URSS, 2004, 256 p. (In Russ.).
Lotman Iu.M. *Semiosfera*. St. Petersburg, Iskusstvo – SPB, 2000, 704 p. (In Russ.).
Maslova V.A. *Kognitivnaia lingvistika*. Minsk, TetraSistems, 2004. 256 p. (In Russ.).
Shat'ko Je.V. Topos Sarajeva v «osazhdennoi» literature: Dzh. Karakhasan, M. Jergovich, K. Zaimovich. *Topos goroda v sinkhronii i diakhronii: literaturnaia paradigma Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Jevropy*. Kollektivnaia monografiia, otv. red. N.N. Starikova. (Seriia «Literatura KHKH veka»). Moscow, Institut slavianovedeniia RAN, 2023, pp. 198–228. (In Russ.).
Toporkov A.L. Dom. *Slavianskaia mifologii: Entsiklopedicheskii slovar'*. Moscow, Ellis Lak, 1995, 416 p. (In Russ.).
Toporova T.V. *Semanticheskaia struktura drevnegermanskoi modeli mira*. Moscow, Radiks, 1994, 192 p. (In Russ.).

Received on 31.03.2025

Accepted on 21.04.2025

Информация об авторе:

Шатько Евгения Викторовна
кандидат филологических наук,
научный сотрудник
Институт славяноведения
Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-9467-8987
E-mail: eshatko@gmail.com

Information about the author:

Evgeniia V. Shatko
PhD (Philology),
Sciences Researcher
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-9467-8987
E-mail: eshatko@gmail.com

Славяноведение, 2025, № 4, с. 109–120

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2025, No. 4, pp. 109–120

DOI: 10.31857/S0869544X25040097, EDN: VABXCE

Оригинальная статья / Original Article

«Ведь если я гореть не буду...»:
поэзия травмы Мехмеда Карахюсеинова

© 2025 г. Н.А. Лунькова

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

lunkova_n@mail.ru

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ по проекту 24-28-00403 «Репрезентация и преодоление травматического опыта национального прошлого в литературах Центральной и Юго-Восточной Европы (последняя треть XX – начало XXI вв.)».

Аннотация. В настоящей статье рассматривается антология поэзии «Боль откровения» болгарского поэта турецкого происхождения Мехмеда Карахюсеинова. Предметом исследования выступают специфика и динамика художественного воплощения травмы в указанной книге. В научный оборот впервые вводится литературное наследие Карахюсеинова. Поэт принадлежит к тем жертвам «возродительного процесса» – политики насильственной болгаризации в 1980-е годы, которые открыто выразили свой протест против вмешательства в сферу идентичности национального меньшинства: в феврале 1985 г. он совершил попытку суицида. В поэтике его стихотворений была выявлена симптоматика посттравматического расстройств, и в статье анализируется ее художественное воплощение. Поэзия была для Карахюсеинова своего рода дневником травматизации, способом фиксации собственных реакций на вмешательство в идентичность и возможностью их осмысления. Через разные аспекты психологического состояния лирического героя – носителя автобиографических черт можно увидеть диалектику травмы писателя: хроническое нервное перевозбуждение, испытываемое лирическим героем, сочетается с навязчивыми мыслями, чувством вины за невозможность повлиять на жестокость властей по отношению к членам турецкого национального меньшинства, интрузивными воспоминаниями и отстраненностью, уходом в себя.

Ключевые слова: литература травмы, болгарская поэзия, идентичность, болгарские турки, «возродительный процесс».

Ссылка для цитирования: Лунькова Н.А. «Ведь если я гореть не буду...»: поэзия травмы Мехмеда Карахюсеинова // *Славяноведение*. 2025. № 4. С. 109–120. DOI: 10.31857/S0869544X25040097, EDN: VABXCE

“If I Don’t Burn...”: Poetry of Trauma by Mehmed Karahüseinov

© 2025. Natalia A. Lunkova

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

lunkova_n@mail.ru

The research was conducted with the support of the Russian Science Foundation grant under project 24-28-00403 «Representation and Overcoming of Traumatic Experience of National Pasts in the Literatures of Central and Southeastern Europe (late third of the twentieth – early twenty-first centuries)»

Abstract. This article examines the poetry anthology «The Pain of Revelation» by the Bulgarian poet of Turkish origin Mehmed Karahüseinov. The subject of the study is the specificity and dynamics of the artistic embodiment of trauma in this book. The Karahüseinov’s literary heritage is introduced into scientific circulation for the first time. The poet is one of those victims of the «revival process» – the policy of forced Bulgarianization in the 1980s – who openly expressed their protest against interference in the sphere of identity of a national minority: in February 1985, he attempted a suicide. The symptoms of post-traumatic stress disorder were identified in the poetics of his poems and their artistic embodiment was analyzed. Poetry was a kind of traumatization diary for Karahüseinov, a way of recording his own reactions to interference in identity and an opportunity to understand them. Through various aspects of the psychological state of the lyrical hero – a bearer of autobiographical traits, one can see the dialectic of the writer’s trauma: chronic nervous overexcitement experienced by the lyrical hero is combined with obsessive thoughts, a sense of guilt for the inability to influence the cruelty of the authorities towards members of Turkish national minority, intrusive memories and detachment, withdrawal into himself.

Keywords: literature of trauma, Bulgarian poetry, identity, Bulgarian Turks, «revival process».

For citation: Natalia A. Lunkova. «If I Don’t Burn...»: Poetry of Trauma by Mehmed Karahüseinov // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Science = Slavyanovedenie. 2025. No. 4. P. 109–120. DOI: 10.31857/S0869544X25040097, EDN: VABXCE

В литературе жертв политики насильственной ассимиляции, проводившейся в НРБ в отношении мусульманского населения и получившей название «возродительный процесс», апогей которого пришелся на вторую половину 1980-х годов, нашла отражение как коллективная, так и индивидуальная травма болгарских турок. Репрессивные действия правительства были направлены на создание искусственной моноэтнической модели общества, в связи с чем представители мусульманской общности должны были «возродить» свое болгарское самосознание. Массовая смена арабо-турецких имен на славянские, запрет на ношение национальной одежды, отправление религиозных обрядов, использование турецкого языка – все это представляло собой «вторжение в глубинные, исторически сложившиеся пласты этнопсихологии, внутреннего духовного мира, жизненного уклада, т.е. в те сферы, которые в принципе трудно поддаются разрушающему их внешнему воздействию и регулированию» [Зудинов 1994, 232]. Закономерно, что именно эти стороны принудительной ассимиляции получили наиболее яркое воплощение в художественной литературе жертв «возродительного процесса», представляющей собой, по словам В. Чернокожева, «литературу травматического опыта», «антитоталитарную литературу сопротивления» [Чернокожев 2014].

Настоящая статья продолжает исследование литературы травмы, созданной болгарскими мусульманами, пострадавшими от «возродительного процесса». Ранее в ряде работ уже было уделено внимание общей характеристике поэзии болгарской мусульманской общности 1980-х годов [Лунькова 2021], вопросам взаимосвязи языка и идентичности, нашедшим в ней художественное воплощение [Лунькова 2024]. С опорой на тексты, представленные в антологии «Когда у меня отняли имя. "Возродительный процесс" в 70–80-е гг. XX в. в литературе мусульманских общностей» («Когато ми отнеха името. "Възродителният процес" през 70-те – 80-те години на XX век в литературата на мусульманските общности. София, 2015), было показано, что для этой поэзии характерна мысль об отождествлении способности говорить на родном языке с бытием в мире, язык же для болгарских турок выступает гарантом сохранения национальной идентичности. Поэты – жертвы «возродительного процесса» обращаются к мотивам изгнания, переселения, памяти и забвения, утраты имени, родины, создавая художественный нарратив травмы.

Объектом исследования в данной работе является поэзия Мехмеда Хасанова Карахюсеинова, опубликованная в антологии «Боль откровения» (2015). При жизни Карахюсеинова ограниченным тиражом вышли только два его самиздатовских поэтических сборника «Стерня» (1989), «Импровизатор» (1990), а через девять лет после смерти была представлена книга «Не по нотам» (1999). Предметом исследования выступают специфика и динамика художественного воплощения травмы в указанной антологии. Новизна работы состоит в том, что в научный оборот впервые вводится поэтическое наследие Карахюсеинова¹.

Мехмед Хасанов Карахюсеинов (после насильственной смены имени – Методи Асенов Караханов) (1945–1990) – болгарский поэт, переводчик, художник. Он родился в с. Севар Разградской области, учился в Русской гимназии (София), затем изучал русскую филологию в Велико-Тырновском университете, несколько раз безуспешно пытался поступить в Художественную академию (София). Его отец, Хасан Хюсеинов Карахюсеинов, был литератором, общественным деятелем, членом партии и другом Г. Джагарова, одного из идеологов «возродительного процесса». Он разделял политику партии в отношении турецкого населения и во время ассимиляционной кампании добровольно сменил имя на Асена Караханова Севарски. Мехмед Карахюсеинов, напротив, вошел в историю «возродительного процесса» как человек, решившийся на саможжение в знак протеста против насильственной болгаризации. Узнав о предстоящей смене имен, 2 февраля 1985 г. в кв. Люти Дол в районе Витоша, где у семьи Карахюсеиновых был небольшой дом, поэт облил себя бензином и поджег. Историк Георги Михайлов, родственник поэта, считает, что непубличное место было выбрано специально, чтобы не подвергать опасности своих родных, однако не выразить то, что накопилось в душе, у Карахюсеинова уже не хватило сил². Проезжавший мимо водитель такси, увидев сильно обгоревшего поэта, доставил его в софийскую больницу им. Пирогова. Карахюсеинов, получивший ожог 50 процентов поверхности тела, провел в коме порядка двадцати дней, в это же время, по свидетельству жены поэта, при содействии свекра их имена были заменены на славянские [Кръстев 2015]. В течение последних пяти лет жизни он перенес ряд пластических операций, а также торакальную: его легкие были сильно повреждены из-за случившегося. В 1990 г. Карахюсеинов умер от рака легких, не дожив два месяца до рождения сына.

¹ Все переводы на русский язык (художественный и подстрочник) сделаны автором статьи.

² Николова 2015.

Социальный и биографический контекст, помогающий понять природу травмы, полученной писателем, дает основание предположить, что причинами его серьезного эмоционального стресса были длительное наличие угрозы, посягательств на свободу и права личности, «лечение» от собственной идентичности (отказ от имени, данного при рождении, и т.д.), что в конечном счете привело к суицидальным мыслям и попытке самоубийства. Джудит Герман (чья работа «Травма и исцеление. Последствия насилия от абьюза до политического террора» послужила теоретической основой настоящей статьи), комментируя травматический опыт Хакобо Тимермана, аргентинского политического диссидента, отмечает существенное отличие суицида от потери воли к жизни: «Позиция суицида активна, она сохраняет внутреннее чувство контроля» [Герман 2022, 114]. Мысли находившегося в заключении Тимермана о самоубийстве не противоречат желанию выжить как таковому, так как «желание убить себя в этих экстремальных обстоятельствах» — это «признак сопротивления и гордости» [Герман 2022, 114]. Протест Карахюсеинова тоже можно расценивать как акт неповиновения, «нечто, способное посоперничать с творящимся вокруг насилием» (цит по: [Герман 2022, 114]). Это подтверждает и точка зрения известного болгарского поэта К. Павлова, который в предисловии к книге Карахюсеинова комментирует его поступок следующим образом: «Его самоубийство я воспринимаю как самую благородную форму инстинкта самосохранения — ты уничтожаешь тело, чтобы спасти душу. Я никому не пожелаю такого спасения, но преклоняюсь перед его мужеством. Он сделал это тихо, без геройства. В это время фальшивых героев и показных жестов он доказал нам, что человеческое достоинство выше, чем расчетливая смелость»³.

Для исследования художественного воплощения разных аспектов травмы «возрождающего процесса», вмешательства в структуры как я-идентичности, так и мы-идентичности, было отобрано 84 стихотворения, написанных Карахюсеиновым в период с 1980 г. по 1990 г. и тем или иным образом связанных с повторяющимися, свидетельствующими о травматизации сознания лирического героя мотивами (борьба, горение, одиночество, смерть, бессилие, бессоннице, вина, стыд, оцепенение, нехватка дыхания и др.) и рядом устойчивых образов, в частности образов огня, болота и т.д., с целью доказать, что его поэзия содержит типичные черты нарративов «выживших», людей, страдающих от посттравматического стрессового расстройства (ПТСР). Если исходить из предпосылки, что между литератором, который пережил травму и затем облекает ее в художественные формы, и пациентом, повествующим о произошедших с ним травматических событиях, есть параллели [Клайн 2017], то взгляд на поэзию Карахюсеинова с такой точки зрения представляется оправданным. Л. Клайн, изучая в этом русле «Колымские рассказы» В. Шаламова, обращает внимание на то, что «само решение передать собственный опыт в художественной прозе может быть обусловлено травмой, поскольку технические и эстетические требования, которые налагает литература, служат неким барьером между автором и трагическим материалом» [Клайн 2017].

В своем творчестве 1980-х годов Карахюсеинов запечатлевает еще не обработанную травму «возрождающего процесса», поэзия становится для него своего рода дневником травматизации, фиксацией собственных реакций на вмешательство в идентичность, помогает увидеть разные аспекты психологического состояния лирического героя — носителя автобиографических черт. С опорой на указанную ранее работу Дж. Герман была изучена динамика проявления последствий травматизации сознания, которая нашла художественное

³ Карахюсеинов, 10.

воплощение в поэзии Карахюсеинова. Согласно Герман, симптомы образуют три группы: 1) перевозбуждение (постоянное ожидание опасности); 2) интрузия (повторение травмирующих эпизодов, воспоминания о травме); 3) избегание (снижение чувствительности, отстраненность, «реакция психического онемения и капитуляции» [Герман 2022, 55]). Характерной чертой посттравматического синдрома является «диалектика противоположных психологических состояний» [Там же, 69], травмированный человек «оказывается между двумя крайностями: амнезией и переживанием травмы заново; между наводнением сильных чувств и состоянием полной нечувствительности; между раздражительным импульсивным действием и полным его подавлением» [Там же, 70]. Артикуляция же травмы становится необходимой, поскольку имеет терапевтическую функцию и, «даже если не приводит к излечению», все равно «способствует переходу от некритического проигрывания, когда прошлое воспроизводится неконтролируемо, оживает и возвращается, словно призрак, — к рефлексивной проработке, своего рода дифференциации времени, осознанию дистанции между прошлым и настоящим» [Адельгейм 2018, 12].

Поэзия Карахюсеинова 1960–1970-х годов — это в первую очередь любовная и философская лирика. Уже в раннем стихотворении «Человек» (1966) им было сформулировано понимание специфики собственной идентичности: борьба противоположностей, сосуществование в душе лирического героя жалости и злобы, глупости и ума дает ему возможность прийти к выводу, что он «просто человек. И слава богу...»⁴. Для художественного мира поэта в целом имеют значение не религиозные, национальные, а аксиологические координаты. Прекрасно владевший болгарским языком Карахюсеинов был настоящим человеком искусства⁵, и высшей ценностью он признавал не национальную, партийную или какую-то иную принадлежность, а человека как такового, его права и свободы⁶. В отличие от многих других болгарских писателей турецкого происхождения (С. Байрамёза, А. Мехмеда, И. Камбероглу, О. Азиза и др.) Карахюсеинов нигде не ставит акцент на своей этнической принадлежности (исключение во всем творчестве — стихотворение «Надежда стонет» (1986): «Шушуканье слышно здесь и там: / «Что это турок-то написал! / Это в пунктах нашего договора не предусмотрено! / Он не хочет молиться в нашем роскошном храме!»⁷), не разделяет людей на своих и чужих с точки зрения национальности или вероисповедания. Примером тому служит стихотворение «За родину» (1980). В нем подчеркнута решимость отдать жизнь за отечество, за «любимую, за нелюбимую / за брата и побратима, / за чужих родителей старых»:

Я не жажду воскресения,
не ищу Голгофу.
Я готов погибнуть
за эту родину —
жизнь⁸.

⁴ Там же, 49.

⁵ Николова 2024.

⁶ Изучая «альтернативный канон» болгарской поэзии периода 1960–1990-х годов, Пламен Дойнов обращает внимание на то, что в этих текстах «вместо героического человека социализма в центре находится маленький, несовершенный человек [...] социалистический гуманизм был подорван надклассовым, всеобщим гуманизмом, полностью отрицающим насилие, отстаивающим неприкосновенность человеческого» [Дойнов 2012, 23].

⁷ Карахюсеинов, 86.

⁸ Там же, 80.

В лирике этого периода нет ощущения безысходности, призывов к борьбе, но есть попытки осмысления своего места в мире, переживание разлуки и ожидание встречи с возлюбленной. Однако начиная с 1982 г. устойчивым психологическим состоянием лирического героя становится тревога, ощущение постоянной опасности, он страдает от бессонницы («Я проснулся / Сна ни в одном глазу. / Лиловая ночь безмолвна за окном / Сердце мое прислушивается к вам... [...] Что случилось?!»⁹; «Всю ночь не спокойно — / Бушевал южный ветер... / У меня кружится голова, / бешено колотится сердце»¹⁰; «От бессонницы у меня уже нервный тик / Ночь открывает свои шлюзы»¹¹). «И вливают в наш сок / заразу обмана / и начинаются целенаправленно укоры, / оправдания, замалчивание... / И тают безвозвратно ненужные откровения», — так лирический герой описывает происходящее перемены, царящее вокруг разобщение людей («Нас разделяет страх, / вот мое слово!»¹²). Возникает образ «зловещей гусеницы», пожирающей молодые побеги, еще не успевшие расцвести бутоны. Чтобы не «отравил обман», «не коснулась злоба» и чтобы «прощать какие-то компромиссы в бою», лирический герой, охваченный жаром, просит «кусочек льда» вместо подушки, и «дождь, иль град, иль снег»¹³ в качестве одеяла. Эти примеры свидетельствуют о явном перевозбуждении, и такова реакция поэта на начавшуюся травматизацию мы-идентичности, пробудившую в нем чувство постоянного беспокойства: именно в начале 1980-х годов болгарское правительство усилило политическое давление на представителей национальных меньшинств. «Насильственная смена имен турок осуществлялась в ходе масштабной и стремительной кампании, которой предшествовала тщательная подготовка, — пишет Е.Л. Валева. — Прелюдией к тотальной смене традиционных имен можно считать “восстановление” имен болгар, рожденных в смешанных браках; детей, рожденных в таких браках, с 1982 г. следовало регистрировать только под болгарскими именами» [Валева 2013, 295]. Исследовательница характеризует атмосферу этого времени как «общий климат недоверия, тревожных слухов и опасений» [Там же, 295].

Судя по изменениям в мотивной структуре поэзии Карахюсеинова, он остро реагирует на гнетущую атмосферу, предшествующую массовой акции по смене имен, и случайно в 1983 г. появляется несколько стихотворений с лейтмотивом смерти («Смерть уже так зрима / сквозь несколько банальных стихов / сквозь несколько / речитативов...»¹⁴; «Деревья, / застывшие в мертвенном спазме, / не колышутся»¹⁵ и др.), лирический герой чувствует бессилие, нехватку дыхания («...я слаб, я слаб. / У меня нет слов, нет красок, / меня не слушаются струны»¹⁶). В этот же период он пишет знаковое стихотворение «Винный» (1983), где лирический герой испытывает чувство вины не за конкретное, совершенное им самим действие, а за несправедливость по отношению к другим. «Чувство вины, — как отмечает Герман, — бывает особенно обостренным, когда пострадавшие были свидетелями мучений или смерти других людей» [Герман 2022, 77]. Синтаксис каждой строфы, построенной как сложное предложение с несколькими однородными придаточными, в которых

⁹ Там же, 30.

¹⁰ Там же, 65.

¹¹ Там же, 100.

¹² Там же, 99.

¹³ Там же, 102.

¹⁴ Там же, 69.

¹⁵ Там же, 70.

¹⁶ Там же, 68.

перечислены случаи вины героя, а также повтор местоимения «я» в конце второй и третьей строф подчеркивают нарастающее эмоциональное напряжение. Лирический герой корит себя за то, что не смог предотвратить повсеместное нарушение нравственных норм (что априори невозможно). Тем не менее такая вина, убежденность в том, что он несет ответственность за случившееся, выступает и своего рода защитой, противопоставленной чувству беспомощности:

Если кто-то что-то украл,
если кто-то упал,
если кого заковали в оковы,
то я виновен.
Если кто болен,
если где-то кто погибает
или в тиши умирает,
то я, я виновен.
Если кто ненавистью пропитан,
если подлец помазан миром,
если в ком-то нет ни к кому любви,
если живы на земле ханжи,
если мерзавец не остановлен,
то я, я, я виновен!¹⁷

Начиная с 1984 г., накануне насильственной акции по переименованию, в результате которой более 800 тыс. человек были лишены данного при рождении имени, в поэзии Карахюсеинова, помимо уже отмеченного выше состояния перевозбуждения («Шипит агитация. / Мы бежим, бежим, бежим... / Без конца и начала. / В наших глазах — гнев и усталость, / на душе — клятва и разлука, / раскаленные до бела, / до бела!»¹⁸), можно обнаружить желание и необходимость борьбы («Самоубийственно живем. / Нам больно, но мы делаем шаг — / мы должны преодолеть / невыносимые мучения, / которые хотят нас раздавить. / [...] сквозь равнодушие и злобу / мы поседем свою любовь»¹⁹). В то же время наблюдается и противоположное, характерное для травмированного сознания желание уединения и изоляции. Лирический герой, обращаясь к своей возлюбленной, признается: «Я закрыл все четыре двери, / посеял доверие, пожал обман. / [...] Я закрылся в четырех стенах»²⁰. Он считает, что принесет ей боль, но лишь возлюбленная способна вернуть его к жизни: «Я погружаюсь в ад — / твои глаза меня спасают. / Из-за меня ты не должна страдать, / а именно для тебя я опасен... / [...] испепели меня и возрождай меня!»²¹. «Не в силах спасти ее от хулы», лирический герой говорит возлюбленной, что «узел дней затягивается»²², и уже в написанном в январе 1985 г., незадолго до попытки самоубийства, стихотворении «Прощай» звучат мотивы расставания и благодарности: «Прощай, любовь! / Ты сделала все, что смогла»²³.

О подавленном состоянии Карахюсеинова, ощущении надвигающейся катастрофы накануне случившегося 2-го февраля свидетельствуют слова его дочери

¹⁷ Там же, 103.

¹⁸ Там же, 105.

¹⁹ Там же, 104.

²⁰ Там же, 35.

²¹ Там же, 36.

²² Там же, 37.

²³ Там же, 38.

Севары: «Я помню еще кое-что — ту песню Высоцкого про коней, которые несутся к пропасти. Незадолго до самоподжога он постоянно слушал ее на граммофоне. Меня пробирает дрожь, когда я вспоминаю и портрет Назыма Хикмета, висевший в комнате. На этом портрете его лицо было объято огнем, и он горел. Я умирала от страха. И сейчас мне страшно. Это, с этим портретом, не было случайностью» [Кръстев 2015]. Д. Атанасов полагает, что в целом влияние Высоцкого, такого же «искренного, прямого, рискнувшего быть демократом в таких условиях, когда инакомыслие было страшно в экзистенциальном смысле» [Атанасов 2024], на поэтику произведений Карахюсеинова было ощутимым. Неслучайно и написанное по случаю его смерти стихотворение «О трубадурах» (1980), где есть знаковый для Карахюсеинова образ свободного творца:

Памяти В. Высоцкого

Уходят мужчины с гитарами,
в шторм ныряльщики —
за целую жизнь до старости...
С гневными, нежными аккордами,
с недопетыми куплетами,
с песнями страстными, невеселыми,
не носившие ничей намордник,
влюбленные, изумленные...
И в последний раз тронувшие струны,
в первый раз обогнавшие,
укротившие ураганы,
уходят в авангарде,
обнимая свои гитары,
самые чудные, себя отдающие,
безрассудные...

Уходят от нас трубадуры²⁴.

По воспоминаниям родных, над письменным столом Карахюсеинова висело несколько цитат: одна из них была из стихотворения «Как Керем» Н. Хикмета, турецкого писателя-коммуниста, который, как известно, подвергся репрессиям за свои политические убеждения. В словах Хикмета был близкий мироощущению Карахюсеинова призыв к борьбе и неизбежному самопожертвованию:

Ведь если я гореть не буду,
если ты гореть не будешь,
если мы гореть не будем,
так кто же здесь рассеет тьму?²⁵

Как уже говорилось выше, суицидальное поведение поэта свидетельствует о его сопротивлении тоталитарному режиму, осуществлявшему беспрецедентное вмешательство в жизнь национальных меньшинств. «Его самоубийство, — убежден К. Павлов, — не патология, а крайнее отрицание патологии. Потому что мы жили в системе, где законы физического спасения диктовали отказ не только от имени и рода, но и от собственной личности. Для одних это было приемлемо, для других мучительно, а для третьих...»²⁶. Именно желание

²⁴ Там же, 79.

²⁵ Хикмет, 75. Пер. Л. Мартынова.

²⁶ Карахюсеинов, 10.

«рассеять тьму» подтолкнуло Карахюсеинова к столь отчаянному поступку, в результате которого он чудом остался жив.

В поэзии Карахюсеинова после попытки суицида можно выделить несколько основных тенденций: 1) чередование интрузивных мыслей и избегания, мотивов борьбы и апатии, стыда, бессилия; 2) ощущение разрыва связей (мотив одиночества), усиление критики власти; 3) мотив смерти становится определяющим в последний период творчества (1989–1990). Самым показательным стихотворением – негативной интрузией, вызванной ПТСР, является стихотворение «Пожар» (1989), где лирический герой вновь восстанавливает в памяти картину произошедшего, а также в финале домысливает картину собственных похорон, обращаясь с просьбой положить на его могилу белую розу, что можно рассматривать как десенсибилизацию, преодоление страха смерти:

Горит в груди моей! Горю, горю...
И это не во сне, а наяву.
Как дерево, расколотое молнией
в лесу родном, в огне
я погибаю.
Горит в груди моей!
Горю, горю...
Горят остатки моего терпенья.
Поток прозрачный правду обнажает,
А в мутной только сети расставляют.
Горит в груди моей! Вода горит.
Горят и демагоги-виртуозы.
Не умирает за свободу крик!
И на моей могиле
Пусть белеет роза²⁷.

Состояние отчуждения («Тревога гнездится в нас, / потому что мы прокляты / не быть похожими, / ни на кого не быть похожими...»²⁸; «Одиночество царит и в трамвае – / никто никого не знает»²⁹) не исключает того, что лирический герой призывает построить «мир без кланов и каст», «не позволив тоске»³⁰ заставить молчать, отказаться от своей мечты. Он убежден, что рождающееся «в утробе ночи» солнце призвано не ослеплять его, а позволять ему видеть³¹. Чувство отстраненности, апатии приводит к изменению ощущения времени и пространства («Уменьшилось, уменьшилось пространство / до расстояния одной руки. / Я стою на грани пьянства, / на грани смерти»³²), лирический герой сравнивает себя с комнатным цветком, так как ограничен локусом квартиры из-за серьезных проблем со здоровьем («Напал снег, а я стою на балконе как умолкнувшая песня / [...] Красивая зима, а я не могу дышать»³³). Диалектика травмы свидетельствует о том, что, с одной стороны, лирический герой, видя поблекший триколор, стыдится того, что «долгие годы властвует позор»³⁴, сравнивает жизнь с болотом³⁵ и не знает, будет ли в конечном счете

²⁷ Там же, 145.

²⁸ Там же, 134.

²⁹ Там же, 74.

³⁰ Там же, 92.

³¹ Там же, 93.

³² Там же, 117.

³³ Там же, 116.

³⁴ Там же, 136.

³⁵ Там же, 135.

свет, а с другой — исполнен оптимизма и верит, что пройдет «кошмарная ночь» и что они снова «с побратимами будут делить хлеб и воду»³⁶. Все эти примеры доказывают, что «ужас травмирующего события усиливает потребность в защищающих привязанностях. Поэтому человек с травмирующим опытом часто чередует самоизоляцию и тревожное цепляние за других» [Герман 2022, 80]. Внимание к мотиву смерти продиктовано в числе прочего разрывом человеческих связей, мыслями о том, что травмированному нет места среди живых, его место среди мертвых:

Хорошие уходят незаметно,
без шестивий траурных,
без длинных монологов...

Хорошие уходят незаметно —
Об имени не беспокоясь.
Они глоток воды,
когда устали мы;
хлеба корка,
когда умираем от голода...
Они холод руки
на больные лбы,
они тепло души,
когда мы объаты холодом...

Хорошие уходят незаметно —
тихо,
чтоб нас не тревожить,
но долго после смерти их
нас совесть гложет³⁷.

К. Павлов назвал стихотворения Карахюсеинова «порождением агонии, продолжавшейся несколько лет»³⁸, они стали нарративом отверженного, испытывавшего травму как я-идентичности, так и мы-идентичности, пострадавшего и психологически, и физически. Важно подчеркнуть, что негативные симптомы посттравматического расстройства, выявленные в анализируемых стихотворениях, не являются чертами характера самого литератора. Алина Караханова вспоминает своего дядю как большого шутника, который много смеялся и с которым можно было говорить обо всем на свете. По ее словам, «у него был потенциал, он мог достичь гораздо большего»³⁹. Последнее же опубликованное в антологии стихотворение датировано 1 января 1990 г. и, хоть и называется «Тревога», фиксирует в последней строфе уже не беспокойство, а крайнюю степень безнадежности и отчаяния травмированного человека, которому не дали воплотить свои мечты в жизнь:

Сейчас я все, в чем не нуждаюсь,
Я затихаю, как старый рефрен.
То, что я испытал, была чужая
Любовь, самозабвение и тлен⁴⁰.

³⁶ Там же, 137.

³⁷ Там же, 140.

³⁸ Там же, 10.

³⁹ Николова 2024.

⁴⁰ Карахюсеинов, 149.

Изучение поэтики «Боли откровения» дает возможность проследить динамику симптомов ПТСР, нашедших художественное воплощение в поэзии Карахюсеинова, где хроническое нервное перевозбуждение сочетается с навязчивыми мыслями, чувством вины за невозможность повлиять на жестокость по отношению к членам его национального меньшинства, интрузивными воспоминаниями и уходом в себя. Испытанный психологический стресс в ходе «возродительного процесса» привел поэта к суицидальным мыслям, его самоповреждение стало формой протеста против насильственного вмешательства в сферу идентичности, против подчинения тоталитарному контролю со стороны государства. Тем не менее обращает на себя внимание отсутствие в его лирике желания мести на национальной почве, в ней нет противопоставления христианского / мусульманского, болгарского / турецкого миров, характерного для других болгарских поэтов турецкого происхождения. Лирический герой Карахюсеинова – «просто человек», который до конца верен своим принципам, готов бороться с несправедливостью ради мира и любви, но у которого из-за нанесенной ему травмы идентичности не хватает на это сил.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

НРБ – Народная Республика Болгария

ПТСР – посттравматическое стрессовое расстройство

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Карахюсеинов М. Болката на откровението. София: Фондация «Мехмед Карахюсеинов – Мето», 2015. 160 с.

Николова Цв. Мехмед Карахюсеинов и «Болката на откровението» // Bnr.bg. 17.11.2015. URL: <https://bnr.bg/ru/post/100626987/mehmed-karahuseinov-i-bolkata-na-otkrovenieto> (дата обращения: 04.03.2025)

Николова Цв. Спомен за Мехмед Карахюсеинов-Мето // Bnr.bg. 14.02.2024. URL: <https://bnr.bg/hrisbottev/post/101949063> (дата обращения: 04.03.2025)

Хикмет Н. Избранное в 2 т. М.: Художественная литература, 1987. Т. 1: Стихи, поэмы. 525 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Адельгейм И.Е. Психология поэтики: аутопсихотерапевтические функции художественного текста (на материале польской прозы 1990–2010-х гг.). М.: Индрик, 2018. 648 с.

Атанасов Д. Портрет на поета Мехмед Карахюсеинов // Dimitaratanassov.wordpress.com. 02.02.2024 URL: <https://dimitaratanassov.wordpress.com/2024/02/02/port-mehmed-karahuseinov> (дата обращения: 04.03.2025)

Валева Е.Л. Государственная политика Болгарии в отношении турецкой этнической общности (1980–е гг.) // Славянский альманах. 2013. М., 2014. С. 292–308.

Герман Дж. Травма и исцеление. Последствия насилия от абьюза до политического террора. М.: Эксмо, 2022. 400 с.

Дойнов Пл. Алтернативният канон: Поетите. София: Нов български университет, 2012. 408 с.

Зудинов Ю.Ф. «Мусульманский фактор» в жизни болгарского общества // Очаги тревоги в Восточной Европе (Драма национальных противоречий) / редкол.: В.Н. Виноградов, Т.М. Исламов, Ю.С. Новопашин. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1994. С. 215–247.

Клайн Л. Правда травмы: «Колымские рассказы» Варлама Шаламова сквозь призму нарративной психологии // Shalamov.ru. 2017. URL: <https://shalamov.ru/research/405/> (дата обращения: 04.03.2025)

Кръстев Цв. Поетът и огънят // Standartnews.com. 13.11.2015. URL: https://www.standartnews.com/kultura/poetat_i_oganyat_-309904.html (дата обращения: 04.03.2025)

Лунькова Н.А. «Мой голос арестовали на улице»: поэзия болгарской мусульманской общности 1980-х гг. // Литература в социокультурном пространстве современной Центральной и Юго-Восточной Европы: аксиологический дискурс. К 90-летию Галины Яковлевны Ильиной (по материалам III Хоревских чтений) / отв. ред. И.Е. Адельгейм. М.: Институт славяноведения РАН, 2021. С. 266–281.

- Лунькова Н.А. Язык и идентичность: о языковой политике НРБ и поэзии жертв «возродительного процесса» // Национальная картина мира в литературах Центральной и Юго-Восточной Европы. К 90-летию В.А. Хорева (по материалам IV Хоревских чтений) / отв. ред. И.Е. Адельгейм. М.: Институт славяноведения РАН, 2024. С. 365–389.
- Чернокозев В. Българската антиотолитарна литература през 60-те – 80-те години на XX век // Дзялото. Год. II. 2014. Бр. 2. URL: <https://www.abcdar.com/docs/magazine/2/Chernokozhev.pdf> (дата обращения: 25.02.2025).

Рукопись поступила в редакцию 31.03.2025

Рукопись принята к печати 15.04.2025

REFERENCES

- Adelgejm I.E. *Psikhologiya poetiki: autopsikhoterapevticheskiye funktsii khudozhestvennogo teksta (na materiale pol'skoiprozy 1990–2010-kh gg.)*. Moscow, Indrik Publ., 2018, 648 p. (In Russ.)
- Atanasov D. Portret na poeta Mehmed Karahuseinov. *Dimitaratanassov.wordpress.com*. 02.02.2024. Available at: <https://dimitaratanassov.wordpress.com/2024/02/02/port-mehmed-karahuseinov> (accessed: 04.03.2025). (In Bulg.)
- Chernokozhev V. Bŭlgarskata antitotalitarna literatura prez 60-te – 80-te godini na XX vek. *Dzialoto*, 2014, vol. 2, no. 2. Available at: <https://www.abcdar.com/docs/magazine/2/Chernokozhev.pdf> (accessed: 25.02.2025). (In Bulg.)
- Dojnov Pl. *Alternativniyat kanon: Poetite*. Sofia, Nov bŭlgarski universitet, 2012, 408 p. (In Bulg.)
- Herman Judith L. (1992). *Trauma and Recovery: The Aftermath of Violence—from Domestic Abuse to Political Terror*. New York, Basic Books, 2015, 326 p. (Russ. Ed.: *German Dzh. Travma i istselenije. Posledstviia nasiliia ot ab'iuza do politicheskogo terrora*. Moscow, Eksmo Publ., 2022, 400 p.)
- Kline Laura A. Pravda travmy: «Kolymskije rasskazy» Varlama Shalamova skvoz' prizmu narrativnoi psikhologii. *Shalakov.ru*. 2017. Available at: <https://shalakov.ru/research/405/> (accessed: 04.03.2025). (In Russ.)
- Krastev D. Poetŭt i ogŭniat. *Standartnews.com*. 13.11.2015. Available at: https://www.standartnews.com/kultura/poetat_i_oganyat_-309904.html (accessed: 04.03.2025). (In Bulg.)
- Lunkova N.A. «Moi golos arestovali na ulitse»: poeziia bolgarskoi musul'manskoi obshchnosti 1980-kh gg. *Literatura v sotsiokul'turnom prostranstve sovremennoi Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Jevropy: aksiologicheskii diskurs. K 90-letiiu Galiny Iakovlevny Il'jinoi (po materialam III Khorevskikh chtenii)*, ed. I.E. Adelgejm. Moscow, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences Publ., 2021, pp. 266–281. (In Russ.)
- Lunkova N.A. Iazyk i identichnost': o iazykovoii politike NRB i poezii zhertv «vozroditel'nogo protsesssa». *Natsional'naia kartina mira v literaturakh Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Jevropy. K 90-letiiu V.A. Khoreva (po materialam IV Khorevskikh chtenii)*, ed. I.E. Adelgejm. Moscow, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences Publ., 2024, pp. 365–389. (In Russ.)
- Valeva E.L. Gosudarstvennaia politika Bolgarii v otnoshenii turetskoi etnicheskoi obshchnosti (1980–je gg.). *Slavianskii al'manakh*, 2013. Moscow, 2014, pp. 292–308. (In Russ.)
- Zudinov Iu.F. «Musul'manskii factor» v zhizni bolgarskogo obshchestva. *Ochagi trevogi v Vostochnoi Jevrope (Drama national'nykh protivorechii)*, eds. V.N. Vinogradov, T.M. Islamov, Iu.S. Novopashin. Moscow, Institute of Slavic and Balkan Studies, Russian Academy of Sciences Publ., 1994, pp. 215–247. (In Russ.)

Received on 31.03.2025

Accepted on 15.04.2025

Информация об авторе:

Information about the author:

Лунькова Наталья Александровна
младший научный сотрудник
Институт славяноведения Российской
академии наук
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-9193-3890
E-mail: lunkova_n@mail.ru

Natalia A. Lunkova
Junior Researcher
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation;
ORCID: 0000-0001-9193-3890
E-mail: lunkova_n@mail.ru

Любовь по-галицийски: из истории интимной повседневности в Галиции в годы Первой мировой войны

© 2025 г. Д.С. Парфиров

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

parfiryeff@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты интимной жизни русских солдат и офицеров в оккупированной Галиции во время Первой мировой войны — сюжета, который пока не удостоился специального изучения. Основу исследования составили, в первую очередь, многочисленные мемуары, дневники и письма — как самих военных, так и галицийских очевидцев оккупации. Показано, что, вопреки риторике ряда мемуаристов и историков, половые связи между местными жительницами и военными во многих случаях были добровольными. Отмечено, что по мере отдаления от городов линии фронта в них распространялась проституция и, как следствие, венерические заболевания. Особенно значительные масштабы эти явления приобрели во Львове — крупнейшем городе Галиции. Специфической чертой Львова на фоне тыловых городов России было то, что многие проститутки мимикрировали под женщин из обеспеченных слоев, чем вводили в заблуждение русских военных.

Ключевые слова: антропология повседневности, Галиция, Первая мировая война, оккупация, проституция, мемуары, дневники.

Ссылка для цитирования: Парфиров Д.С. Любовь по-галицийски: из истории интимной повседневности в Галиции в годы Первой мировой войны // *Славяноведение*. 2025. № 4. С. 121–131. DOI: 10.31857/S0869544X25040103, EDN: VAJIFC

Love the Galician Way: Intimate Aspects in the History of Everyday Life in Galicia During the First World War

© 2025. Dmitrii S. Parfirov

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

parfiryeff@yandex.ru

Abstract. The article examines some aspects of sexual life of Russian soldiers and officers in occupied Galicia during WWI. There is no special research devoted to this issue. The research is based on wide circle of memoirs, diaries and correspondence of both military men and Galician witnesses of the occupation. It is shown that, in

contrast with many memoirists and historians' statements, sexual contacts between local women and military men, in many cases, were voluntary. Prostitution and, therefore, venereal diseases had spread in cities far from the front line. The most significant scale of the last ones was observed in L'viv as the biggest city of Galicia. The specific feature of L'viv, in comparison with cities in Russian rear, was that many prostitutes imitated respectable women, misleading Russian military men by this way.

Keywords: Galicia, WWI, occupation, sexual violence, prostitution, memoirs, diaries.

For citation: Dmitrii S. Parfiev. Love the Galician Way: Intimate Aspects in the History of Everyday Life in Galicia During the First World War // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences.* = *Slavyanovedenie.* 2025. No. 4. 121–131. DOI: 10.31857/S0869544X25040103, EDN: VAJIFC

Проблема взаимоотношений между военнослужащими и жительницами прифронтовых или оккупированных территорий в последние годы привлекает все большее внимание историков Первой мировой войны [Cherry 2016; Todd 2017]. Однако авторы многочисленных работ о военной повседневности Галиции – региона Австро-Венгрии, который длительное время контролировался русской армией, почти не уделяют внимание этому сюжету. Так, в недавно защищенной во Львове кандидатской диссертации М.С. Байдак «Женщина в условиях войны в свете повседневных практик (на материалах Галиции 1914–1921 гг.)», в основе которой лежит богатый архивный и газетный материал, тематика интимных отношений между местными жительницами и военными скупо освещается в двух абзацах [Байдак 2018, 71–72]. Между тем, это была неизбежная и закономерная сторона повседневной жизни в оккупации во время Великой войны, ведь население занятых противником территорий было преимущественно женским, а оккупирующую сторону представляли почти исключительно мужчины [Кнежевић 2017, 135].

Историками уже было отмечено, что в годы Первой мировой войны половое поведение русских военнослужащих претерпело серьезную трансформацию, а прифронтовые территории стали пространством особой сексуальной активности, создававшей у сторонних наблюдателей ощущение «массового полового психоза» [Аксенов 2020, 719]. Но Галиция, в отличие от других прифронтовых зон, была не внутренним российским регионом, а территорией, перешедшей под контроль вражеской армии. Осенью 1914 – весной 1915 г. русские войска занимали всю восточную часть Галиции и постепенно овладевали западными районами провинции. Административный центр региона, Львов, был крупнейшим из городов противника, оккупированных русской армией в годы войны. В настоящей статье предпринята попытка выявить специфику сексуальной повседневности русских военных в Галиции, сосредоточившись на трех аспектах – связях с местными жительницами на добровольных началах, проституции и тесно связанных с этим явлением венерических заболеваний. Сами жительницы Галиции почти не оставили воспоминаний о взаимоотношениях с русскими военнослужащими [Байдак 2018, 72], что вынуждает опираться на отрывочные сведения из широкого спектра разнородных материалов, в основном на дневники, корреспонденцию и мемуары очевидцев оккупации – как побывавших в Галиции военных, так и местных жителей. Важно отметить, что доступные свидетельства отражают преимущественно мужской взгляд на ситуацию.

Русские офицеры и солдаты прибывали в Галицию с разным сексуальным опытом и разными стратегиями полового поведения. Многие офицеры,

которые и до войны практиковали внебрачные связи и прибегали к услугам проституток, с самого начала были более настроены на любовные приключения, чем нижние чины, но в то же время проявляли избирательность в выборе партнерш. Один из них, передавая приятелю привет от «борцов за свободу Прикарпатской Руси», шутливо писал: «Насаждаем нашу культуру и улучшаем породу», тут же добавляя, что «женщины здесь вообще красивы», хотя и уступают «жемчужинам Петрограда»¹. Взыскательных офицеров не прельщали местные селянки, казавшиеся им «грубыми и неуклюжими» «толстыми бабами»². Солдаты же, в подавляющем большинстве крестьяне, в условиях войны приобрели новые сексуальные представления, у многих наметился разрыв с привычным семейным укладом [Асташов 2014, 639]. Одному из мемуаристов, воевавших в Галиции, некий молодой казак простодушно признавался, что на войне «на бабу охота пуше, чем дома»³. Если в мирное время изнасилования были редкостью в казачьих районах [Годовова 2020, 373], то во время оккупации именно казаков чаще всего обвиняли в сексуальном насилии [Nizińska 2018, 216]. Командование с самого начала пыталось ограничить сексуальную активность своих подопечных: один из первых запретов, объявленных губернатором М.А. Мельниковым 22 августа для населения занятых районов Галиции, касался распространения материалов «порнографического содержания»⁴ (порнографические открытки были широко распространены в солдатской среде [Асташов 2014, 626]).

В Первую мировую войну любые проявления жестокости военных в отношении местного населения были более характерны для этапа вторжения, чем для оккупации как таковой [Knežević 2017, 136–137]. Так и в Галиции, если верить мемуаристике, большинство эпизодов изнасилований приходилось на первые дни после занятия населенного пункта, когда он был охвачен стихийными грабежами и мародерством. «Занятие войсками города — это развращение их: начинается грабёж, пьянство, насиливание», — писал в дневнике генерал-майор А.Е. Снесарев⁵. Казаки были самыми активными участниками погромов именно потому, что их части вступали в город или селение первыми; неудивительно, что и в австро-венгерской армии главными насильниками считались кавалеристы-венгры⁶. В городах и местечках сексуальное принуждение наблюдалось чаще, чем в сельской местности. Во-первых, среди городского населения преобладали не близкие по вере и языку русины, а польское и еврейское население. Во-вторых, там было проще найти алкоголь — занятие города всегда сопровождалось разграблением магазинов, складов и кафе. В свидетельствах очевидцев оккупации упоминаются подчас ужасающие эпизоды: в городе Бжостек трех девушек якобы публично изнасиловали в синагоге⁷; в Горлице солдаты надругались над 20-летней девушкой у трупа отца, не пускавшего их в ее спальню⁸; в селе Дидёва повета Турка восемь казаков изнасиловали на дворе французенку-гувернантку⁹. В Самборе, по сведениям львовско-го раввина, после погрома было зафиксировано 46 изнасилованных женщин

¹ РГИА. Ф. 1617. Оп. 1. Д. 757. Л. 82.

² Марков, 348; Снесарев 2012, 101.

³ Войтоловский, 76.

⁴ Regulamin dla ludności 6 powiatów, 1.

⁵ Снесарев 2014, 62.

⁶ Снесарев 2012, 133–134.

⁷ Ан-ский, 20.

⁸ Świeżykowski, 16–17.

⁹ У півстолітніх змаганнях, 286.

[Гольдин 2018, 301], а в Бучаче, по данным собиравшего сведения о погромах в Галиции публициста С.А. Ан-ского (Раппопорта), – несколько сотен местных жителей¹⁰. Эти цифры коррелируют с масштабами убыли населения в Бучачском и Самборском поветах [Рајак 2020, 265–267]. Оценить достоверность конкретных свидетельств и произвести точный подсчет эпизодов изнасилований не представляется возможным: ни российские, ни австро-венгерские власти не производили подобного учета, к тому же многие жители не хотели предавать огласке позорные, по их мнению, случаи¹¹.

Гораздо реже эпизоды изнасилований происходили в селах, где зачастую было нечем поживиться, а вступление войск не перетекало в грабежи и мародерство. Кроме того, сельское население Восточной Галиции, которое говорило на понятном русским солдатам языке и исповедовало христианство восточного обряда, воспринималось ими как «наше»¹². Более того, при разграблении городов солдаты и казаки приглашали жителей окрестных селений в опустевшие магазины и квартиры и предлагали забрать оттуда понравившиеся вещи, а иногда селянки и сами указывали места в городах, где находилось что-то ценное [Рајак 2020, 120]¹³. Перед занятием селения войсками противника женщины часто уходили в лес или прятались в укрытия¹⁴, но тревожные ожидания не всегда оправдывались: «Люди медленно выходили из укрытий, потому что убедились, что москаль – это такие же люди, как и мы, никого не убивают и женщин не насилюют», – вспоминал очевидец оккупации одного из сел¹⁵.

Более того, в селах, занятых русскими войсками, типичной была ситуация, когда привлекательные женщины попадали в поле зрения сразу нескольких солдат и офицеров и благосклонно принимали их ухаживания – такие случаи описывали многие русские военные. «В нашем районе живут 3 “паненки”, в которых чуть ли не все повлюблялись, и теперь из-за них идет забавная вражда между тремя батареями дивизиона, – рассказывал артиллерийский офицер В.А. Бернацкий. – Одна из них – интересная вдовушка, была замужем всего один месяц; муж ее недавно тут же умер от холеры»¹⁶. Офицеры полка, квартировавшего в селении Маркополь неподалеку от Бродов, постоянно проводили время в ухаживаниях за молодой женщиной, чей супруг служил в австро-венгерской армии¹⁷. С.И. Вавилов подметил в дневнике, что все его солдаты-солслуживцы «увиваются» за хозяйкой одной из «халуп» в Ниско – «живой, остроумной, болтливой, недурной» женщиной¹⁸. А.Л. Марков с иронией вспоминал, как прапорщик «Дикой дивизии» Огоев за ужином в доме ксендза весь вечер переглядывался со служанками и «многозначительно покручивал усы», а наутро те провожали его «со следами счастливой любви на лицах»¹⁹. В деревне Лютовиска повета Самбор местная жительница постоянно приходила пообщаться и выпить с компанией гусар, за что была прозвана «гусарской цыганкой»²⁰. Уже после отступления русских войск из Галиции в некоторых райо-

¹⁰ Ан-ский, 20.

¹¹ Там же.

¹² Бігун, 183; Bilovus, 10.

¹³ Wais, 37; Świejkowski, 22–23.

¹⁴ Логаза, 749; Лозовчук, 40; Czuj «Borzecki», 134; Witos, 391.

¹⁵ Курдидик, 353.

¹⁶ Бернацкий, 110.

¹⁷ Оськин, 65–66.

¹⁸ Вавилов, 276.

¹⁹ Марков, 383.

²⁰ Чеславский, 207.

нах единственными, кто ушел вместе с ними, были женщины, последовавшие за солдатами²¹.

В городах тоже находилось место влюбленностям и ухаживаниям. Комментируя стремление русских военных и жителей Львова изучать языки друг друга, автор фельетона в газете «Прикарпатская Русь» иронизировал, что «первыми застрельщиками» в деле взаимного сближения стали именно львовские женщины, для которых иностранные военнослужащие оказались «даже очень галантными кавалерами»²². Житель Львова С. Сроковский с недовольством вспоминал, что при появлении солдат «прекрасный пол в предместьях сразу же одарял их вполне отчетливыми взглядами, которыми, разумеется, тоже не пренебрегали»²³. Другой польский мемуарист написал, что некий русский прапорщик проводил много времени с его сестрой, предлагал ей замужество и сладостями «подкупал» братьев девушки «агитировать только за него»²⁴. Русские военные обзаводились любовницами во Львове и ради них шли на немалые жертвы. Офицер К.Р. Унгерн фон Штернберг настолько увлекся жительницей Львова, что при отступлении русских войск из города спрятался и затем добровольно сдался в плен с намерением получить австро-венгерское подданство²⁵. Другой военнослужащий, прапорщик 69-й артиллерийской бригады, содержал всю семью своей львовской любовницы С. Рехт. Интересно, что из пяти взрослых дочерей главы семейства он выбрал именно Софию — единственную, у которой был ребенок и чей муж, австро-венгерский ротмистр, находился на фронте²⁶. В Тарнове офицер и прапорщик едва не подрались, не поделив местную проститутку по имени Зося. Их сослуживец, разнимая соперников, был ранен в руку и отправился в лазарет²⁷.

Проституция имела широкое распространение в оккупированной Галиции. Чем дальше от того или иного города отходила линия фронта, тем значительнее были масштабы этого явления. Командир дивизиона, квартировавшего в городе Стрый, описал генералу В.И. Селивачеву появление в городе «дам легкого поведения» и «заболеваний секретными болезнями» как иллюстрацию того, что «жизнь в Стрые носит чисто тыловой характер»²⁸. Подавляющее большинство галицийских жриц любви действовали нелегально: военно-санитарное управление констатировало, что в городах и местечках Галиции «тайная проституция достигла во время войны огромных размеров»²⁹. «Предрасположенность к ночной жизни» беженки из Галиции в ту пору с беспокойством отмечали и городские власти Вены, обеспокоенные высоким спросом жителей столицы на галицийских проституток [Nealy 2007, 92–93]. Разгул продажной любви почти не относился к сельской местности: в селе, где венерические заболевания к тому же было труднее выявлять и лечить, проститутки представляли опасность для местных жителей, и те нередко сами требовали их выселения — как по моральным, так и по санитарным соображениям [Байдак 2018, 71]. Некоторые женщины шли на связь с военными ради пропитания. А.Е. Снесарев пересказал в дневнике разговор русского солдата и местной

²¹ ЦДІАУЛ. Ф. 146. Оп. 8. Спр. 1892. Арк. 6.

²² *M-a-u-o*, 5.

²³ Srokowski, 39.

²⁴ Giza, 67.

²⁵ *Metamorfozy społeczne*, 283.

²⁶ РГВИА. Ф. 13216. Оп. 3. Д. 19. Л. 7об.—8.

²⁷ *Войтоловский*, 260–261.

²⁸ *Селивачев*, 98.

²⁹ Отчет о деятельности военно-санитарного Управления, 12.

жительницы, свидетелем которого он случайно стал в Яремче: «“Что тебе нужно?” — спрашивает солдат девушку после жарких поцелуев. “Хлеба”, — отвечает почти ребенок, уже без стеснения оправляя свой костюм»³⁰.

Уникальная ситуация наблюдалась во Львове, который быстро снискал репутацию гнезда проституции. Жена украинского ученого И. Свенцицкого жаловалась в письме брату-москвичу, что после оккупации во Львове «дам полусвета развелось в порядочном количестве»³¹. Конкуренцию профессиональным проституткам, еще с довоенных времен имевшим официальную регистрацию, составили те, кто прежде не занимался древнейшим ремеслом, в том числе женщины, состоявшие в официальном браке. По сведениям С. Сроковского, по состоянию на 19 ноября 1914 г. во Львове от венерических заболеваний лечились около 200 незамужних и 400 замужних женщин³². У одного из русских офицеров сложилось впечатление о «почти поголовной проституции всего женского населения во Львове»³³. Польские очевидцы оккупации впоследствии решительно утверждали, что постыдным ремеслом занимались «не наши женщины», а «взбесившиеся публичные девки», которые «съехались сюда со всех возможных сторон»; что «часть их вышла из притонов, часть бежала из провинции»³⁴. С учетом того, что большинство публичных женщин нигде не регистрировались, оценить масштабы вовлеченности в проституцию именно львовянок не представляется возможным. Из 364 жительниц Львова, у которых за период с 11 ноября 1914 г. по 1 июля 1915 г. были выявлены венерические заболевания, подавляющее большинство — 223 женщины — занимались проституцией нелегально [Рарее 1919, 501]. Сколько еще подобных «нелегалок» не удалось выявить — неизвестно.

Львовская полиция еще в октябре 1914 г. запретила представительницам древнейшей профессии появляться на улицах и площадях города, в кофейнях и других публичных местах³⁵, а львовский градоначальник лично ходил по улице Кароля Людвига и стыдил офицеров, которые гуляли с дамами легкого поведения [Щодра, Петрій 2014, 364], однако это мало на что влияло. По ощущениям Л.Н. Войтоловского, большинство посетителей кофейни, в которую он зашел по приезде во Львов, составляли «проститутки и тыловая военщина, поддерживающие между собою довольно тесное общение»³⁶. Некоторые заведения по ночам превращались в публичные дома: в ноябре 1914 г. владельца кофейни «Ренессанс» М. Лясоцкого арестовали и оштрафовали за то, что после закрытия он передавал заведение в распоряжение проститутток³⁷, а в марте 1915 г. во время вечерней облавы по улицам и кофейням полиция задержала более сорока заподозренных в проституции женщин³⁸. Многие жрицы любви переодевались в сестер милосердия, что было распространенной практикой в России в годы Первой мировой войны [Аксенов 2020, 304–305; Асташов 2014, 632–633]. Проститутток в сестринской форме во Львове иронично называли «кузинами милосердия»³⁹. Военному врачу И.А. Арямову обилие женщин, ко-

³⁰ Снесарев 2014, 90.

³¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 999. Л. 1883.

³² Srokowski, 77.

³³ Саянский, 107.

³⁴ Srokowski, 76–77; Rossowski, 146.

³⁵ Słuszne zarządzenie, 4.

³⁶ Войтоловский, 239.

³⁷ Wyroki gradonaczelnictwa, 4.

³⁸ Борьба с проституцией // Новый край. 1915. № 14. С. 5.

³⁹ Снесарев 2012, 95.

торые открыто гуляли с офицерами в ресторанах, не снимая опознавательных знаков Красного Креста, запомнилось как самое неприятное впечатление от увиденного во Львове⁴⁰.

На масштабы проституции в городе указывает то, что интимные услуги на улице предлагали даже девочки, о чем с беспокойством писали газеты⁴¹. «Львовское военное слово» с возмущением отметило, что малолетние проститутки ходили в большой компании попрошайничающих детей. Они держали в руках газеты, имитируя, что продают их, но при удобном случае предлагали свои услуги: «Улучив удобную минуту она говорит в упор: “Хотите меня?... А не хотите меня, то вон бильшая девочка есть... Где вы живете? Я буду до пана газеты носить...”». А за нею бегут и смеются лукавыми улыбками еще две–три девочки, 8–10-летнего возраста⁴².

Львовская ситуация в период Первой мировой войны была типичной и для крупных городов России, где тоже распространялись услуги женщин-непроституток, имела место детская проституция, а питейные заведения и гостиницы были переполнены жрицами любви [Асташов 2014, 623–624]. Специфика Львова заключалась в том, что социальный статус женщины легкого поведения было трудно определить по ее внешнему виду. В условиях массовых грабежей первых дней оккупации многие женщины обзавелись дорогой одеждой и аксессуарами и мимикрировали под «дам». Служанки и соседки надевали вещи бежавших из города обеспеченных львовянок и, вступая в интимную связь с военными, представлялись аристократками, женами и вдовами офицеров, инженеров и чиновников [Рарée 1919, 501]⁴³. Разглядеть в «даме» проститутку было непросто: один казачий офицер отметил в дневнике, что «даже потертые в приключениях на Невских берегах Дон-Жуаны конфузятся, когда получают призывной и несмелый толчок локтем от строгой и печальной на вид дамы, по костюму и его элегантности, — видимо из общества»⁴⁴. Другой мемуарист вспоминал, как зараженный сифилисом казак недоумевал, как мог подхватить заболевание, ведь он гулял не с «девкой», а с «барышней в шляпке»⁴⁵.

Еще труднее было распознать в женщине легкого поведения вражескую шпионку. Шпиономания и проституция во Львове, как и в городах Российской империи, были тесно связаны между собой. В «анонимках», поступавших в штаб военного генерал-губернатора Галиции, обвинения в проституции и шпионаже часто шли рука об руку. Так, в апреле 1915 г. львовянка Е. Цеховская, сообщая о якобы орудующей в городе «германско-еврейско-австрийско-мазепинской шайке», указывала, что эту шайку «укрывает» управляющая одной из городских кухонь Е.-А. Свитальская, «которая сама есть проститутка и с теми мужчинами делает целую процедуру»⁴⁶. Автор другой анонимки, поступившей в штаб 10 мая, писал, что в доме № 7 по улице Мурарской живет «молодая проститутка[–]германка была в России[,] служила там как шпион»⁴⁷. В декабре 1914 г. в штаб 8-й армии поступил сигнал о том, что в столице Галиции живет «проститутка-шпион», которая «косит глазами». Военные передали информацию во Львов, и местное жандармское управление поручило своим

⁴⁰ Арямов, 92.

⁴¹ «Ландштурм» малолетних, 6.

⁴² Дети львовской улицы, 5.

⁴³ Srokowski, 77; Rossowski, 146.

⁴⁴ Саянский, 107.

⁴⁵ Войтоловский, 251.

⁴⁶ РГВИА. Ф. 13216. Оп. 3. Д. 19. Л. 28.

⁴⁷ Там же. Л. 12.

сотрудникам искать косоглазую проститутку по городу. Агент наружного наблюдения, заметивший похожую по описанию женщину на улице Кароля Людовика, докладывал начальству: «На вид как будто ненормальна она действительно усиленно косит глазами. [...] Одета она в козью шубу, черную шапочку, brunетка, сильно красится, закрывается вуалью». Другой агент встретил даже «более подозрительную которая действительно косила глазами»⁴⁸.

На фоне широкого распространения проституции за Львовом быстро закрепилась репутация рассадника венерических болезней. Свидетель первых месяцев оккупации города, сумевший выехать из Галиции и добраться до Вены, писал: «Должен сделать вывод, что оставшимся г-дам врачам-венерологам хорошо живется, поскольку меня самого неоднократно спрашивали на улице молодые офицеры и чиновники об адресах этих господ»⁴⁹. За период с 11 ноября 1914 г. по 1 июля 1915 г. из 405 официально зарегистрированных львовских проституток у 141 женщины, т.е. более чем у трети, были обнаружены венерические заболевания. Этот процент существенно превосходил довоенный показатель, составлявший 21% [Рарée 1919, 501]. Всего из 364 венерически больных женщин у 141 была обнаружена гонорея, у 126 — сифилис, у 97 — мягкий или твердый шанкр. Примечательно, что незарегистрированные венерически больные проститутки гораздо чаще страдали от гонореи (48%), тогда как среди их легализовавшихся «коллег по цеху» преобладал сифилис (45%) [Ibidem].

Поскольку в русской армии в период Первой мировой войны венерические болезни были широко распространены [Санборн 2021, 258], врачи уделяли повышенное внимание этим недугам у солдат⁵⁰. Нехватка медицинского персонала и мест в больницах не позволяли эффективно лечить проституток⁵¹. Сначала в пределах генерал-губернаторства действовали два венерических госпиталя — на 200 мест во Львове (из них 50 офицерских) и на 210 мест в Бродах, кроме того, в одном из львовских временных госпиталей действовало венерическое отделение на 50 пациентов. Такого количества мест не хватало, поэтому многие венерические больные эвакуировались в Волочиск и далее вглубь России. Галицийский генерал-губернатор Г.А. Бобринский выступал против создания во Львове «большого сводного венерического госпиталя», тем более, что там многократно наблюдались случаи повторного заражения уже выписанных пациентов, поэтому в начале марта 1915 г. венерический госпиталь открылся в провинциальном местечке Любень-Велький. Уже через месяц это учреждение было почти заполнено — около тысячи пациентов⁵².

В мае — июле 1915 г., после того как под натиском противника русские войска оставили большую часть завоеванной Галиции, многие львовские проститутки перебрались в тыловые города России, в первую очередь, в близлежащий Киев, где можно было рассчитывать на сопоставимые заработки⁵³. Житель Киева в частном письме, написанном 12 июля, назвал Львов «рассадником всяких мерзких болезней»⁵⁴. Заведующий кафедрой кожных и венерических болезней Психоневрологического института в Петрограде В.В. Иванов в 1916 г. назвал Галицию «прямо очагом венерических болезней» [Иванов 1916, 19]. На большую часть оставленных в ходе «великого отступления»

⁴⁸ РГВИА. Ф. 13216. Оп. 3. Д. 9. Л. 14, 18, 19.

⁴⁹ Lwów po inwazyi rosyjskiej, 31.

⁵⁰ Пирейко, 33, 39.

⁵¹ Отчет о деятельности военно-санитарного Управления, 12.

⁵² Там же, 24.

⁵³ Srokowski, 172.

⁵⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1025. Л. 341.

территорий, включая Львов, русская армия с тех пор так и не вернулась, но образ средоточия постыдных заболеваний прочно закрепился за Галицией и особенно за ее столицей.

Тема интимных связей между русскими солдатами и офицерами и жителями Галиции, оккупированной в годы Первой мировой войны, несомненно, нуждается в дальнейшем изучении с привлечением более широкого круга источников, в первую очередь, архивных. Анализ многочисленных свидетельств оккупации показывает, что эти связи зиждились отнюдь не только на принуждении. При этом случаи изнасилований, проституция и распространение венерических болезней чаще отмечались в городах, и если первая категория эксцессов была характерна для самого начала оккупации, то два последних явления набирали оборот по мере того, как от города отдалялась линия фронта. Эпицентром проституции и «секретных болезней» был Львов, где, в отличие от тыловых городов России, проститутки нередко «маскировались» не только под сестер милосердия, но и под дам из «высшего общества», усыпляя бдительность военных и тем самым усугубляя распространение венерических болезней.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
РГИА – Российский государственный исторический архив
ЦДІАУЛ – Центральный державний історичний архів України, м. Львів (Центральный государственный исторический архив Украины, г. Львов)

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Ан-ский С. Разрушение Галиции // Архив еврейской истории. М.: РОССПЭН, 2006. Т. 3. С. 9–30.
- Арямов И. А. Война 1914–1918 гг. // Отечественные архивы. 2014. № 3. С. 89–103.
- Бернацкий В. А. Из писем артиллерийского офицера с австрийского фронта // Русская старина. 1915. Т. 162. № 4. С. 96–112.
- Бігун С. Як ми воювали за Австрію, а як за Україну // За державність. Матеріали до історії війська українського. Збірник 10. Торонто: Український Воєнно-Історичний Інститут, 1964. С. 179–195.
- Вавилов С. И. Дневники, 1909–1951: в 2 кн. М.: Наука, 2016. Кн. 1: 1909–1916. 655 с.
- Войтоловский Л. По следам войны: походные записки, 1914–1917. Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1931. 542 с.
- ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 999, 1025.
- Дети львовской улицы // Львовское военное слово. 1915. № 136.
- Курдидик Я. З історії подільського села (1914–1917) // Московська окупація Галичини 1914–1917 рр. в свідченнях сучасників. Львів: Априорі, 2018. С. 350–356.
- «Ландштурм» малолетних // Львовское военное слово. 1915. № 116.
- Логаза М. «Такое то в нас життя...» (Автобіографічний нарис) // Альманах Станіславівської землі. Нью-Йорк: Вид. Центр. ком-ту Станіславівщини, 1985. Т. II. С. 747–763.
- Лозовчук В. Стежками життя гуцула Березуна. Спогади. Вінніпег: б. в., 1986. 286 с.
- М-а-ш-ъ. Маленький фельетон // Прикарпатская Русь. 21 ноября (4 декабря) 1914. № 1477.
- Марков А. Л. Записки о прошлом (1893–1920). М.: Традиция, 2015. 786 с.
- Оськин Д. Записки прапорщика. М.: Федерация, 1931. 349 с.
- Отчет о деятельности военно-санитарного Управления ген.-губернаторства Галиции с 6 октября 1914 года по 1 июля 1915 г. Киев: Товарищество «Печатня С.П. Яковлева», 1915. 81 с.
- Пирейко А. В тылу и на фронте империалистической войны. Л.: Прибой, 1926. 62 с.
- РГВИА. Ф. 13216. Оп. 3. Д. 9, 19.
- РГИА. Ф. 1617. Оп. 1. Д. 757.

- Саянский Л. Три месяца в бою. Дневник казачьего офицера. М.: Типография Ацк. О-ва «Московское Издательство», 1915. 144 с.
- Селивачев В.И. Дневники. Январь – август 1915 г. М.: Хлестов О.Н., 2020. 736 с.
- Снесарев А.Е. Письма с фронта, 1914–1917. М.: Кучково поле, 2012. 797 с.
- Снесарев А.Е. Дневник: 1916–1917. М.: Кучково поле, 2014. 669 с.
- ЦДІАУЛ. Ф. 146. Оп. 8. Спр. 1892.
- У півстолітніх змаганнях. Вибрані листи до Кирила Студинського (1891–1941). Київ: Наукова думка, 1993. 768 с.
- Чеславский В.В. 67 боев 10-го гусарского Ингерманландского полка в мировую войну 1914–1917 годах. Чикаго: Russian Review, 1937. 396 с.
- Bilovus A. My Life Memoirs (1914–1982). Florida: Ukrapress, 1982. 80 p.
- Czuj «Borzecki» J. Moskale w Tarnowie od 10 listopada 1914 roku do 6 maja 1915 roku // Monarchia, wojna, człowiek. Codzienne i niecodzienne życie mieszkańców Galicji w czasie pierwszej wojny światowej. Kraków: Polska Akademia Umiejętności, 2014. S. 125–170.
- Giza S. Na ekranie życia. Wspomnienia z lat 1908–1939. Warszawa: Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, 1972. 212 s.
- Lwów po inwazji rosyjskiej. Wrzesień – grudzień 1914. Wien: Nakładem Z. Machnowskiego, 1914. 36 s.
- Metamorfozy społeczne 14. Wielka Wojna w polskiej korespondencji zatrzymanej przez cenzurę austro-węgierską. Materiały polskich grup cenzury z lat 1914–1918. T. 2. Warszawa: Instytut Historii PAN, 2018. 605 s.
- Regulamin dla ludności 6 powiatów // Kurjer Lwowski. 1914. No. 385.
- Rossowski S. Lwów podczas inwazji. Lwów: H. Altenberg, G. Seyfarth, E. Wende i Ska, [1916]. 271 s.
- Stuszne zarządzanie // Kurjer Lwowski. 15 (28) października 1914. No. 431.
- Srokowski S. Z dni zawieruchy dziejowej 1914–1918. Kraków: Nakładem Księgarni Geograficznej «Orbis», 1932. 331 s.
- Świeżykowski B. Z dni grozy w Gorlicach. Kraków: Nakładem S. A. Krzyżanowskiego, 1919. 126 s.
- Wais K. Wspomnienia z pierwszego roku wojny światowej. Lwów: Wschód, 1930. 114 s.
- Witos W. Moje wspomnienia. Warszawa: Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, 1981. 587 s.
- Wyroki gradonaczelnictwa // Kurjer Lwowski. 1914. No. 439.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

- Аксенов В.Б. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918). М.: Новое литературное обозрение, 2020. 992 с.
- Асташов А.Б. Русский фронт в 1914 – начале 1917 года: военный опыт и современность. М.: Новый хронограф, 2014. 740 с.
- Байдак М.С. Жінка в умовах війни у світлі повсякденних практик (на матеріалах Галичини 1914–1921 рр.). Дис.... к. і. н. Львів, 2018. 308 с.
- Годовова Е.В. Повседневная жизнь российского казачества во второй половине XIX – начале XX вв. СПб.: ДБ, 2020. 462 с.
- Гольдин С. Русская армия и евреи. 1914–1917. М.: Мосты культуры, 2018. 448 с.
- Иванов В.В. Война, народное здоровье и венерические болезни (в популярном изложении). Пг.: Практическая медицина, 1916. 20 с.
- Санборн Д. Великая война и деколонизация Российской империи. СПб.: Academic Studies Press, 2021. 456 с.
- Щодра О., Петрій І. Повсякденне життя Львова під час російської окупації 1914–1915 років // Lwów: miasto, społeczeństwo, kultura. T. IX. Kraków: Wydawnictwo Naukowe UP, 2014. S. 354–378.
- Cherry B. They didn't want to Die Virgins. Sex and Morale in the British Army on the Western Front, 1914–1918. Solihull: Helion, 2016. 325 p.
- Healy M. Vienna and the Fall of the Habsburg Empire. Total War and Everyday Life in World War I. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 338 p.
- Knežević J. Gender and occupation // Gender and the Great War. New York: Oxford University Press, 2017. P. 133–148.
- Nizińska E. Postawy i nastroje społeczne samborzan podczas I wojny światowej // Metamorfozy społeczne 20. Studia i materiały do dziejów społecznych Polski 1914–1918. Warszawa: Instytut Historii PAN, 2018. S. 201–229.
- Pajak J.Z. Wojna a społeczeństwo. Galicja w latach 1914–1918. Kielce: Wydawnictwo Uniwersytetu Jana Kochanowskiego, 2020. 414 s.

- Papée J. Choroby weneryczne u prostytutek we Lwowie w czasie wojny 1914–1918 // *Gazeta lekarska*. 1919. No. 41–42. S. 498–502.
Todd L.M. *Sexual Treason in Germany during the First World War*. New York: Palgrave Macmillan, 2017. 227 p.

Рукопись поступила в редакцию 23.07.2024

Рукопись принята к печати 07.03.2025

REFERENCES

- Aksionov V.B. *Slukhi, obrazy, emotsii. Massovye nastroyeniia rossiian v gody vojny i revoliutsii (1914–1918)*. Moscow, Novoje literaturnoje obozrenije Publ., 2020, 992 p. (In Russ.)
Astashov A.B. *Russkii front v 1914 – nachale 1917 goda: voennii opyt i sovremennost'*. Moscow, Novyi khronograf Publ., 2014, 740 p. (In Russ.)
Baidak M.S. *Zhinka v umovakh viiny u svitli povsiakdennykh praktyk (na materialakh Halychyny 1914–1921 rr.)*. Dys.... k. i. n. L'viv, 2018, 308 p. (In Ukr.)
Cherry B. *They didn't want to Die Virgins. Sex and Morale in the British Army on the Western Front, 1914–1918*. Solihull, Helion Publ., 2016, 325 p.
Godovova E.V. *Povsednevnaia zhizn' rossiiskogo kazachestva vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv.* St. Petersburg, DB Publ., 2020, 462 p. (In Russ.)
Gol'din S. *Russkaia armii i evrei. 1914–1917*. Moscow, Mosty kul'tury Publ., 2018, 448 p. (In Russ.)
Healy M. *Vienna and the Fall of the Habsburg Empire. Total War and Everyday Life in World War I*. Cambridge^ Cambridge University Press Publ., 2007, 338 p.
Ivanov V.V. *Voina, narodnoe zdorov'e i venericheskie bolezni (v populiarnom izlozhenii)*. Petrograd, Prakticheskaiia meditsina Publ., 1916, 20 p. (In Russ.)
Knežević J. Gender and occupation. *Gender and the Great War*. New York, Oxford University Press Publ., 2017, pp. 133–148.
Nizińska E. Postawy i nastroje społeczne samborzan podczas I wojny światowej. *Metamorfozy społeczne 20. Studia i materiały do dziejów społecznych Polski 1914–1918*. Warszawa, Instytut Historii PAN Publ., 2018, pp. 201–229. (In Pol.)
Pajak J. Z. *Wojna a społeczeństwo. Galicja w latach 1914–1918*. Kielce, Wydawnictwo Uniwersytetu Jana Kochanowskiego Publ., 2020, 414 pp. (In Pol.)
Papée J. Choroby weneryczne u prostytutek we Lwowie w czasie wojny 1914–1918 // *Gazeta lekarska*. 1919. No. 41–42, pp. 498–502. (In Pol.)
Sunborn J. *Velikaia voina i dekolonizatsiia Rossiiskoi imperii*. St Petersburg, Academic Studies Press Publ., 2021, 456 p. (In Russ.)
Shchodra O., Petrii I. *Povsiakdenne zhyttia L'vova pid chas rosijs'koi okupatsii 1914–1915 rokiv. Lwów: miasto, społeczeństwo, kultura. Tom IX*. Kraków, Wydawnictwo Naukowe UP Publ., 2014, pp. 354–378. (In Ukr.)
Todd L. M. *Sexual Treason in Germany during the First World War*. New York, Palgrave Macmillan, 2017, 227 p.

Received on 23.07.2024

Accepted on 07.03.2025

Информация об авторе:

Парфирьев Дмитрий Станиславович
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Институт славяноведения Российской
академии наук
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-4042-6324
E-mail: parfiryeff@yandex.ru

Information about the author:

Dmitrii S. Parfirev
PhD (History),
Senior Research Fellow
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-4042-6324
E-mail: parfiryeff@yandex.ru

Об источниках «Слова на погребеніи архіереа» Симеона Полоцкого

© 2025 г. М.А. Корзо

Институт философии Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

korzor@mail.ru

Аннотация. Исследование нацелено на выявление источников «Слова на погребеніи архіереа» из сборника проповедей Симеона Полоцкого «Вечеря душевная» (1683). Слово представляет собой «образцовую» проповедь или обезличенную версию поучения, составленного Симеоном на смерть митрополита Сарского и Подонского Павла (1675): оно включается в «Вечерю» на втором этапе работы над сборником (ГИМ. Син. 657), а обезличивается или превращается в лишенный биографических деталей «образец» на стадии подготовки сборника к печати. Структуру основной части Слова задают пять искушений дьявола, которым христианин подвергается на ложе смерти. Описав искушения во вступительной части своего поучения, Симеон по этой пятичастной схеме выстраивает биографию почившего иерарха в основной части Слова. Сюжет дьявольских искушений восходит к католическим трактатам жанра «*ars bene moriendi*», который складывается на протяжении XV в. В изложенной Симеоном версии искушений отсутствуют присущая трактатам «доброй смерти» богословская аргументация и утешения ангелов, что позволило высказать предположение, что Симеон обращается не напрямую к сочинениям «*ars bene moriendi*», но использует некий текст-посредник. Анализ библиотечного собрания Симеона, также оставленных Симеоном в книгах подчеркиваний и маргинальных помет, показал, что таким текстом-посредником для него был сборник краковского каноника Шимона Старовольского «Арка завета» («*Arka Testamentu*», Краков, 1649), и в основу «Слова на погребеніи архіереа» был положен фрагмент на 22-е воскресенье после Троицы.

Ключевые слова: Симеон Полоцкий, «Вечеря душевная», «Вертоград многоцветный», погребальная проповедь, «образцовые» поучения, гомилетика, трактаты «доброй смерти», Шимон Старовольский.

Ссылка для цитирования: Корзо М.А. Об источниках «Слова на погребеніи архіереа» Симеона Полоцкого // Славяноведение. 2025. № 4. С. 132–145. DOI: 10.31857/S0869544X25040119, EDN: VAQNVТ

On the Sources of *Slovo na Pogrebenii Archiereia* by Simeon Polotskij

© 2025. Margarita A. Korzo

RAS Institute of Philosophy
(Moscow, Russian Federation)

korzor@mail.ru

Abstract. The given study aims at identifying the sources of the ‘sample’ sermon ‘Word on the burial of the archbishop’ (*Slovo na pogrebenii archiereia*) from Simeon Polotskij’s collection of sermons *Spiritual Supper* (*Vecheria Dushevnaia*, 1683). The Word is an impersonal version of the sermon compiled by Simeon on the death of Paul, Metropolitan of Sarsk and Podonsk (1675); as a ‘sample’ devoid of biographical details it is included in the *Spiritual Supper* at the second stage of work on the book (Sate Historical Museum, Synodal Collection № 657). The structure of the main part of the Word is set by the five temptations of the devil to which a Christian is subjected on the deathbed. Having characterised the temptations in the introductory part of his sermon, Simeon describes the biography of the deceased hierarch according to this five-part scheme. The plot of the devil’s temptations goes back to Catholic treatises of the genre of ‘ars bene moriendi’, which developed during the 15th century. The absence in Simeon’s version of the temptations of the theological argumentation and consolations of angels, inherent in treatises of this genre, allowed us to suggest that Simeon does not refer directly to the works of the ‘good death’, but uses some kind of intermediary text. An analysis of Simeon’s library collection, as well as the underlines and marginal notes left by Simeon in the books, has shown that such an intermediary text for him was the collection of the Cracow canon Szymon Starowolski’s *Arch of the Covenant* (*Arka Testamentu*, Cracow, 1649).

Keywords: Simeon Polotskij, *Vecheria Dushevnaia*, *Vertograd mnogotsvetnyj*, funeral sermon, sample sermons, homiletics, ars bene moriendi, Szymon Starowolski.

For citation: Margarita A. Korzo. On the Sources of *Slovo na Pogrebenii Archiereia* by Simeon Polotskij // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2025. № 4. С. 132–145. DOI: 10.31857/S0869544X25040119, EDN: VAQNVT

Вместо введения

Симеон Полоцкий был безусловно первым в московских пределах церковным автором второй половины XVII в., в письменном наследии которого сохранились приуроченные к погребению «образцовые» или формулярные проповеди. Самые ранние опыты такого рода поучений восходят еще к до-московскому периоду жизни Симеона: датируемая мартом–июлем 1653 г. рукописная польско-латинская практическая риторика «*Rhetorica practica*» включает среди прочего около двадцати похоронных «образцов» светского содержания на смерть короля, сенатора, маршалка, воина, старика, молодого человека, женщины и других лиц (раздел «*Praxis de funebrali oratione*»)¹. Зачастую после слов стоит пометка «*dixi*», означающая, скорее всего, что та или иная орация была действительно прочитана в классе риторики². Раздел похоронных речей «Практической риторики» Симеона по своему составу схож с аналогичными параграфами рукописных риторических пособий, которые использовались в пределах Речи Посполитой как в католической, так и в православной среде³. В единичных случаях «образцовые» поучения на погребение помещались в приложении

¹ РГАДА. Ф. 381. № 1791. Л. 121–148, 2-го счета. Судя по всему, сборник в качестве единого целого складывается в виленский период жизни Симеона: в разделах, содержащих конспекты богословского характера, читаются имена преподавателей Виленской академии иезуитов (Там же. Л. 208, 321, 422, 454). Выражаю искреннюю благодарность Ирине Подтергеру за предоставление копии «Практической риторики».

² Исследователи считают, что похоронные «образцы» «Практической риторики» никогда не произносились в иных, внешкольных обстоятельствах (см.: [Hippisley 1985, 9]).

³ Например, параграф «(De orationibus funebris)» пособия по риторике Прокопия Калачинского, преподававшего в классе риторики Киево-Могилянской коллегии в 1692–1693 гг. См.: Институт рукописей Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского НАН Украины. Ф. 306. № 620/394с. Л. 326–335.

к рукописным учебникам поэтики: епископ Феодосий Василевич-Баевский, преподававший в 1647–1648 гг. в Киево-братской коллегии, включил в свой курс около двадцати «образцов» на польском языке, предпослав им краткие латинские предисловия⁴.

Источником вдохновения для «Практической риторики» Симеона могли послужить не только «образцы» в составе школьных курсов риторики и поэтики. В Речи Посполитой XVII в. были широко распространены рукописные коллекции ораций светского содержания, в том числе и на траурные церемонии. Из них чаще всего составляли тематические сборники, но отдельные речи включались также в состав сборников смешанного содержания, своего рода домашних настольных энциклопедий. В процессе копирования орации зачастую обезличивались и превращались в тексты-образцы, некоторые из них как в первоначальном виде, так и в обезличенном попали впоследствии в печатные издания [Bałowska 2010]. В библиотеке Симеона указаны два опубликованных сборника такого рода, которые генетически связаны между собой: «*Spizarnia actow rozmaitych*» Марчина Филиповского (без года издания) и «*Orator polityczny*» Казимира Яна Войшнаровича 1648 и 1677 гг. [Simeon Polockij's Library 2005, 135, 151–152].

Единичные погребальные слова, присутствующие в проповеднической практике Симеона уже в московских пределах, вошли в состав сборника похвальных речей и приветствий⁵. Исследователи склонны рассматривать этот сборник как своего рода аналог «Практической риторики», который составлялся с учетом московских реалий [Sazonova 2013, XXX]⁶. В «Книгу приветствий» включены ряд формулярных завещаний и тексты настоящих «духовных», составленные Симеоном в разные годы для патриарха Московского Питирима, митрополита Рязанского Илариона, митрополита Сарского и Подонского Павла, боярина Богдана Матвеевича Хитрово⁷. Преамбулы этих завещаний представляют собой развернутые рассуждения о бренности человеческой природы и о неотвратимости смерти; этот материал вполне мог служить образцом для составления погребальных ораций.

Девять «образцовых» погребальных поучений вышли из печати уже после смерти Симеона в сборнике на годовые праздники «Вечеря душевная» (1683). Слова на погребение «честного человека», «мужа сановита», «мужа честного», «воинского человекѣ», «мужа благоговѣйнаго» (три поучения), «честныя жены» и «архїереа» помещены после праздничной части в составе приложения с отдельной пагинацией, в котором собраны тематические слова, не привязанные к церковному календарю. «Образцы», кроме слова по случаю кончины архиерея, расположены компактно и выстраиваются по схожему плану: краткое вступление, основное развитие темы (зачастую только формально связанное с

⁴ *De oratione funebrali* (Киев, ок. 1647). Научная библиотека им. В.Г. Распутина, Иркутский гос. университет. Отдел рукописей. № 49. Л. 253–280. Не исключено, что Симеон был знаком с этим пособием, поскольку учился в Киево-братской коллегии до ок. 1650 г.

⁵ Например, «Рѣчь ко погребенію брата» с зачалом «От единого отца Адама вси рожденіе наше имуще», составленная, вероятно, на кончину одного из насельников Заиконоспасского монастыря, и «Рѣчь на погребенію оубиеннаго Іеродіакона» с зачалом «Плачюся и рыдаю, еда не токмо помышляю смерть» (ГИМ. Син. 229. Л. 313–313об.; 355–356). Сборник представляет собой писцовый список, отредактированный Симеоном Полоцким и Сильвестром Медведевым.

⁶ Л.И. Сазонова считает, что вторым аналогом «Практической риторики», на этот раз в рифмованной форме, стал «Рифмологион» Симеона [Sazonova 2013, XXXII]. Часть funerальная «Рифмологиона» представлена, в том числе, «книжицей» «Трены, или Плачи» на кончину царицы Марии Ильиничны Милославской, почившей в 1669 г. (Simeon Polockij 2017, 261–323).

⁷ ГИМ. Син. 229. Л. 269–298.

выбранным Симеоном в качестве мотто библейским фрагментом), часть биографическая (именно она подлежала модификации под конкретный случай), и так называемое последнее целование, которое усопший давал родным и близким, также участникам похорон⁸. Все слова объединяет значительное число пересекающихся сюжетов, которые намечаются в одной проповеди, а развиваются в других; Симеон, за единичными исключениями, не дублирует цитаты из богословских сочинений, нравоучительные примеры, отсылки к нравам древних народов, к образам животных, крылатые выражения и т.п.⁹

Принято считать, что по крайней мере три «образцовых» поучения восходят к реальным проповедям, но были обезличены для «Вечери душевной», хотя и на разных этапах ее собирания. Два поучения составлялись Симеоном для архимандрита московского Богоявленского монастыря Амвросия (Савицкого): «Слово на погребеніи честнаго человека»¹⁰ и «Слово на погребеніи честныя жены»¹¹. В автографе в обоих случаях над поучениями надписано «Ambrosio»¹². В центре настоящего исследования будет третье «образцовое» поучение — «Слово на погребеніи архіереа»¹³, переделанное из проповеди, произнесенной самим Симеоном Полоцким.

Включение «образцов» в «Вечерю» было частью именно авторского замысла, о чем свидетельствует наличие восьми из девяти текстов в черновой рукописи¹⁴. Слово на погребение архиерея появляется только на втором этапе работы над сборником: перед переписанным писцом полууставом блоком из восьми поучений вставлена тетрадка со «Словом по преставленіи почившаго о господѣ блаженныя и святаыя памяти великаго господина кур Павла митрополита сарскаго и подонскаго», записанная рукой Симеона с датой 10 ноября 1675 г.¹⁵ Митрополит Сарский и Подонский Павел был безусловно выдающейся личностью своей эпохи, занимал высокие церковные должности, инициировал проведение богословских и философских бесед на Крутицком подворье, обладал значительным по тем временам книжным собранием. Митрополит скончался 9 сентября 1675 г. и был похоронен в Новоспасском монастыре. Митрополита

⁸ В восьми «образцах» Симеон подробно (хотя и с разной степенью детальности) развивает этот сюжет, а в поучении на кончину «мужа сановита» ограничивается коротким замечанием: «Здѣ по чину ко всѣмъ цѣлованіе глаголати, и конецъ слову сотворити» (Симеон Полоцкий 1683, 112). Сюжет последнего целования присутствует у Симеона в слове на кончину убиенного иеродиакона (ГИМ. Син. 229. Л. 356), в завещании Питирима («по отдаяніи всѣмъ послѣдняго цѣлованія» (Там же. Л. 280об.)), в финальной части «Тренов, или Плачей» «Рифмологиона» (Simeon Polotskij 2017, 316–323).

⁹ В самостоятельном исследовании нуждаются довольно многочисленные параллели между «образцовыми» орациями польско-латинской «Практической риторики» Симеона и «образцами» погребальных слов в составе «Вечери». Данные сходства свидетельствуют о том, что Симеон активно черпал иллюстративный материал и *exempla* из своих более ранних текстов. Сошлюсь лишь на один пример. В «Слове на погребеніи честныя жены» «Вечери», рассуждая о необходимости заблаговременной подготовки к смерти, Симеон обращается к образу стрелы: «Предвидѣнныя стрѣлы, меньше оуязвляють челоуѣка» (Симеон Полоцкий 1683, 144). Это очень популярное крылатое выражение, ложно атрибутируемое в Средние века библейскому Саломону, восходит к гомилии Григория (Двоеслова) на Лк. 21:9–19 (ср.: «Ибо копыя менее убивают, когда наперед их видят» (Григорий Великий Двоеслов 1999, 337–338)). В «Практической риторике» Симеона это выражение упоминается в контексте погребальных ораций как минимум два раза (РГАДА. Ф. 381. № 1791. Л. 144, 146).

¹⁰ Симеон Полоцкий 1683, 100–107.

¹¹ Там же, 143–150.

¹² ГИМ. Син. 658. Л. 256, 285. Судя по маргиналиям в рукописи, еще целый ряд слов «Вечери» составлялся Симеоном для Амвросия (см. [Горский, Невоструев 1862, 210–215]). А.А. Преображенская высказала гипотезу, что Слово на кончину жены писалось на смерть княгини Евдокии Петровны Долгорукой [Преображенская 2023, 293; 2024, 27прим.].

¹³ Симеон Полоцкий, 1683, 171–179об.

¹⁴ ГИМ. Син. 658. Л. 256–288об.

¹⁵ ГИМ. Син. 657. Л. 632–639.

Павла связывали с Симеоном дружеские узы, Симеон писал для него отдельные поучения, также пользовался библиотекой Павла [Устинова 2019].

Следующий этап подготовки «Вечери душевной» к печати прослеживается по рукописи РГАДА, ф. 381, № 503: последовательность «образцовых» поучений повторяет Син. 657, Слово на кончину митрополита Павла открывает погребальный тематический блок, но текст уже обезличен, именуется «на погребеніи архіереа» и лишен биографических подробностей. Обращает на себя внимание, что это Слово опять вклеено как отдельная тетрадка после л. 506 общей пагинации (внутри вклейки самостоятельная нумерация листов (л. 1–9об.), но после тетради сборник продолжается с л. 517). Рукопись № 503 снабжена двумя отличающимися оглавлениями: первое из них воспроизводит реальную последовательность «образцовых» поучений в рукописи, «Слово по преставленіи преосвященнаго Павла» еще не обезличено и указано, что оно начинается на л. 507¹⁶; во втором оглавлении, переписанном Сильвестром Медведевым, это Слово вообще не упоминается¹⁷.

В печатной версии «Вечери» 1683 г., как и в рукописи РГАДА № 503, сохраняется несовпадение оглавления и реального расположения поучений: в оглавлении Слово на погребение архиерея (обезличенное) открывает блок погребальных «образцов», в самой же книге Слово вставлено ближе к концу, через 20 листов от основного тематического блока. Но при этом указанные в содержании номера листов совпадают с реальными номерами листов «Вечери».

А.С. Елеонская считает, что беловые книги «Вечери» редактировались для печати еще при жизни Симеона [Елеонская 1990, 170], хотя на титуле экземпляра РГАДА № 503 указано, что к печати приступили в октябре 1681 г., т.е. после кончины богослова. Не исключено, что Слово на погребение митрополита Павла обезличивалось самим Симеоном, но исправления могли быть сделаны и Сильвестром Медведевым, который вносил правку в «Вечерю» на всех этапах ее редактирования. Впоследствии погребальное поучение на смерть архиерея распространялось в рукописной традиции не в обезличенном виде (как в «Вечере»), но с именем митрополита Сарского и Подонского¹⁸.

Эта погребальная проповедь Симеона привлекала внимание исследователей в первую очередь как важный источник по биографии митрополита Павла, а потому данный сюжет не будет предметом моего рассмотрения. Главная задача исследования состоит в установлении основных источников «Слова на погребеніи архіереа» и в описании методов выявления этих источников.

Структура «Слова на погребеніи архіереа»

Тему поучения задают слова Откровения Иоанна Богослова «се конь блѣдъ, и сѣдѣць на немъ, имя ему смерть, и адъ идѣше въ слѣдъ его» (Откр 6:8). Слово распадается на два неравных тематических блока. Центральный сюжет первого из них¹⁹ — это рассуждение о четырех всадниках Апокалипсиса и их оруди-ях; из всех предвестников конца времен основное внимание Симеона привлекает всадник на бледном коне, за которым последуют сеющие ужас силы ада. Не только момент кончины вызывает у человека чувство страха, но и само воспоминание о смерти при жизни сопряжено с горечью. Симеон ссылается на пример Сусанны из Книги Даниила (13:22) и видение царю Халдейскому

¹⁶ РГАДА. Ф. 381. № 503. Л. 433.

¹⁷ Там же. Л. 437.

¹⁸ Например, ГИМ. Син. 684. Л. 420–442. Опубликовано А.С. Белокуровым по этой рукописи вместе с духовным завещанием митрополита Павла [Белокуров 1886, 597–606].

¹⁹ Симеон Полоцкий 1683, 171–173об.

Валтасару пишущих на стене перстов (Даниил 5:6)²⁰, сетования Иисуса Сираха «О смерти, яко горка ти есть память челоуѣку мирну во имѣнїи си живушу» (Сирах 41:1) и на судьбу царя амаликов Агаги (1Цар 15:32).

Одними из самых действенных лекарств от непреодолимого страха и горечи выступают постоянная память о смерти и стремление христианина познать ее сущность еще при жизни (верующий «да тщится прежде смерти, смерть видѣти и знати»). Для акцентирования этой мысли Симеон использует образ схождения мыслей в ад²¹, поскольку «адъ не поглотитъ по смерти, снизходившаго к нему въ жизни»²².

«Привыкание» к смерти через ее познание не только минимизирует естественный страх, но и дает христианину возможность заранее усвоить правильное поведение в момент кончины, не позволяя смерти застать себя врасплох. Симеон приводит в пример человека, которому при жизни довелось неоднократно повстречать льва, и именно поэтому этот человек уже не испытывает панического страха перед свирепым хищником, но зато знает, как вести себя в такой ситуации²³. Данный пример напрямую перекликается с неоднократно цитируемым Симеоном крылатым выражением о стреле, которая причиняет меньше вреда, если к ней подготовиться заранее.

В первой части Слова Симеон также объясняет, что смерть в Апокалипсисе восседает на бледном коне, поскольку люди перед смертью бледнеют от страха. Но бледнеют они только «плотію», но не душою, «ибо праведницы тогда процвѣтати начинаютъ душами», а потому смерть является на бледном коне только к грешникам, а к праведникам — на коне зеленого цвета, ибо праведники после смерти «во вѣки въ зелености веселїя приснаго пребудуть»²⁴. Симеон ссылается на некий «иной превод» Откровения Иоанна Богослова, в котором конь четвертого всадника имеет именно зеленый цвет, не уточняя при этом, о каком именно переводе идет речь. Во вступительных рассуждениях своего поучения Симеон обращается также к примеру чистых и нечистых рыб как аллегории праведников и грешников, к необычайно популярному в погребальных проповеднических текстах той эпохи образу умирающей и воскресающей из пепла птицы феникса, хотя и не развивает последний сюжет подробно²⁵.

²⁰ Пример Валтасара Симеон приводит и в «Слове на погребеніи воинскаго челоуѣка» (Симеон Полоцкий 1683, 120об.). Целый ряд тем и сюжетов, к которым Симеон обращается в «образце» на погребение архіерея, прописан с большей подробностью в отдельных виршах его поэтической энциклопедии «Вертоград многоцветный». Так, видению из Книги Даниила посвящено стихотворение «Страх Божий-2» (Симеон Полоцкий 2000, 210–211). В библейском тексте нет конкретизации, сколько пишущих на стене перстов увидел Валтасар, но в погребальном Слове Симеон говорит о трех («три персти назїи судъ смерть пишущїи»). Этот образ перекликается с образом «Трех перстов от смерти есть разстояние» из стихотворения «Вертограда» «Смерть близка» (Там же, 150).

²¹ Этому сюжету посвящено стихотворение «Вертограда» «Ад в мысли имѣти» («...Всяк убо во ад умом днесь да низхождает» (Симеон Полоцкий 1996, 41)).

²² Симеон Полоцкий 1683, 172.

²³ Там же, 172. Похожий сюжет, но с использованием образа волка, прописан у Симеона в стихотворении «Вертограда» «Смерть-9»: «Волк аще кого вопредъ созерцает, той страхом объят, безгласен бывает. / Аще же прежде волк ким усмотрится, той же не страшится» (Симеон Полоцкий 2000, 144). История о том, что если волк заметит человека первым, то человек лишается голоса и может даже умереть, восходит к «Естественной истории» Плиния Старшего (Плиний Старший 2012, 210).

²⁴ Симеон Полоцкий 1683, 172об.

²⁵ Образ птицы феникса встречается в «образцовых» проповедях еще три раза (Симеон Полоцкий 1683, 107об., 121об.–122, 147об.–148). И это фактически единственный сюжет, который повторяется у Симеона в поучениях, хотя в разных вариациях и с разными деталями. Расхождения в интерпретации легенды могут свидетельствовать как о том, что эти «образцы» составлялись в разное время, так и о том, что Симеон обращался к разным источникам и разным версиям истории о чудесной птице.

Переходом ко второй части Слова²⁶ служит рассуждение о том, что человек на протяжении всей своей жизни подвергается нападкам злых сил, но «в то время смерти наипаче навѣтуютъ ратницы демонстїи на душу челоувѣческую». Симеон перечисляет пять основных искушений дьявола, которым христианин подвергается перед смертью:

«Первое есть, [ратницы демонстїи] приводять православныхъ души во невѣріе, или поне во усумнѣніе. Второе, приводять во отчаяніе о милосердіи божїи, за множество содѣянныхъ беззаконїй. Третїе, къ нетерпѣнїю болѣзни, и къ роптанїю о ней на бога возбуждаютъ. [...] Четвертое, подущаютъ къ возгордѣнїю и хвалитися о добродѣтелехъ содѣянныхъ собою... Пятое, оувѣщаютъ жалѣти злата и сребра, собраннаго, и о томъ печалну быти со забвенїемъ души спасенїя»²⁷.

В основной части Слова описанная пятичастная схема играет ключевую роль²⁸, поскольку именно по этой схеме Симеон реконструирует жизненный путь почившего архиерея («преосвященный, имярекъ, митрополїтъ, имярекъ»²⁹), приобретенные им при жизни добродетели и благочестивые привычки, позволившие противостоять дьявольским нападкам на ложе смерти. Биографическая часть Слова насыщена библейскими цитатами и аллюзиями (например, «котва» как символ надежды³⁰), с помощью которых описывается смиренное перенесение почившим иерархом выпавших на его долю физических и иных страданий. Используя образ частей тела, Симеон рассказывает читателю/слушателю о том, как почивший «тѣлеси не даяше покоя», чтобы «стяжати душу свою во здравїи»: «очима не даде сна, устамъ не попусти молчати, ногама не соизволи оуспокоенїя, гортани не даде оуслажденїя, стомаху отимаше оудовленїе»³¹.

Всего лишь один раз Симеон апеллирует в Слове к авторитету церковного учителя и приводит пример выдающегося церковного мужа прошлого. В контексте пятого искушения, когда в умирающем возбуждается сожаление о накопленных при жизни и оставляемых материальных благах, Симеон повествует об Иоанне Милостивом³², который всегда был свободен от подобного рода земных привязанностей, щедро раздавая милостыню всем нуждающимся³³. Этот и другие примеры из жития Иоанна Милостивого встречались практически во всех католических пособиях «доброй смерти» раннего Нового времени и довольно часто в погребальных проповедях. У Симеона пример подготовки Иоанна Милостивого к смерти еще при жизни приводится и в «образцовом» Слове на смерть жены³⁴.

²⁶ Симеон Полоцкий 1683, 173–179об.

²⁷ Там же, 173–173об.

²⁸ Из девяти «образцов» «Вечери» только в двух используется прием структурирования основной части поучения по пятичастной схеме: помимо анализируемого Слова это «образец» на погребение «жены».

²⁹ Там же, 173об.

³⁰ Там же, 176.

³¹ Там же, 176об. Отдаленная перекличка упоминаемых Симеоном в Слове качеств характера и добродетелей почившего митрополита Павла заметна в «Епитафїоне преосвященному Павлу» в «Вертограде»: «Здѣ лежит сирых отец и нищих питатель, / странных, книжных, церковных в дом свой призывать» (Симеон Полоцкий 1999, 6) и «...странных, нищих, церковных и книжных чредитель...» (Там же, 7).

³² Святитель Иоанн V Милостивый (ум. ок. 616–620), патриарх Александрийский, житие которого составил Леонтий, занимавший епископскую кафедру Неаполя в 648/649 – 652/653 гг.

³³ Сюжет раздающего подавания Иоанна Милостивого («Иоанн Милостивый нишым хвалим бяше, / яко имѣние си щедро расточаше...») Симеон развивает и в стихотворении «Вертограда» «Хвалы презрѣние» (Симеон Полоцкий 2000, 291).

³⁴ Симеон Полоцкий 1683, 144об.

Единственная в «образцовом» Слове на смерть архиерея цитата из церковных учителей принадлежит Григорию Великому (Двоеслову). Этим высказыванием Симеон завершает описание четвертого искушения, когда недруг души человеческой возбуждает лежащего на смертном ложе «къ възгордѣнїю о добродѣтелехъ содѣянныхъ». Сопротивляясь искушению, умирающий не должен гордиться совершенными при жизни добрыми делами, «аще и неисчетны бяху, вѣдая оно великаго оучителя Григоріа святаго слово: Койждо поминя добро еже содѣя, егда ся самъ оу себе возноситъ, оу виновника смиренія падаетъ»³⁵. Приведенная цитата восходит к «Правилу пастырскому» Григория (Двоеслова)³⁶.

Основная часть Слова завершается описанием достойной кончины иерарха, которой предшествуют покаяние, причащение и помазание елеем³⁷. Выше уже упоминалось, что обязательной составляющей всех «образцовых» поучений Симеона было последнее целование, которое выступало и прощанием, и напутствием умершего своим близким. Этот раздел в Слове на кончину архиерея несколько более лаконичен, нежели в других «образцах»³⁸.

Источники сюжета о пяти искушениях дьявола

Пятичастная схема искушений на ложе смерти восходит к католическим трактатам жанра «искусство доброй смерти» (*ars bene moriendi*), которые очень разнообразны с точки зрения содержания, но условно распадаются на две линии.

Первая представлена богословски-насыщенными поучениями, в значительной мере воспроизводящими рассуждения парижского канцлера начала XV в. Жана Жерсона «О знании смерти» («*De scientia mortis*»)³⁹, или третью часть трактата богослова «Трехчастное сочинение» («*Opusculum tripartitum*», французская версия 1403 г., латинский перевод ок. 1410). Сочинения этой линии ориентированы в первую очередь на духовных лиц, которые сопровождают в последний путь умирающих, а потому содержат информацию практического характера об уделении таинств на ложе смерти, обращенные к умирающим вопрошники о вере.

Ориентированная на более широкие круги верующих версия «*ars moriendi*», лишенная пространных богословских рассуждений и состоящая из исключительно прикладных по своему характеру наставлений, создается между 1408 и 1414 гг.⁴⁰. Ее краткая редакция⁴¹ представляет из себя брошюру с 11 гравюрами, каждая из которых сопровождается лаконичным описанием. Книги такого рода предназначались не столько для чтения, сколько для рассматривания. На гравюрах изображался лежащий в агонии христианин в окружении своих близких, в изголовье кровати посланник ада с одной стороны и ангел с другой символизировали борьбу добродетелей и пороков в душе человека, тематически,

³⁵ Там же, 177об.

³⁶ «...quia reminiscendo quod gessit, dum se apud se erigit, apud humilitatis auctorem cadit» (Gregorius Magnus 1862, 125). Ср. «...тот, ...кто сам любит вспоминать о добрых делах своих, гордясь ими пред другими и пред самим собою, тем самым теряет уже свои заслуги пред Небесным Учителем смирения» (Григорий (Двоеслов) 1872, 255).

³⁷ Симеон Полоцкий 1683, 178–178об.

³⁸ Там же, 179–179об.

³⁹ Jean Gerson 1728, 447–450.

⁴⁰ По одной из версий, автором сочинения мог быть доминиканец, который участвовал в заседаниях Констанцского собора 1414–1418 гг. и который был знаком с привезенным на собор сочинением Жерсона [O'Connor 1942, 50–56].

⁴¹ С зачалом «Хотя, согласно философу» («*Quamvis secundum philosophum*») [O'Connor 1942, 7]. Русский перевод краткой редакции см.: (Ковригина 2013).

но не содержательно, отсылая к «Психомехии» римского христианского поэта Пруденция. Демон соблазнял умирающего пятью искушениями: неверием, отчаянием, нетерпением, тщеславием, жадностью⁴², на каждое искушение ангел предлагал умирающему утешение. Аргументы ангела носят дидактический характер, но нацелены не столько на то, чтобы побудить умирающего к раскаянию и к последней исповеди (что было одной из основных целей трактата Жерсона), сколько на то, чтобы утешить лежащего в агонии, избавить его от неизбежных в такую минуту страхов [Resch 2006, 39].

Исследователи единодушны в том, что установить конкретный источник именно такой, а не иной последовательности искушений дьявола на ложе смерти практически невозможно, но отмечают, что данный сюжет не только упоминается, но и развивается в ряде вероучительных компендиумов до начала XV в., в которых присутствуют разделы о практиках таинства елеопомазания: именно в контексте данного таинства появляются рассуждения об искушениях дьявола на ложе смерти и о поучениях ангелов в этот драматичный момент, поскольку одним из эффектов принятия таинства елеопомазания считалось именно укрепление души перед нападками слуг сатаны [O'Connor 1942, 28–29].

Впоследствии пятичастные схемы искушений и утешений тиражировались в многочисленных авторских переработках трактата «*ars moriendi*», в том числе и на вернакулярных языках, также в различного рода молитвенниках, в частности, в необычайно популярном «*Hortulus animae*». В католических сочинениях раннего Нового времени число искушений могло варьироваться, достигая семи–десяти [Staupitz 1515, 97], расширяясь в первую очередь за счет бунта лежащего на смертном одре человека против самой необходимости умирать и нежелания готовиться к смерти при первых признаках надвигающейся болезни [Włodarski 1987, 107]. Сюжет искушений на ложе смерти был не чужд и протестантским погребальным проповедям и «книгам утешений», хотя «набор» искушений существенно отличался от католического [Baschera 2015, 324; Resch 2006, 65]. Что объединяет сочинения представителей всех конфессиональных традиций в раннее Новое время – это исключение сюжета об утешениях ангелов, место которых теперь занимает духовный отец или просто многоопытное в вопросах веры светское лицо.

Буквальное совпадение пятичастной схемы искушений в трактатах «*ars bene moriendi*» и в «образцовом» Слове Симеона, а также тот факт, что в обоих случаях в параграфе о четвертом искушении дьявола приводится одинаковое высказывание Григория (Двоеслова), подсказывают исследователю, что Симеон ориентировался на устоявшийся в католической письменности канон. Но обращался ли Симеон напрямую к одному из многочисленных пособий «доброй смерти»? В описании библиотеки Симеона, которая очевидным образом лишь фрагментарно отражает круг его чтения, такого рода пособия упоминаются⁴³. При этом обращает на себя внимание, что в Слове Симеона воспроизводится лишь одна цитата из богословского сочинения, в то время как в трактатах «*ars bene moriendi*» их значительно больше, в том числе и авторства таких авторитетных для православного читателя/слушателя мыслителей, как Иоанн Златоуст. Столь радикальное «усечение» богословской аргументации, а также исключение обращенных к терзаемому на ложе смерти христианину утешений ангелов

⁴² *De fide, de desperatio, de impatientia, de vana gloria, de avaritia*. Некоторые из названных искушений нашли впоследствии выражение и в изобразительном искусстве: искушение жадностью (скупостью) воплотил в своем живописном полотне «Смерть купца» (ок. 1485–1490) Иероним Босх.

⁴³ Например, авторства авторитетного богослова, итальянского иезуита Роберто Беллармино «*De arte bene moriendi libri duo*» (Кёльн, 1621) [Simeon Polockij's Library 2005, 120].

позволяет предположить, что Симеон использовал для своего Слова какой-то текст-посредник. Пятичастная схема (только искушения слуг ада, без назиданий ангелов) sporadически встречается у католических проповедников XVII в. в контексте поучений о смерти, например, на 22-е или 23-е воскресенье после Троицы, когда толкуется евангельский фрагмент о воскрешении Иисусом дочери Иаира (Мф 9:18–26). В библиотеке Симеона фигурирует один из сборников годичных поучений с подобного рода проповедью: это «Арка Завета»⁴⁴ польского церковного писателя и историка, краковского каноника Шимона Старовольского (*Szymon Starowolski*, ок. 1588–1656)⁴⁵.

Почтение Старовольского на Мф 9:18–26 (в данном случае 22-е воскресенье после Троицы) распадается на несколько тематических частей, первая из них носит заглавие «Как христианский человек должен переносить искушения и сражаться с ними в момент умирания» (*Jako człowiek Chrześcijański ma znosić pokusy i potykać się z nimi czasu skonania swojego*)⁴⁶. В этой части краковский каноник последовательно анализирует все пять искушений дьявола, встраивая внутри четвертого пункта слова Григория (Двоеслова)⁴⁷ и совершенно отказываясь от сюжетной линии об утешениях умирающего ангелами. В экземпляре «Арки Завета» из библиотеки Симеона довольно мало маргинальных помет, которые бы свидетельствовали о том, как книга читалась и какие пассажи привлекали внимание Симеона. Но в названной проповеди Старовольского внутри текста встречаются единичные подчеркивания, в частности — подчеркнут перечень пяти предсмертных искушений дьявола

Данное обстоятельство позволяет утверждать, что в работе над погребальной проповедью митрополиту Павлу Симеон обращается к поучению польского автора и именно у него (а не напрямую из трактатов «*ars bene moriendi*») заимствует сюжет о пятичастном искушении. При этом Симеон воспринимает только общую схему и воспроизводит дословно лишь отдельные фразы Старовольского⁴⁸, выстраивая совершенно самостоятельное рассуждение и не переводя польскую проповедь в полном объеме.

Дополнительным аргументом в пользу обращения Симеона именно к проповеди краковского каноника служит содержательное сходство вступительных частей Слова на смерть архиеерея и проповеди Старовольского: в обоих случаях речь идет о всадниках Апокалипсиса, и краковский каноник вводит различие бледного коня, на котором смерть является грешникам, и зеленого коня для праведников, апеллируя к сочинению раннехристианского теолога и аполога Тертуллиана «О стыдливости» (*Liber de Pudicitia*)⁴⁹.

Вместо упоминания Тертуллиана в печатной версии «Вечери душевной» осталась лишь отсылка на некий иной перевод Откровения Иоанна

⁴⁴ *Arka Testamentu, zamykająca w sobie kazania niedzielne*. Cz. 2. Kraków: K. Schedl, 1649 [Simeon Polotskij's Library, 2005, 135–136]. Экземпляр Симеона хранится в составе Библиотеки Московской Синодальной типографии (РГАДА. БМСТ/ин. № 2441).

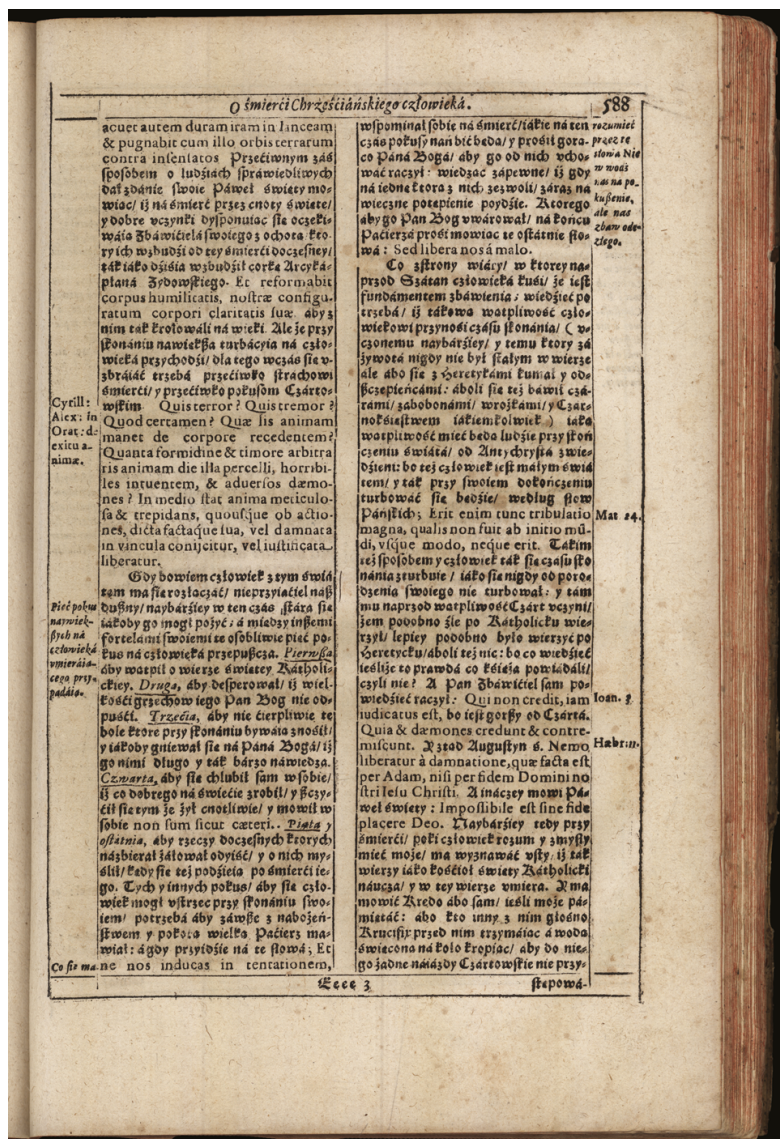
⁴⁵ О жизненном пути Старовольского и о значении его сочинений, в том числе проповеднического характера, см.: [Biedrzycka, Tazbir 2003–2004, 356–361].

⁴⁶ *Starowolski* 1649, 586–590.

⁴⁷ *Ibid.*, 589.

⁴⁸ Стоит отметить, что в переведенных дословно фразах присутствуют единичные замены, с помощью которых, как представляется, Симеон адаптирует польский текст для московского адресата: например, первый всадник Апокалипсиса на белом коне вооружен у Старовольского «на татарский манер» («*po tatarsku*» (*Starowolski* 1649, 586)), а у Симеона — «обычаем скифским» (*Симеон Полоцкий* 1683, 171).

⁴⁹ «*A Tertullian stary Doktor, to mieysce tłumacząc powiada, że to nie był equus pallidus, ale equus viridis*» (*Starowolski* 1649, 586). Ср.: «...et Apocalypsis viridi equo mortem...» (*Tertullianus* 1844, 1022).

Starowski S. Arka Testamentu, zamykająca w sobie kazania niedzielne. Cz. 2. Kraków: K. Schedl, 1649. S. 588.

Богослова⁵⁰. Но имя раннехристианского автора присутствует как в рукописи Син. 657⁵¹, отражающей второй этап работы над сборником слов «Вечери», так и в сборнике РГАДА № 503, где имя раннехристианского богослова в одном месте осталось нетронутым, а в другом уже зачеркнуто Сильвестром Медведевым (?) («Помяни яко смерть не замедлить. Не на блѣдѣ же конѣ, но на зеленѣ по сказанію Тертуліана»)⁵². Имя Тертуллиана продолжает упоминаться также

⁵⁰ Симеон Полоцкий 1683, 1720б.

⁵¹ ГИМ. Син. 657. Л. 633.

⁵² РГАДА. Ф. 381. № 503. Л. 2 и 3об. вшитой тетради.

в более поздних списках проповеди на кончину митрополита Павла, которые не обезличены и сохраняют биографические детали почившего иерарха [Белокуров 1886, 598, 599].

* * *

Составленное в ноябре 1675 г. Слово на кончину митрополита Павла не с самого начала было обезличено (в отличии, например, от поучения на кончину «жены», которое уже в черновом автографе Син. 658 лишено какой-либо биографической индивидуальности⁵³), и не сразу нашло свое место в блоке «образцов» на погребение «Вечери душевной». Его датировка свидетельствует, что остальные восемь Слов составлялись Симеоном до 1675 г., их последовательность была частью авторского замысла (она не менялась на всех этапах последующего редактирования рукописи), и погребальный блок, судя по всему, изначально не предусматривал каких-либо «образцов» на кончину представителя церковной иерархии. Если это наблюдение верно, то Симеон первоначально ориентировался на свою «Практическую риторику» до-московского периода, в которой отсутствовали примеры погребальных ораций на смерть духовных лиц. Этот замысел был скорректирован позднее, по мере подготовки «Вечери душевной» к печати.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- ГИМ. Отдел рукописей. Син. 229. Симеон Полоцкий. Сборник поздравительных речей.
ГИМ. Отдел рукописей. Син. 657. Симеон Полоцкий. Вечера душевная.
ГИМ. Отдел рукописей. Син. 658. Симеон Полоцкий. Вечера душевная.
ГИМ. Отдел рукописей. Син. 684. Сборник с проскинитарием.
Научная библиотека им. В.Г. Распутина, Иркутский гос. университет. Отдел рукописей. № 49. De oratione funebrali. [Киев, ок. 1647]. Л. 253–280.
Национальная библиотека Украины им. В.И. Вернадского НАН Украины. Институт рукописей. Ф. 306. № 620/394с. Прокопий Калачинский. [De orationibus funebribus]. 1692–1693. Л. 326–335.
РГАДА. БМСТ/ин. № 2441. Starowolski S. Arka Testamentu, zamykająca w sobie kazania niedzielne. Kraków, K. Schedl, 1649. Cz. 2.
РГАДА. Ф. 381. Оп. 1. № 503. Симеон Полоцкий. Вечера душевная.
РГАДА. Ф. 381. Оп. 1. № 1791. Симеон Полоцкий. Rhetorica practica de omnium trium generum, demonstrativi, delibrati et iudicis speciebus composita per me Samuelem Piotrowski Sitnianowicz. Л. 17–170, 2-го счета.
Григорий Великий Двоеслов. Избранные творения / ред. А.И. Сидоров. М.: Паломникъ, 1999. 735 с.
Григорий (Двоеслов). Правило пастырское или о пастырском служении / пер. с лат. Д. Подгурского. Киев: Тип. И. и А. Дориденко, 1872. 257, X с.
Ковригина И.В. Средневековый латинский трактат «ars moriendi» (краткая редакция) // Альманах по истории Средних веков и раннего Нового времени. 2013. № 3–4. С. 185–214.
Плиний Старший. Естественная история. Книга VIII / пер. с лат. и комм. И.Ю. Шабага // Труды кафедры древних языков. Вып. III / отв. ред. А.В. Подосинов. М.: Индрик, 2012. С. 186–227.
Симеон Полоцкий. Вечера душевная. М.: Верхняя тип., 1683.
Симеон Полоцкий. Вертоград многоцветный / подгот. текста, ст. и коммент. А. Хипписли, Л.И. Сазоновой; предисл. Д.С. Лихачева. Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 1996. Т. 1. LX, 356 с.
Симеон Полоцкий. Вертоград многоцветный / подгот. текста, ст. и коммент. А. Хипписли, Л.И. Сазоновой. Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 1999. Т. 2. VII, 657 с.
Симеон Полоцкий. Вертоград многоцветный / подгот. текста, ст. и коммент. А. Хипписли, Л.И. Сазоновой. Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 2000. Т. 3. LIV, 764 с.
Gregorius Magnus. Regulae Pastoralis liber // Patrologiae Cursus Completus. Series Latina / ed. J.-P. Migne. Paris: J.-P. Migne, 1862. Т. 77. Col. 13–127.
Jean Gerson. Scientia mortis // Jean Gerson. Opera omnia. Haag: P. de Hondt, 1728. Т. 1. Col. 447–450.

⁵³ Об источниках этого Слова см.: [Корзо 2024].

- Simeon Polockij. Rífmologion. Eine Sammlung höfisch-zeremonieller Gedichte / hrsg. von A. Hippisley, H. Rothe, L.I. Sazonova. Wien; Köln; Weimar: Böhlau Verlag, 2013. Bd. 1. CLX, 469 p.
- Simeon Polockij. Rífmologion. Eine Sammlung höfisch-zeremonieller Gedichte / hrsg. von A. Hippisley, H. Rothe, L.I. Sazonova. Wien; Köln; Weimar: Böhlau Verlag, 2017. Bd. 2. XXXVIII, 601 p.
- Staupitz J. Ein Buchlein von der Nachfolgung des willigen sterbens Christi. Leipzig: Lotther, 1515.
- Tertullianus. Liber de Pudicitia // Patrologiae Cursus Completus. Series Latina / ed. J.-P. Migne. Paris: J.-P. Migne, 1844. T. 2. Col. 979–1030.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белокуров С.А. К биографии Павла, митрополита Сарского и Подонского // Христианское Чтение. 1886. № 3–4. С. 593–624.
- Горский А.В., Невоструев К.И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отдел 2. Писания Святых отцев. Ч. 3. Разныя богословския сочинения (Прибавления). М.: Синодальная тип., 1862. 842 с.
- Елеонская А.С. Русская ораторская проза в литературном процессе XVII века. М.: Наука, 1990. 224 с.
- Корзо М.А. «Слово на погребеніи честныя жены» Симеона Полоцкого в контексте «образцовых» погребальных проповедей XVII века // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История РПЦ. 2024. Вып. 120. С. 11–25.
- Преображенская А.А. Проповедь Симеона Полоцкого на «На погребении честныя жены»: приготовление христианки к смерти в последней четверти XVII в. // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2023. № 1. С. 287–309.
- Преображенская А.А. «Слово на погребение тѣлесе благородныя государыни царевны и великия княжны схимонахини Анфисы, бывшия Анны Михайловны»: текст и комментарий // Словесность и история. 2024. № 3. С. 25–52.
- Устинова И.А. Павел (в миру Петр), митрополит Сарский и Подонский // Православная Энциклопедия. М.: Изд-во «Православная Энциклопедия», 2019. Т. 54. С. 14–16.
- Barłowska M. Swada i milczenie: zbiory oratorskie XVII–XVIII wieku – prolegomena filologiczne. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2010. 350 s.
- Baschera L. Preparation for Death in Sixteenth-Century Zürich: Heinrich Bullinger and Otto Werdmüller // Preparing for Death, Remembering the Dead / eds. T. Rasmussen, J. Øygarden Flæten. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2015. P. 313–328.
- Biedrzycka A., Tazbir J. Starowski Szymon // Poski Słownik Biograficzny. Kraków; Wrocław: Societatis Vistulana, 2003–2004. T. 42. S. 356–361.
- Hippisley A. The Poetic Style of Simeon Polotsky. Birmingham: Birmingham University Press, 1985. 96 p.
- O'Connor M.C. The Art of Dying Well. The Development of the *Ars moriendi*. New York: Columbia University Press, 1942. 258 p.
- Resch C. Trost im Angesicht des Todes. Frühe reformatorische Anleitungen zur Seelsorge an Kranken und Sterbenden. Basel; Tübingen: A. Francke Verlag, 2006. 255 s.
- Sazonova L.I. Das Rífmologion des Simeon Polockij – ein Buch höfisch-zeremonieller Dichtung // Simeon Polockij. Rífmologion. Eine Sammlung höfisch-zeremonieller Gedichte / hrsg. von A. Hippisley, H. Rothe, L.I. Sazonova. Wien; Köln; Weimar: Böhlau Verlag, 2013. Bd. 1. S. XI–LXXXVI.
- Simeon Polockij's Library. A Catalogue by A. Hippisley, E. Luk'janova. Köln; Wien: Böhlau Verlag, 2005. VII, 226 p.
- Włodarski M. Ars moriendi w literaturze polskiej XV i XVI w. Kraków: Znak, 1987. 300 s.

Рукопись поступила в редакцию 19.11.2024

Рукопись принята к печати 16.01.2025

REFERENCES

- Barłowska M. Swada i milczenie: zbiory oratorskie XVII–XVIII wieku – prolegomena filologiczne. Katowice, Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2010, 350 p.
- Baschera L. Preparation for Death in Sixteenth-Century Zürich: Heinrich Bullinger and Otto Werdmüller. *Preparing for Death, Remembering the Dead*, eds. T. Rasmussen, J. Øygarden Flæten. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 2015, pp. 313–328.
- Belokurov S.A. K biografii Pavla, mitropolita Sarskogo i Podonskogo. *Hristianskoie Chtenie*, 1886, no. 3–4, pp. 593–624. (In Russ.)
- Biedrzycka A., Tazbir J. Starowski Szymon. *Poski Słownik Biograficzny*. T. 42. Kraków; Wrocław, Societatis Vistulana, 2003–2004, pp. 356–361.

- Eleonskaya A.C. *Russkaya oratorskaya prosa v literaturnom protsesse XVII veka*. Moscow, Nauka Publ., 1990, 224 p. (In Russ.)
- Gorskij A.V., Nevostruev K.I. *Opisanіe slavyanskikh rukopisej Moskovskoj Sinodal'noj biblioteki*. Otdel 2. Pisaniya Svyatych otcev. Ch. 3. Raznyya bogoslovskiya sochineniya (Pribavleniya). Moscow, Synodal publ., 1862, 842 p. (In Russ.)
- Hippisley A. *The Poetic Style of Simeon Polotsky*. Birmingham, Birmingham University Press, 1985, 96 p.
- Korzo M.A. «Slovo na pogrebenii chestnyia zheny» Simeona Polotskogo v kontekstie obraztcovykh pogrebal'nykh propovedej XVII veka. *Vestnik PSTGU. Seria II: Istoriya. Istoriya RPTc*, 2024, vol. 120, pp. 11–25. (In Russ.)
- O'Connor M.C. *The Art of Dying Well. The Development of the 'Ars moriendi'*. New York, Columbia University Press, 1942, 258 p.
- Preobrazhenskaya A.A. Propoved' Simeona Pototskogo «Na pogrebenii chestnyia zheny»: prigotovlenie khristianki k smetri v poslednei chetverti XVII v. *Trudy Instituta russkogo iazyka im. V.V. Vinogradova*, 2023, no. 1, pp. 287–309. (In Russ.)
- Preobrazhenskaya A.A. «Slobo na pogrebenii telese blagorodnyia gosudaryni tcarevny i velikiya knyazhny shimonahini Anfisy, byvshiya Anny Mihailovny»: tekst i kommentarii. *Slovesnost' i istoriya*, 2024, vol. 3, pp. 25–52. (In Russ.)
- Resch C. *Trost im Angesicht des Todes. Frühe reformatorische Anleitungen zur Seelsorge an Kranken und Sterbenden*. Basel; Tübingen, A. Francke Verlag, 2006, 255 S.
- Sazonova L.I. Das *Rifmologion* des Simeon Polockij – ein Buch höfisch-zeremonieller Dichtung. *Simeon Polockij. Rifmologion. Eine Sammlung höfisch-zeremonieller Gedichte*, hrsg. von A. Hippisley, H. Rothe, L.I. Sazonova. Bd. 1. Wien; Köln; Weimar, Böhlau Verlag, 2013, pp. XI–LXXXVI.
- Simeon Polockij's Library*. A Catalogue, eds. by A. Hippisley, E. Luk'janova. Köln; Wien, Böhlau Verlag, 2005, VII, 226 p.
- Ustinova I.A. Pavel (v miru Piotr), mitropolit Sarskii i Podonskii. *Pravoslavnaya Entciklopediya*. T. 54. Moscow, Pravoslavnaya Entciklopediya Publ., 2019, pp. 14–16. (In Russ.)
- Włodarski M. *Ars moriendi w literaturze polskiej XV i XVI w.* Kraków, Znak, 1987, 300 p.

Received on 19.11.2024

Accepted on 16.01.2025

Информация об авторе:

Корзо Маргарита Анатольевна
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Институт философии
Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-6299-5187
E-mail: korzor@mail.ru

Information about the author:

Margarita A. Korzo
PhD, Senior Researcher
RAS Institute of Philosophy
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-6299-5187
E-mail: korzor@mail.ru

Славяноведение, 2025, № 4, с. 146–157

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2025, No. 4, pp. 146–157

DOI: 10.31857/S0869544X25040124, EDN: VASBTE

Оригинальная статья / Original Article

Венгерская историческая социопрагматика: основные векторы развития

© 2025 г. С.А. Афанасьева

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

timerina58@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена актуальным венгерским исследованиям по исторической социопрагматике, развивающимся в русле традиции, выработанной на западноевропейском, прежде всего, англоязычном материале. В работе терминологически разграничиваются понятия «прагматика», «социо-прагматика» и «историческая (социо)прагматика», а также прослеживается, каким образом в венгерской науке в последние десятилетия произошел переход от традиционного подхода к функционально-прагматическому, в рамках которого больше внимания уделяется контексту. Специфика венгерских исследований обуславливается материалом: так, на базе врачебных рецептов, лечебников, письмовников изучаются исторический синтаксис и грамматикализация дискурсивных маркеров, а на основе частных писем дворян и протоколов процессов над ведьмами, иллюстрирующих речь разных слоев населения, исследуются социопрагматические аспекты, в частности, категория вежливости и формы обращения в ее рамках, т.е. показывается, как на выбор той или иной формы влияет личный, социальный и культурный контекст, а также какие именно формы обращения считаются вежливыми в конкретную эпоху. В целом, традиция изучения исторической социопрагматики в Венгрии сравнительно молода, но перспективна с учетом публикации большого корпуса исторических текстов и параллельного роста числа исследований в других европейских странах.

Ключевые слова: венгерский язык, историческая лингвистика, категория вежливости, прагматика, эпистография.

Ссылка для цитирования: Афанасьева С.А. Венгерская историческая социопрагматика: основные векторы развития // *Славяноведение*. 2025. № 4. С. 146–157. DOI: 10.31857/S0869544X25040124, EDN: VASBTE

Historical Sociopragmatics in Hungary: Main Vectors of Development

© 2025. Sofya A. Afanasyeva

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

timerina58@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to current Hungarian research in historical sociopragmatics, developing in line with the tradition worked out on Western European, primarily English-language material. The article terminologically distinguishes between the concepts of «pragmatics», «sociopragmatics» and «historical (socio)pragmatics», and also traces how in recent decades Hungarian science has moved from a traditional approach to a functional-pragmatic one, paying more attention to context. The specificity of Hungarian studies is determined by the material: thus, on the basis of medical prescriptions, medical manuals, and manuals of letter writing, the historical syntax and grammaticalization of discursive markers are studied, and on the basis of private letters of nobles and protocols of witch trials illustrating the speech of different strata of the population, sociopragmatic aspects are studied, in particular, the category of politeness and forms of address. That is, it is shown how the choice of one or another form is influenced by personal, social and cultural context, as well as which forms of address are considered polite in a particular era. In general, the tradition of studying historical sociopragmatics in Hungary is relatively young, but promising given the publication of a large corpus of historical texts and the parallel growth in the number of studies in other European countries.

Keywords: category of politeness, epistolography, historical linguistics, Hungarian language, pragmatics.

For citation: *Sofya A. Afanasyeva. Historical Sociopragmatics in Hungary: Main Vectors of Development // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2025. No. 4. P. 146 –157. DOI: 10.31857/S0869544X25040124, EDN: VASBTE*

Введение

Объектом настоящего исследования являются венгерские работы по исторической (социо)прагматике, которая претерпела в последние десятилетия существенную эволюцию, превратившись из предмета эпизодического интереса отдельных историков языка в полноценную перспективную научную дисциплину. Попытки включения прагматики в круг исследований по исторической лингвистике появились в Венгрии с начала 2000-х годов, и в целом они следуют в фарватере европейской и американской науки, которая с 1990-х годов характеризуется массовым интересом к прагматике в противовес господствовавшему ранее сугубо грамматическому подходу к описанию языковых явлений. Я постараюсь проследить путь становления исторической социопрагматики в Венгрии как самостоятельной дисциплины, выявить основной круг проблем, который рассматривается в рамках данного научного направления и наметить основные векторы его развития, отдавая себе отчет, что процесс формирования венгерской традиции социопрагматических исследований еще далек от завершения.

Первый раздел работы будет посвящен англо-американским исследованиям по исторической социопрагматике. В нем будет охарактеризовано содержание понятий «прагматика», «социопрагматика» и «историческая (социо)прагматика», а также разные подходы к этим областям науки у разных ученых.

Во втором разделе статьи будут кратко рассмотрены венгерские исследования, посвященные разным аспектам прагматики исторических текстов, прослежен процесс их изменения, а также указаны основные типы источников венгерского исторического материала.

В третьей части работы в центре внимания категории вежливости, исследования которой, являясь «частным случаем» социопрагматических описаний, тем не менее могут быть выделены в отдельную область, поскольку в Венгрии в последние годы пласт работ был посвящен именно им.

1. Англо-американские исследования

В связи с тем, что переход к прагматическим исследованиям произошел относительно недавно и единого варианта терминологии выработано не было, перед обзором непосредственно венгерских исследований по исторической социопрагматике кажется оправданным коротко описать некоторые англоязычные работы, в которых объясняются как используемые термины, так и подходы к их наполнению.

Определения термина **прагматика** варьируются от максимально лаконичных «изучение языка в его использовании» [Jucker 1995, ix] до образных «большая, рыхлая и неорганизованная совокупность исследовательских усилий» [Verschuren 1987, 4]. Выделяется два подхода к интерпретации термина: более широкий «континентальный европейский» и более узкий «англо-американский» [Culpeper 2010, 71].

Широкий подход предполагает, что прагматика включает в себя в качестве подобластей лингвистику, социологию и психологию. В таком случае прагматика рассматривает языковой феномен только в актуальном использовании, учитывая при этом социальный контекст. При этом подходе излишним оказывается термин **социопрагматика**, поскольку считается, что в понятие прагматики уже входит социальный компонент, и объяснить разницу между двумя терминами оказывается затруднительно.

«Англо-американский» подход, напротив, предполагает вычленение социопрагматики в качестве отдельной дисциплины. В основополагающей работе «Основания теории знаков» Чарльз Уильям Моррис [Morris 1938, 6–7] прослеживает различия между синтаксисом, предметом которого являются «моноотношения» языковых знаков, семантикой, исследующей дуальные отношения между языковым знаком и его означаемым, и прагматикой, которая, помимо знака и предмета, который он обозначает, учитывает также роль пользователей и интерпретаторов знака. В данном случае социальный контекст не является априори предметом изучения в рамках обозначенной дисциплины. В работе Джеффри Лича [Leech 1983, 10–11] выделяется социопрагматика как один из подвидов, учитывающий «более конкретные “локальные” условия использования языка», не названные при этом прямо. Дж. Лич отмечает, что социопрагматика связана с социологией, является «социологическим интерфейсом» прагматики, поскольку «очевидно, что принцип сотрудничества и принцип вежливости действуют по-разному в разных культурах или языковых сообществах, в разных социальных ситуациях, среди разных социальных классов и т.д.», вследствие чего «прагматические описания в конечном итоге должны быть связаны с конкретными социальными условиями» [Leech 1983, 10].

К социопрагматике часто обращаются при исследовании взаимодействия языка и культуры. В работе Джонатана Калпепера [Culpeper et al. 2008, 320] приводится схема, на которой показаны разные «степени абстракции, используемые в описании межкультурных прагматических отношений» в направлении от микроуровня к макроуровню. Так, внизу находится лингвистическое описание, которое имеет дело с грамматическими и синтаксическими средствами и не учитывает контекст, далее следуют три контекстуальных описания: прагматическое, которое фокусируется на намерениях говорящего и восприятии высказывания слушающим, описание социальной ситуации, учитывающее роли и отношения участников речевого акта, наконец, на макроуровне расположено культурное описание, содержащие наиболее общие контекстуальные данные, такие как пол, возраст, национальность, имеющие отношение к системам убеждений разных речевых групп.

Дж. Калпепер приходит к выводу, что социопрагматика должна заниматься в первую очередь, хотя и не исключительно, средним контекстуальным уровнем, исследователь связывает микроуровень с вниманием к лингвистическим элементам и макроуровень с его ориентацией на социологию и культуру. Он отмечает: «Социопрагматика занимается любым взаимодействием между конкретными аспектами социального контекста и частным использованием языка, что приводит к прагматическим значениям. Ее основное внимание уделяется использованию языка в его ситуативном контексте и тому, как эти ситуационные контексты порождают нормы, которые участники применяют или используют в прагматических целях» [Culpeper 2010, 76].

Определение *исторической прагматики* зачастую сводится к переносу понятия современной прагматики на исторический контекст. Андреас Якобс и Андреас Юкер отмечают: «Историческая прагматика занимается изменениями в языковой структуре, возникающими в результате изменения коммуникативных потребностей, вызванных изменениями в социальной структуре» [Jacobs, Jucker 1995, 6]. По выражению Ника Николаса, историческая прагматика – это «брачный союз исторической лингвистики и прагматики, применяющий методы и проблемы прагматики к диахроническим лингвистическим данным», при этом брак «проблематичный» из-за очевидной разницы между «методологиями и фокусами двух областей» [Nicholas 1998, 165]. По его словам, одна из областей регулярно доминирует над другой.

А. Якобс и А. Юкер [Jacobs, Jucker 1995] выделяют два подхода к исторической прагматике. *Прагмафилология* изучает прагматические аспекты исторических текстов в их социокультурном контексте коммуникации, то есть учитывает социальные и личные отношения отправителя и адресата, цели текста, физический и социальный фон его создания и восприятия [Ibid., 11]. По словам Н. Николаса, в этом случае прагматика выступает вперед, и исторические данные подвергаются анализу для выявления культурных и социальных параметров [Nicholas 1998, 165]. Здесь также необходимо отметить, что слова «исторический» и «диахронный» в этом случае не стоит употреблять как синонимы, поскольку прагмафилология, как правило, рассматривает исторические тексты в их синхронном срезе для выявления социокультурного контекста эпохи, в которую они были созданы.

Другой поход называется *диахронической прагматикой*, в его рамках изучается историческое развитие прагматических элементов [Jacobs, Jucker 1995, 13]. Диахроническую прагматику авторы делят на два вида, в зависимости от того, что выступает основанием для сравнения. Метод «от формы к функции» прослеживает изменения значения и применения лингвистической формы, например, дискурсивные или прагматические маркеры. В методе «от функции к форме» в качестве объекта для сравнения в разные эпохи, напротив, выступает лингвистическая функция, например, выражение вежливости, которое активно исследуется в последние годы, в частности, в венгерском языкознании, о чем будет сказано ниже.

Дж. Калпепер отмечает, что граница между прагмафилологией и диахронической прагматикой часто оказывается размыта, и области исследования пересекаются. При этом в рамках обоих подходов можно изучать и *историческую социопрагматику*, поскольку прагмафилология предполагает изучение языковых особенностей по отношению к жанру, который является контекстуальным понятием среднего уровня, а диахроническая прагматика подразумевает, что для объяснения изменений в функциях языковых единиц, жанров, речевых актов, вежливости и т.д. необходимо также выявить сопутствующие

сдвиги в социально-историческом контексте [Culpeper 2010, 79–80]. В работе Д. Арчера и Дж. Калпепера [Archer, Culpeper 2003, 261] предлагается еще один методологический подход для изучения исторической социопрагматики, названный авторами *социофилологией*, который следует от контекста к функции или форме, «описывая или отслеживая, как исторические контексты, включая сотекст, жанр, социальную ситуацию и/или культуру, формируют функции и формы языка, которые имеют место внутри них».

Большинство исследований по исторической (социо)прагматике выполнено на материале романских и германских языков, прежде всего английского [Jacobs, Jucker 1995, 4]. А. Юкер называет число работ по истории английского языка «непропорционально большим», отмечая при этом, что важные работы были выполнены и на материале других, менее изученных языков, китайского, русского и других восточнославянских, санскрита, голландского [Jucker 2006, 330].

2. Венгерские исследования

В венгерском языкознании интерес к изучению социопрагматики начал расти с 1990-х гг. под влиянием ставших более доступными англоязычных исследований, число которых также выросло в этот период. Появились работы, свидетельствующие об отклонении от традиционного подхода, ориентированного исключительно на грамматику, в сторону изучения языка в использовании, обязательно учитывающего контекст. О возможности применения социолингвистического подхода к венгерскому историческому и диалектному материалу заявляли историки языка и диалектологи Эржебет Зеллигер [Zelliger 1999; Zelliger 2003] и Дежё Юхас [Juhász 2002]. По мнению венгерской исследовательницы Жофии Шароши, прагматический подход к историческому материалу необходим, но он должен не заменять традиционный системно-ориентированный подход к истории языка, а дополнять его, что дает «великолепную возможность перемещаться между двумя парадигмами, двумя лингвистическими подходами» [Sárosi 2003, 446–447].

Специфика венгерской традиции обусловлена самим материалом, которым оперируют в своих исследованиях местные ученые. Дефицит источников не позволяет автоматически перенести методы современной прагматики на исторический материал, поскольку прагматика, как правило, имеет дело с разговорной речью, а живая речь прошлых веков не подвергалась звуковой фиксации. Поэтому данные для исследований по исторической социопрагматике исследователи берут из протоколов судебных заседаний, административных документов, старых учебников, завещаний, а также пьес и другой художественной литературы, которая в Средневековье была «более реалистична», чем современная [Jacobs, Jucker 1995, 7]. При этом источники, как правило, расцениваются не как «несовершенная имитация реального, то есть разговорного языка, а скорее как автономные воплощения коммуникации» [Sárosi 2003, 444]. Развитию венгерских исследований речи прошлых веков в немалой степени способствовали публикации переписки аристократов и протоколов судебных заседаний процессов над ведьмами XVI–XVII вв., которые стали основными источниками для работ по исторической социолингвистике и социопрагматике.

Часть многочисленных исследований, проведенных на основе этих и других источников, «хотя и содержат прагматические критерии, в первую очередь подходят к предмету не со стороны социопрагматики», т.е. демонстрируют

более традиционный подход, который представляет язык как систему и не выходит за ее рамки, в то время как социопрагматический подход учитывает контекст и функцию языкового явления в его рамках [Sárosi 2003, 437–438]. К таким исследованиям относятся, например, работы выдающегося венгерского лексикографа и этимолога Ференца Пустаи [Pusztai 1999] и специалиста по ономастике Пирошки Гергей [Gergely 2002], где предметом анализа служит разговорный средневенгерский язык, и посвященная ругательствам в старых венгерских текстах работа Ласло Галгоци [Galgóczy 1988], который специально изучал проявления языковой агрессии в синхронии и диахронии. В связи с этим круг работ по венгерской исторической социопрагматике, приводимый ниже и далеко не исчерпывающий, ограничивается указанным подходом, поскольку задача перечислить все исследования по истории венгерской разговорной речи и ее аспектам кажется избыточной и невыполнимой в рамках статьи.

В работе Л. Хаадер [Haader 2004] представлена попытка применения прагматического подхода к историческому синтаксису. Автор исследует, как определяется прагматическими причинами выбор между придаточными условными и временными в поваренных книгах и лечебниках, причастными оборотами и придаточными предложениями в переводах церковных книг, а также указывает на обилие в легендах придаточных степени. В свою очередь, синтаксис, на который влияет использование языка, может стать источником новых грамматических изменений, таким образом интегрируются историческая грамматика и прагматика.

Работы исследовательниц Чиллы Дер, Адриенн Дёмётёр и Аниты Ширм [Dér 2008; Dér 2016; Dömötör 2008; Dömötör 2013; Schirm 2011] посвящены грамматикализации дискурсивных маркеров с экскурсом в их историю, поскольку проследить историю грамматикализации тех или иных выражений на базе исключительно венгерского современного материала иногда затруднительно, и необходимо обращаться к текстам прошлых веков, в том числе переводным с немецкого или латыни, поскольку многие дискурсивные маркеры представляют собой кальки с этих языков.

В рамках функционально-прагматического подхода разбирались такие исторические тексты, как врачебные рецепты XVI–XVII вв. [Kuna 2011] и письмовники XIX в. [Csontos 2012]. Следует упомянуть также работы Н. Чонтош, С. Татраи и А. Дёмётёр [Csontos, Tátrai 2008; Dömötör 1988; Dömötör 2002], где в рамках этого подхода рассматривается цитирование в текстах XV–XVIII вв.

Перечисленные выше труды венгерских исследователей являются примерами исторической прагматики без выраженного социального компонента, что обусловлено характером исследуемых текстов.

Целый пласт работ посвящен разбору процессов над ведьмами XVI–XVIII вв., поскольку в них «сохранился повседневный языковой узус очень широких низших слоев средневенгерского общества» [Balázs 2006, 159]. Их прагматические особенности описаны в диссертации М. Варги [Varga 2019], в работе Э. Коош [Koós 2008] исследуются разные способы выражения запросов (просьбы, жалобы, принуждения, пожелания) в ходе процессов, а статья Э. Ийефалви [Ilyefalvi 2010] посвящена угрозам, исходящим от ведьмы или ее жертвы. Автор приходит к выводу, что угроза, произнесенная ведьмой, считалась перлокутивным актом, а те же слова, произнесенные потерпевшим, не воспринимались как реально осуществимые в силу особого отношения к институту колдовства.

В ряде работ по социопрагматике исследуются частные письма XVI–XVII вв., написанные знатно и иллюстрирующие, в отличие от протоколов процессов над ведьмами, речь совершенно иных, более высоких кругов. Так, например, работа А. Хегедюша [Hegedűs 2017] посвящена выражению просьбы в частной переписке XVI в., где просьбы характеризуются избыточным, на современный взгляд, повторением их обоснования.

Работа П. Майца [Maitz 2008] представляет собой анализ пропаганды «овенгеривания» иностранных, прежде всего немецких, фамилий во второй половине XIX в. В рамках господствовавшей тогда идеологии «национального имени» носителей невенгерских фамилий побуждали к их изменению, «овенгериванию» для принятия в «национальное сообщество». При этом задачей пропаганды было не принудить, а путем манипуляций убедить людей, что «овенгеривание» немецкой фамилии — это их личный единственный политически и морально приемлемый выбор.

Таким образом, если в более ранний период в Венгрии к социопрагматической проблематике эпизодически обращались в основном диалектологи и историки языка, изучающие речь прошлых веков, оставаясь при этом в русле традиционного подхода, то в последние годы появились ученые, для которых исследование (социо)прагматики на историческом материале находится в фокусе внимания, их работы строятся на функционально-прагматическом подходе и ориентируются на достижения западноевропейской науки.

3. Категория вежливости

Обилие частных писем венгерских дворян XVI–XVII вв. предоставляет возможность для изучения категории вежливости и в рамках нее форм обращения. Здесь венгерская традиция также следует в русле западноевропейской.

Согласно Даниелю Кадару и Майклу Хоу, понятие вежливости не ограничивается традиционными актами языкового этикета, ее охват гораздо шире, туда включаются «все типы межличностного поведения, посредством которых мы учитываем чувства других относительно того, как, по их мнению, к ним следует относиться, вырабатывая и поддерживая наше чувство индивидуальности, а также наши межличностные отношения с другими» [Kádár, Naugh 2013, 1].

В исследовании вежливости выделяется три этапа, перечисленные в статье Ж. Шароши [Sárosi 2015a, 136–137]. Первый, «классический», тогда в соответствии с социальной психологией 1970-х гг., внимание фокусировалось на прагматических намерениях говорящего. Второй, «дискурсивный», относящийся к 2000-м, в это время уделялось больше внимания социокультурному контексту и восприятию слушателя. На третьем, «постдискурсивном» этапе, вежливость понимается как «межперсональное отношение», она подчеркивает важность конкретной оценки и возможность различных интерпретаций вежливости даже одним и тем же человеком. Эта точка зрения представлена в работах Дж. Калпеpera [Culpeper 2011, 428] и Д. Кадара и М. Хо [Kádár-Naugh 2013, 104].

Целями исторических исследований вежливости являются описание и сравнительный анализ (не)вежливости в историческом контексте, исследование изменений в вежливости и изменение или создание теорий и рамок исторической вежливости [Kádár, Culpeper 2010, 13]. Предметом исследования являются, с одной стороны, вежливые и невежливые речевые действия, практика вежливости, а с другой стороны, исторически и социокультурно сконструированная и в силу этого постоянно меняющаяся концепция вежливости. При этом наряду с универсальными принципами вежливости существуют принципы, зависящие от конкретной культуры и сообщества [Szili 2007, 14].

В Венгрии понятие вежливости на историческом языковом материале исследует Жофия Шароши, которой принадлежит также ряд упомянутых выше статей о переходе к прагматическому подходу в венгерской исторической лингвистике. Как уже было сказано, основным материалом для исторических исследований вежливости являются письма знати и протоколы процессов над веждами.

К примеру, формирование системы обращений «на ты» и «на вы» и их варьирование в текстах XVI–XVIII вв. в работах М. Кертеса, Ф. Пустаи, Б. Юргёди, Ю. Балаж [Kertész 1932; Pusztai 1967; Ürögdi 1998; Balázs 2006] исследуются с традиционной точки зрения, внимание уделено больше изменению системы обращений со временем, механизму ее формирования (включая не только местоимения, но и выражения типа «ваша милость»), ее формальным признакам (глагол во втором лице при обращении «на ты» и в третьем лице при обращении «на вы»).

В статье Ж. Шароши [Sárosi 2015b], напротив, обращения как в письмах дворян, так и в протоколах судебных заседаний, которые отражают речь более низких слоев населения, разбираются в рамках прагматического подхода. Шароши фокусируется на причинах мены обращений и приходит к выводу, что, помимо традиционного представления о сокращении/увеличении дистанции, сформулированного в работах Р. Брауна и А. Гилмана [Brown, Gilman 1968] и П. Браун и С. Левинсона [Brown, Levinson 1987], большую роль играет эмоциональная вовлеченность говорящего, которую необходимо исследовать в каждом акте отдельно с опорой на контекст, поскольку, например, положительные и отрицательные эмоции могут оказывать разное влияние на выбор обращения, не всегда напрямую совпадающее со сближением или дистанцированием собеседников [Sárosi 2015b, 298].

В другой, более ранней работе [Sárosi 1988] исследовательница на примере очень ограниченного корпуса писем представителей знатной семьи демонстрирует важность контекста при анализе обращений, поскольку в ряде случаев именно переход на «ты», отсутствие обращения, изменение титула при обращении являются не прямым средством выражения на письме эмоционального состояния отправителя. Так, дворянин Пал Телегди в одном из писем своей жене Кате Варда не выражает напрямую недовольства ее проступком, однако отсутствие ласкового обращения, неизменно присутствующего в остальных письмах, указывает на его гнев [Sárosi 1988, 845–846]. Кроме того, свою роль может сыграть также пол адресата (что частично обусловлено большим количеством вариантов именования замужних женщин в венгерском языке), поэтому появляются работы, например, Л. Немет [Németh 2014], посвященные именно обращениям к женщинам в исторических текстах.

4. Заключение

Таким образом, если на более ранних этапах исследования по исторической социопрагматике охватывали практически исключительно английский языковой материал, то в настоящее время наблюдается обращение к изучению социопрагматики на исторической базе и в других европейских странах, в частности, в Венгрии, и таким образом может быть заполнена определенная лакуна в национальной исторической науке. Если на начальных этапах формирования традиции изучения социопрагматики в Венгрии ею спорадически занимались историки языка, то к настоящему времени в венгерской лингвистике появились новые специалисты, и их число возрастает. Традиция изучения исторической

социопрагматики в Венгрии, как и в других странах, довольно молода, но активно развивается, чему способствует немалое количество доступного и опубликованного материала для исследования, прежде всего писем и протоколов процессов над ведьмами. Эти два основных типа источников отражают речь разных социальных слоев, что дает хорошую возможность для сравнения.

Несмотря на обилие источников, лишь меньшая их часть была изучена в рамках прагматического подхода, поэтому перспективным представляется исследование социопрагматических аспектов писем венгерских дворян, государственных и церковных деятелей, а также деловых и судебных документов, письмовников, лечебников и других текстов, содержащих инструкции.

Помимо расширения круга привлекаемых источников, дальнейшая исследовательская работа в этом русле предполагает сравнение венгерских данных с данными других европейских языков, поскольку в последнее время не только в Венгрии, но и в других странах растет число социопрагматических исследований исторических текстов на национальных языках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Archer D., Culpeper J.* Sociopragmatic annotation: New directions and possibilities in historical corpus linguistics // *Corpus linguistics by the lune: A Festschrift for Geoffrey Leech*, P. Lang Publ., 2003. Pp. 37–58.
- Balázs J.* A boszorkányperek megszólításformái: keresztnévi megszólítások // 101 írás Pusztai Ferenc tiszteletére. Budapest: Argumentum, 2006. Pp. 157–162.
- Brown R., Gilman A.* The pronouns of power and solidarity. Readings in the sociology of language. Hague: Mouton, 1968. Pp. 252–275.
- Brown P., Levinson S.* Politeness. Some Universals in Language Usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 345 p.
- Csontos N., Tátrai Sz.* Az idézés pragmatikai megközelítése // *Tanulmányok a funkcionális nyelvészet köréből. Általános Nyelvészeti Tanulmányok*, vol. 22, Budapest: Akadémiai Kiadó, 2008. Pp. 59–119.
- Csontos N.* Az interperszonalitás kérdése a 19. századi levelezőkönyvekben // *Az alkalmazott nyelvészet regionális és globális szerepe*. Budapest–Szombathely–Sopron: MANYE–NYME Publ., 2012. Pp. 15–221.
- Culpeper J., Crawshaw R., Harrison J.* “Activity types” and “discourse types”: Mediating “advice” in interactions between foreign language assistants and their supervisors in schools in France and England // *Multilingua*, vol. 27. Berlin: Mouton de Gruyter, 2008. Pp. 297–324.
- Culpeper J.* Historical sociopragmatics // *Historical Pragmatics. Handbooks of Pragmatics*, vol. 8. Berlin: Mouton de Gruyter, 2010. Pp. 69–96.
- Culpeper J.* Politeness and impoliteness // *Pragmatics of society*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2011. Pp. 391–436.
- Dér Cs.* Grammatikalizáció // *Nyelvtudományi Értekezések*, vol. 158. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2008. 149 p.
- Dér Cs.* A szerintem diskurzusjelölő szinkrón és diakrón vizsgálata // *Távlatok a mai magyar alkalmazott nyelvészetben*. Budapest: Tinta Könyvkiadó, 2016. Pp. 474–485.
- Dömötör A.* A grammatikailag jelölt idézések a könyvnyomtatás első évtizedeiben // *Magyar nyelv*, vol. 84 (3). Budapest: Akadémiai Kiadó, 1988. Pp. 283–295.
- Dömötör A.* Tendenciák az idéző főmondatok alakulásában a kései ómagyarban és a középmagyar kor elején // *Magyar nyelv*, vol. 98 (1). Budapest: Akadémiai Kiadó, 2002. Pp. 56–74.
- Dömötör A.* A hogy úgy mondjам diskurzusjelölő // *Magyar nyelv*, vol. 104, Budapest: Akadémiai Kiadó, 2008. Pp. 427–442.
- Dömötör A.* Idéző szerkezetből diskurzusjelölő elem: a mondván szerepei és története // *Grammatika és kontextus. Új szempontok az uráli nyelvek kutatásában*, vol. 3. Budapest: ELTE Publ, 2013. Pp. 20–30.
- Galgóczi L.* Régi magyar káromkodások // *A magyar nyelv rétegződése*, vol. 1. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1988. Pp. 350–357.
- Gergely P.* A közéleti és a beszélt nyelv viszonya az erdélyi fejedelemségben // *Hungarológia és dimenzionális nyelvsemlélet: Előadások a V. Nemzetközi Hungarológiai Kongresszuson*. Debrecen: Debreceni Egyetem Publ., 2002. Pp. 187–199.
- Haader L.* Változások a történeti szintaxisban — pragmatikai háttérrel // *Magyar Nyelvőr*, vol. 128 (4). Budapest: ELTE BTK Publ., 2004. Pp. 464–469.

- Hegedűs A. Adalék a kérés pragmatikájához – egy 16. századi magánlevél kapcsán // Jelentés és nyelvhasználat, vol. 4. Szeged: Szegedi Tudományegyetem Publ., 2017. Pp. 27–33.
- Ilyefalvi E. «[...] akár mi lletylen benneteket mingyart Emberre gyanakoztok». Boszorkányfenyegetések pragmatikai elemzése // XI. Rodosz konferenciakötet. Kolozsvár: Clear Vision, 2010. Pp. 75–92.
- Jacobs A., Jucker A. The Historical Perspective in Pragmatics // Historical Pragmatics. Pragmatic development in the history of English. Amsterdam–Philadelphia: John Benjamins Publ., 1995. Pp. 3–35.
- Jucker A. (ed.) Historical pragmatics. Pragmatic development in the history of English. Amsterdam–Philadelphia: John Benjamins Publ., 1995. 639 p.
- Jucker A. Historical pragmatics // Encyclopedia of Language and Linguistics. Oxford: Elsevier, 2006. Pp. 329–332.
- Juhász D. Magyar nyelvjárástörténet és történeti szociolingvisztika: tudományszemléleti kérdések // Hungarológia és dimenzionális nyelv szemlélet: Előadások a V. Nemzetközi Hungarológiai Kongresszuson. Debrecen: Debreceni Egyetem Publ., 2002. pp. 165–72.
- Kádár D., Culpeper J. Historical (Im)politeness. An Introduction // Historical (Im)politeness. Bern: Peter Lang Publ., 2010. Pp. 9–37.
- Kádár D., Haugh M. Understanding Politeness. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 295 p.
- Kertész M. Szállók az úrnak. Az udvarias magyar beszéd története. Budapest: Révai, 1932. 231 p.
- Koós E. A kérés beszédaktusa boszorkánypereinkben // Féluton, vol. 4. Budapest: ELTE BTK Publ., 2008. Pp. 1–13.
- Kuna Á. A 16–17. századi magyar nyelvű orvosi recept szövegtipológiai és pragmatikai vizsgálata funkcionális kognitív keretben. Doktori disszertáció / Budapest: ELTE BTK Publ., 2011. 128 p.
- Leech G. Principles of pragmatics. Harlow: Longman, 1983. 263 p.
- Maitz P. “A szent ügy”. A dualizmus kori névmagyarosítási propaganda nyelvészeti elemzése // Névtani Értesítő, vol. 30. Budapest: ELTE, 2008. Pp. 7–33.
- Morris Ch. Foundations of the Theory of Signs // International Encyclopedia of Unified Science, vol. 1 (2). Chicago: The University of Chicago Press, 1938. Pp. 1–59.
- Németh L. A nők megszólításának kérdése a Magyar Nyelvőr korai évfolyamaiban // Doktoranduszok a nyelvtudomány útjain. Féluton, vol. 4. Budapest: ELTE BTK Publ., 2014. Pp. 13–28.
- Nicholas N. Review of Jucker A. (ed.) Historical pragmatics. Pragmatic development in the history of English // Diachronica. Amsterdam–Philadelphia: John Benjamins Publ., 1998. Pp. 1–7.
- Pusztai F. Tegezés és magázás a XVIII. század első felében // Magyar Nyelv, vol. 63. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1967. Pp. 297–307.
- Pusztai F. Beszélt nyelv a középmagyarban // Névtani Értesítő, vol. 21. Budapest: ELTE BTK Publ., 1999. Pp. 380–386.
- Sárosi Zs. Megszólítás és említés néhány XVI. századi misszilisben // A magyar nyelv rétegződése, vol. 2. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1988. Pp. 841–848.
- Sárosi Zs. Történeti szociopragmatika: magyar nyelvtörténet más megközelítésben // Magyar Nyelv, vol. 99 (4). Budapest: Akadémiai Kiadó, 2003. Pp. 434–448.
- Sárosi Zs. Pragmatika, szociopragmatika, udvariasságkutatás a magyar nyelvtörténetben // Magyar Nyelv, vol. 111 (2). Budapest: Akadémiai Kiadó, 2015a. Pp. 129–147.
- Sárosi Zs. Grammatikai mechanizmus vagy pragmatikai döntés?: Tegezés és magázás váltogatása közép-magyar kori szövegekben // A nyelv dimenziói. Tanulmányok Juhász Dezső tiszteletére. Budapest: ELTE BTK Publ., 2015b. Pp. 291–300.
- Schirm A. A diszkurzusjelölők funkciói: a hát, az -e és a vajon elemek története és jelenkori szinkrón státusa alapján. Doktori disszertáció / Szeged: SZTE BTK Publ., 2011. 162 p.
- Szili K. Az udvariasság pragmatikája // Magyar Nyelvőr, vol. 131. Budapest: ELTE BTK Publ., 2007. Pp. 1–17.
- Ürögdi B. A magázás kialakulása XVI–XVIII. századi misszilisek alapján / Szakdolgozat. Budapest: ELTE BTK Publ., 1998.
- Varga M. Közép-magyar kori világi szövegek nyelvtörténeti vizsgálata, különös tekintettel a szövegtani és pragmatikai sajátosságokra. Doktori disszertáció / Budapest: ELTE BTK Publ., 2019. 265 p.
- Verschueren J. Understanding Pragmatics. London: Arnold, 1999. 309 p.
- Zellinger E. Gondolatok a magyar nyelvtörténet szociolingvisztikai szempontú megközelítéséhez // Magyar Nyelvjárások, vol. 38. Debrecen: Debreceni Egyetemi Kiadó, 1999. Pp. 505–512.
- Zellinger E. Történeti szociolingvisztikai vizsgálatok a „Húsvéti Népének” kapcsán // Magyar Nyelvjárások, vol. 41. Debrecen: Debreceni Egyetemi Kiadó, 2003. Pp. 675–684.

REFERENCES

- Archer D., Culpeper J. Sociopragmatic annotation: New directions and possibilities in historical corpus linguistics. *Corpus linguistics by the lune: A Festschrift for Geoffrey Leech*, P. Lang Publ., 2003, pp. 37–58.
- Balázs J. A boszorkányperek megszólításformái: keresztnévi megszólítások. *101 írás Pusztai Ferenc tiszteletére*. Budapest, Argumentum Publ., 2006, pp. 157–162.
- Brown R., Gilman A. The pronouns of power and solidarity. *Readings in the sociology of language*. The Hague, Mouton, 1968, pp. 252–275.
- Brown P., Levinson S. Politeness. Some Universals in Language Usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987, 345 p.
- Csontos N., Tátrai Sz. Az idézés pragmatikai megközelítése. *Tanulmányok a funkcionális nyelvészet köréből. Általános Nyelvészeti Tanulmányok*, vol. 22, Budapest, Akadémiai Kiadó, 2008, pp. 59–119.
- Csontos N. Az interperszonalitás kérdése a 19. századi levelezőkönyvekben. *Az alkalmazott nyelvészet regionális és globális szerepe*. Budapest; Szombathely; Sopron, MANYE–NYME Publ., 2012, pp. 15–221.
- Culpeper J., Crawshaw R., Harrison J. «Activity types» and «discourse types»: Mediating «advice» in interactions between foreign language assistants and their supervisors in schools in France and England. *Multilingua*, vol. 27. Berlin, Mouton de Gruyter, 2008, pp. 297–324.
- Culpeper J. Historical sociopragmatics. *Historical Pragmatics. Handbooks of Pragmatics*, vol. 8. Berlin, Mouton de Gruyter, 2010, pp. 69–96.
- Culpeper J. Politeness and impoliteness. *Pragmatics of society*. Berlin, Mouton de Gruyter, 2011, pp. 391–436.
- Dér Cs. Grammatikalizáció. *Nyelvtudományi Értekezések*, vol. 158. Budapest, Akadémiai Kiadó, 2008, 149 p.
- Dér Cs. A szerintem diskurzusjelölő szinkrón és diakrón vizsgálata. *Távlatok a mai magyar alkalmazott nyelvészetben*. Budapest, Tinta Könyvkiadó, 2016, pp. 474–485.
- Dömötör A. A grammatikailag jelölt idézések a könyvnyomtatás első évtizedeiben. *Magyar nyelv*, vol. 84 (3). Budapest, Akadémiai Kiadó, 1988, pp. 283–295.
- Dömötör A. Tendenciák az idéző főmondatok alakulásában a kései ómagyarban és a középmagyar kor elején. *Magyar nyelv*, vol. 98 (1). Budapest, Akadémiai Kiadó, 2002, pp. 56–74.
- Dömötör A. A hogy úgy mondjам diskurzusjelölő. *Magyar nyelv*, vol. 104, Budapest, Akadémiai Kiadó, 2008, pp. 427–442.
- Dömötör A. Idéző szerkezetből diskurzusjelölő elem: a mondván szerepei és története. *Grammatika és kontextus. Új szempontok az uráli nyelvek kutatásában*, vol. 3. Budapest, ELTE Publ., 2013, pp. 20–30.
- Galgóczi L. Régi magyar káromkodások. *A magyar nyelv rétegződése*, vol. 1. Budapest, Akadémiai Kiadó, 1988, pp. 350–357.
- Gergely P. A közéleti és a beszélt nyelv viszonya az erdélyi fejedelemségben. *Hungarológia és dimenzionális nyelvészlelet: Előadások a V. Nemzetközi Hungarológiai Kongresszuson*. Debrecen, Debreceni Egyetem Publ., 2002, pp. 187–199.
- Haader L. Változások a történeti szintaxisban – pragmatikai háttérrel. *Magyar Nyelvőr*, vol. 128 (4). Budapest, ELTE BTK Publ., 2004, pp. 464–469.
- Hegedűs A. Adalék a kérés pragmatikájához – egy 16. századi magánlevél kapcsán. *Jelentés és nyelvhasználat*, vol. 4. Szeged, Szegedi Tudományegyetem Publ., 2017, pp. 27–33.
- Ilyefalvi E. «[...] akár mi lellyen benneteket mingyart Emberre gyanakoztok». Boszorkányfenyegetések pragmatikai elemzése. *XI. Rodosz Konferenciakötet*. Kolozsvár, Clear Vision, 2010, pp. 75–92.
- Jacobs A., Jucker A. The Historical Perspective in Pragmatics. *Historical Pragmatics. Pragmatic development in the history of English*. Amsterdam–Philadelphia, John Benjamins Publ., 1995, pp. 3–35.
- Jucker A. (ed.) *Historical pragmatics. Pragmatic development in the history of English*. Amsterdam–Philadelphia, John Benjamins Publ., 1995, 639 p.
- Jucker A. Historical pragmatics. *Encyclopedia of Language and Linguistics*. Oxford, Elsevier, 2006, pp. 329–332.
- Juhász D. Magyar nyelvjárástörténet és történeti szociolingvisztika: tudománysszemléleti kérdések. *Hungarológia és dimenzionális nyelvészlelet: Előadások a V. Nemzetközi Hungarológiai Kongresszuson*. Debrecen, Debreceni Egyetem Publ., 2002, pp. 165–72.
- Kádár D., Culpeper J. Historical (Im)politeness. An Introduction. *Historical (Im)politeness*. Bern, Peter Lang Publ., 2010, pp. 9–37.
- Kádár D., Haugh M. Understanding Politeness. Cambridge, Cambridge University Press, 2013, 295 p.
- Kertész M. *Szállok az úrnak. Az udvari magyar beszéd története*. Budapest, Révai, 1932, 231 p.
- Koós E. A kérés beszédaktusa boszorkánypereinkben. *Féluton*, vol. 4. Budapest, ELTE BTK Publ., 2008, pp. 1–13.

- Kuna Á. A 16–17. századi magyar nyelvű orvosi recept szövegtypológiai és pragmatikai vizsgálata funkcionális kognitív keretben. Doktori disszertáció. Budapest, ELTE BTK Publ., 2011, 128 p.
- Leech G. *Principles of pragmatics*. Harlow, Longman, 1983, 263 p.
- Maitz P. «A szent ügy». A dualizmus kori névmagyarosítási propaganda nyelvészeti elemzése. *Névtani Értesítő*, vol. 30. Budapest, ELTE, 2008, pp. 7–33.
- Morris Ch. Foundations of the Theory of Signs. *International Encyclopedia of Unified Science*, vol. 1 (2). Chicago, The University of Chicago Press, 1938, pp. 1–59.
- Németh L. A nők megszólításának kérdése a Magyar Nyelvőr korai évfolyamaiban. *Doktoranduszok a nyelvtudomány útjain. Féluton*, vol. 4. Budapest, ELTE BTK Publ., 2014, pp. 13–28.
- Nicholas N. Review of Jucker A. (ed.) Historical pragmatics. Pragmatic development in the history of English. *Diachronica*. Amsterdam–Philadelphia, John Benjamins Publ., 1998, pp. 1–7.
- Pusztai F. Tegezés és magázás a XVIII. század első felében. *Magyar Nyelv*, vol. 63. Budapest, Akadémiai Kiadó, 1967, pp. 297–307.
- Pusztai F. Beszélt nyelv a középmagyarban. *Névtani Értesítő*, vol. 21. Budapest, ELTE BTK Publ., 1999, pp. 380–386.
- Sárosi Zs. Megszólítás és említés néhány XVI. századi misszilisben. *A magyar nyelv rétegződése*, vol. 2. Budapest, Akadémiai Kiadó, 1988, pp. 841–848.
- Sárosi Zs. Történeti szociopragmatika: magyar nyelvtörténet más megközelítésben. *Magyar Nyelv*, vol. 99 (4). Budapest, Akadémiai Kiadó, 2003, pp. 434–448.
- Sárosi Zs. Pragmatika, szociopragmatika, udvariasságkutatás a magyar nyelvtörténetben. *Magyar Nyelv*, vol. 111 (2). Budapest, Akadémiai Kiadó, 2015a, pp. 129–147.
- Sárosi Zs. Grammatikai mechanizmus vagy pragmatikai döntés?: Tegezés és magázás változtatása középmagyar kori szövegekben. *A nyelv dimenziói. Tanulmányok Juhász Dezső tiszteletére*. Budapest, ELTE BTK Publ., 2015b, pp. 291–300.
- Schirm A. *A diszkurzuszjelölők funkciói: a hát, az -e és a vajon elemek története és jelenkori szinkrón státusa alapján*. Doktori disszertáció. Szeged, SZTE BTK Publ., 2011, 162 p.
- Szili K. Az udvariasság pragmatikája. *Magyar Nyelvőr*, vol. 131. Budapest, ELTE BTK Publ., 2007, pp. 1–17.
- Ürögdi B. *A magázás kialakulása XVI–XVIII. századi misszilik alapján*. Szakdolgozat. Budapest, ELTE BTK Publ., 1998.
- Varga M. *Középmagyar kori világi szövegek nyelvtörténeti vizsgálata, különös tekintettel a szövegtani és pragmatikai sajátosságokra*. Doktori disszertáció. Budapest, ELTE BTK Publ., 2019, 265 p.
- Verschueren J. *Understanding Pragmatics*. London, Arnold, 1999, 309 p.
- Zellinger E. Gondolatok a magyar nyelvtörténet szociolingvisztikai szempontú megközelítéséhez. *Magyar Nyelvjárások*, vol. 38. Debrecen, Debreceni Egyetemi Kiadó, 1999, pp. 505–512.
- Zellinger E. Történeti szociolingvisztikai vizsgálatok a „Húsvéti Népének” kapcsán. *Magyar Nyelvjárások*, vol. 41. Debrecen, Debreceni Egyetemi Kiadó, 2003, pp. 675–684.

Received on 07.10.2024

Accepted on 15.12.2024

Информация об авторе:**Афанасьева Софья Андреевна**

аспирант

Институт славяноведения Российской
академии наук

г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-6316-0103

E-mail: timerina58@yandex.ru

Information about the author:**Sofya A. Afanasyeva**

Postgraduate Student

Institute of Slavic Studies,

Russian Academy of Sciences

Moscow, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-6316-0103

E-mail: timerina58@yandex.ru

Kde domov můj?

Сборник чешских литературных материалов о Первой мировой и русской Гражданской войнах / сост., пер. с чеш., предисл. и коммент. С. Солоуха. М.; СПб.: «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2024. 661 с.

© 2025 г. Е.П. Серапионова

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

e.serapionova@inslav.ru

Ссылка для цитирования: *Серапионова Е.П. Kde domov můj? Сборник чешских литературных материалов о Первой мировой и русской Гражданской войнах / сост., пер. с чеш., предисл. и коммент. С. Солоуха. М.; СПб.: «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2024. 661 с. // Славяноведение. 2025. № 4. С. 158–161. DOI: 10.31857/S0869544X25040132, EDN: VBCVPE*

Where is my Home?

Collection of Czech Literary Materials About the First World War and the Russian Civil War

© 2025 г. Elena P. Serapionova

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

e.serapionova@inslav.ru

For citation: *Elena P. Serapionova. Where is my Home? Collection of Czech Literary Materials About the First World War and the Russian Civil War // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2025. No. 4. P. 158–161. DOI: 10.31857/S0869544X25040132, EDN: VBCVPE*

В 2024 г. вышел в свет сборник литературных текстов чешских авторов о Первой мировой и Гражданской войнах в России в переводе на русский язык. Это произведения разных жанров и разных авторов. Здесь и исторические источники: дневник и воспоминания чехословацких legionеров, воевавших на стороне России и в России, а также автобиографические повесть, рассказ и даже главы из романа, авторами которых также были legionеры-участники указанных событий.

Составителем и переводчиком всех материалов является российский прозаик Сергей Солоух. Он же написал вступительные статьи к каждому тексту, а главное – подробные комментарии, свидетельствующие о хорошем знании legionерской тематики.

Выбор произведений не случаен. Автор хотел охватить всю историю пребывания чехов и словаков в России времен Великой войны (как называли Первую мировую современники), революции и Гражданской смуты.

Первая повесть под названием «Мариинск» принадлежит перу бывшего легионера, чешского писателя, журналиста, историка и переводчика Вацлава Хаба. Впервые она вместе с еще одним очерком «Кунгур» вышла отдельной книгой в Праге в 1931 г. с подзаголовком «Два образа сибирской войны». В ней рассказывается о самом начале вооруженного конфликта бойцов Чехословацкого корпуса, следовавших на Дальний Восток для переброски во Францию и продолжения борьбы на Западном фронте, с большевиками, заключившими Брестский мир с Центральными державами и тормозившими их продвижение на восток. Речь идет о конкретном эпизоде столкновения легионеров с красноармейцами в конце мая — начале июня 1918 г. в небольшом сибирском городке Мариинске. Это одно из первых сражений, которое чехословаки под командованием капитана Э. Кадлеца выиграли, несмотря на окружение и значительное численное превосходство войск большевиков. Сказались дисциплина, опыт военных сражений, умение тактически выстроить операцию. Автор начал повесть с описания сибирских просторов и самого города Мариинска, где стояли четыре эшелона: с бойцами корпуса, с советскими партизанами, едущими на восток для борьбы с атаманом Семеновым, с сербскими беженцами из южной России, которые стремились через Дальний Восток в Западную Европу, и эшелон немецких военнопленных. В это время состоялся челябинский съезд легионеров, принявший решение не подчиняться приказам большевиков и прорываться на восток. Автор противопоставил прекрасную сибирскую весеннюю природу ужасам войны, стрельбы, крови и смерти. А в боях участвовали молодые люди, им, — как он написал, — хотелось «жить, бегать, есть, чувствовать, любить» (с. 73). Расстрел чешского комиссара, который вел рабочих против чехословаков, автор назвал чем-то противостественным, но необходимым. Из диалога большевика с чехословаком становится ясно, что они совершенно не понимали друг друга, и у каждого была своя правда, каждый был уверен, что воюет за справедливое дело. В этом произведении можно найти не только географические описания, психологические моменты и боевые действия, но и первую реакцию местного населения на выступление чехословаков: «На станциях к бронепоезду выходили мужики, неказистые, деревенские, и с ними солдатики, и все кланялись, и от души благодарили за

избавление от злодеев, и приносили хлеб и масло, сыр и мясо» (с. 125). Это не выдумки, так как подобная реакция зафиксирована и в документах (см., например, «Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус 1914–1920. Документы и материалы. М., 2018. Т. 2. Чехословацкие легионы и Гражданская война в России 1918–1920 гг. С. 230, 237).

Вторая вещь — дневник полковника Й. Швеца (с. 133–384) — посвящена предшествующему периоду, и это тоже не случайно, так как надо было показать, откуда взялись в России чехословаки. Впервые дневник был издан в Праге в 1929 г. Он начинается с описания еще довоенного мирного Геленджика, куда молодой чешский учитель гимнастики приехал из Екатеринодара, где он работал, на каникулы. Здесь его застало известие о начале Первой мировой. Как настоящий «сокол» (так называли членов чешских национально-патриотических гимнастических обществ), преданный славянской идее, он решил, что должен идти воевать на стороне России. Перед нами Киев, где формируется Чешская дружина, затем отправка на фронт, там автор воюет вместе с Русской армией, переносит все тяготы, иногда голодает и добывает пищу, наступает и отступает в составе команды таких же «соколов». А затем другой период уже после революции, в окопах Зборов. Отступление с Украины. Дневник обрывается 17 мая 1918 г. еще до начала конфликта с большевиками. Он дополнен предсмертной запиской, которую уже полковник Й. Швец оставил перед самоубийством после отказа его подчиненных выполнить приказ выступить против большевиков, что он воспринял как позор и бесчестие. Эта жертва на время остановила деморализацию чехословацких частей, а сам Швец стал легендой и персонажем драмы Р. Медека «Полковник Швец» (1928).

Воспоминания Йозефа Мнехуры «Разведчики у Казани» впервые были напечатаны в брненском издательстве «Moravský legiónář» («Моравский легионер») в 1932 г., в рецензируемом сборнике они представлены в переводе на русский язык (с. 385–532). В них отражен период с января по сентябрь 1918 г. в жизни той чехословацкой части, где служил автор. Это время отступления с Украины на Дальний Восток. Здесь картины массового дезертирства с фронта и развала Русской армии. Описана сдача оружия легионерами в Пензе, ставшая условием пропуска легионеров во Владивосток. Показано нарастание напряжения в чехословацких эшелонах в связи с Челябинским

инцидентом, положившим начало конфликту с большевиками, захват Кургана и восторженная встреча чехословацких легионеров местным населением, вступление в Омск и вновь бурные приветствия местного населения, первоначальные надежды на скорое освобождение России от большевиков и восстановление демократической власти. Из Омска эти части направили обратно на Урал, а затем на Волгу для воссоединения с другой частью растянутых вдоль Транссибирской магистрали чехословацких эшелонов. Автор не скрывал отношения легионеров к чехским и словацким большевикам, которые, попав в плен, подлежали расстрелу. В центре повествования – вступление в Казань вместе с частями Народной армией КОМУЧа во главе с В.О. Каппелем и отступление из Казани. Мнехура описал погрузку золотого запаса, захваченного белыми и переправляемого из Казани в Самару. Есть у Мнехуры и воспоминания о стычках его разведывательного подразделения с большевиками, боевая мощь и число которых все возрастали. Автор не только изложил события, но попытался проанализировать причины первых побед легионеров и последующих поражений. В воспоминаниях отмечены богатство армейских казанских складов с продовольствием, оружием и боеприпасами и неумение русского командования армией КОМУЧа всем этим распорядиться, бюрократия и воровство. Возмущали автора воспоминаний слабость Народной армии и нежелание многих офицеров и солдат, находившихся в Казани, воевать. Ярко описано им отступление вместе с чехословацкими частями гражданских беженцев из Казани: «Пешком, на возах, верхом уходили из города мужчины, женщины, дети, старики, с тем малым, что можно было в спешке взять с собой. Отдельные воинские подразделения нужно было высматривать в массе этой волнуемой толпы, что насколько хватало глаз, текла и текла по казанской равнине вместе с нами к Каме» (с. 528). Это нежелание драться и бегство из города дало основание Мнехуре назвать Казань «трусливым» городом.

С. Солоух включил в книгу и несколько глав из романа Адольфа Земана «Васил Иннокентьевич. Частица сибирской эпопеи» (с. 533–646), написанного «по горячим следам» и увидевшего свет уже в 1922 г. В этих главах подробно описан четырехдневный штурм занятого белыми Иркутска войсками из восставших рабочих под управлением эсеровского Политцентра, наступавшими

партизанами и большевиками. Чехословаки здесь уже выступили как нейтральная сила, прекратившая конфликт с советской властью, которая лишь наблюдала за быстро менявшейся обстановкой в городе, чувствуя эсерам. Не осталось незамеченным автором крайнее противостояние разных групп населения в городе, показаны ужасы Гражданской войны: ожесточенные бои, тяготы гражданского населения – страх, голод, отсутствие электричества и отопления, разбойничьи нападения, грабеж, убийства. Крайне негативно описаны Земаном японцы и семеновцы, с которыми у легионеров были конфликтные отношения. Показал автор и слабость эсеровского Политцентра, не удержавшего власть в городе и передавшего ее большевикам. В произведении описана резкая смена отношения местного населения к чехословакам от любви до ненависти и желания, чтобы они поскорее оставили Россию. Автор ввел в повествование и сцену конвоирования по улице Колчака, выданного Политцентру. При этом Земан оправдывал это действо словами «чтобы избежать бессмысленного кровопролития» (с. 626–627). Главный герой романа Васил Иннокентьевич быстро менял позицию, переходил из колчаковской армии к эсерам, затем бежал с чехами. Вероятно, подобные случаи не были исключением, поэтому они и запечатлены Земаном.

Заключает книгу рассказ А. Земана «Сестра милосердия» (с. 649–659), впервые напечатанный в 1922 г. в Праге. В нем показана трагедия Гражданской войны, фанатизм сторон, бесчеловечность и жестокость войны как таковой, уносящей бесчисленные человеческие жизни, жизни молодых мужчин и красивых женщин.

Составитель и переводчик постарался в этой книге восстановить в целом ход событий, связанных с чехословацкой эпопеей, показать их как бы с другой стороны, глазами самих легионеров, что позволяет российским историкам лучше представить себе роль легионеров в Гражданской войне на востоке России, узнать их намерения и построения. В развернутых комментариях, которых в книге более тысячи, уточнены географические названия и в большинстве случаев идентифицированы по документам упоминающиеся в текстах имена, что само по себе составляет большую научно-поисковую работу. Представляется, что текст даже перегружен комментариями, особенно касающимися географических точек, но, возможно, С. Солоух хотел передать динамику

передвижения легионеров по российским просторам. Хотелось бы отметить, что автор полностью погружен в тему, в которой свободно ориентируется, освоил большой объем легионерской мемуаристики и документальных материалов.

Конечно, эти, как и любые другие такого рода материалы (воспоминания, дневники, документальная проза) являются весьма субъективными источниками, так как авторам всегда свойственно желание приукрасить себя, оправдать свои действия и подчеркнуть свою роль в описываемых событиях. Поэтому использование таких исторических источников требует их сопоставления с документами и мемуарами других представителей как красных, так и белых с тем, чтобы картина стала многомерной. Но вместе с тем, именно такого рода материалы

лучше всего передают дух времени и показывают отношения как внутри чехословацких частей, так и их отношения с бойцами Русской армии, эсерами, большевиками, колчаковской армией, семеновцами, а также с гражданским населением.

Перевод этих литературных произведений — дело непростое, так как в них много разговорной, жаргонной лексики. Но переводчик прекрасно справился с этой задачей. Книга переведена сочным (выразительным), красочным русским языком, что позволяет увидеть яркие картины происходившего. Стилистические погрешности перевода и опечатки весьма незначительны. Хотелось бы поздравить Сергея Солоуха с выходом этой замечательной книги и порекомендовать всем интересующимся указанной тематикой внимательно ознакомиться с ней.

Информация об авторе:

Серапионова Елена Павловна

доктор исторических наук, зав. отделом
ведущий научный сотрудник

Институт славяноведения

Российской академии

г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0003-0269-140X

E-mail: e.serapionova@inslav.ru

Information about the author:

Elena P. Serapionova

DSc. (History), Head of the Department,

Leading Research Fellow

Institute of Slavic Studies

Russian Academy of Sciences

Moscow, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-0269-140X

E-mail: e.serapionova@inslav.ru

Круглый стол «Травма истории: вербальный ресурс репрезентации и преодоления»

©2025 г. Е.В. Байдалова

Институт славяноведения Российской Академии наук
(Москва, Российская Федерация)

e.baydalova@inslav.ru

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ по проекту 24-28-00403 «Репрезентация и преодоление травматического опыта национального прошлого в литературах Центральной и Юго-Восточной Европы (последняя треть XX – начало XXI вв.)».

Ссылка для цитирования: Байдалова Е.В. Круглый стол «Травма истории: вербальный ресурс репрезентации и преодоления» // *Славяноведение*. 2025. № 4. С. 162–166. DOI: 10.31857/S0869544X25040144, EDN: VBEDPS

Round Table «Trauma of History: Verbal Resource of Representation and Overcoming»

©2025. Ekaterina V. Baydalova

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

e.baydalova@inslav.ru

The research was conducted with the support of the Russian Science Foundation grant under project 24-28-00403 «Representation and Overcoming of Traumatic Experience of National Pasts in the Literatures of Central and Southeastern Europe (late third of the twentieth – early twenty-first centuries)»

For citation: Ekaterina V. Baydalova. Round Table «Trauma of History: Verbal Resource of Representation and Overcoming» // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences*. = *Slavyanovedenie*. 2025. No. 4. P. 162–166. DOI: 10.31857/S0869544X25040144, EDN: VBEDPS

8 апреля 2025 г. в Институте славяноведения РАН и на платформе Zoom состоялся круглый стол «Травма истории: вербальный ресурс репрезентации и преодоления». Он был организован Отделом современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения при поддержке гранта РНФ по проекту 24-28-00403 «Репрезентация и преодоление травматического опыта национального прошлого в литературах Центральной и Юго-Восточной Европы (последняя треть XX – начало XXI вв.)».

Актуальность темы обусловлена растущим интересом к проблеме репрезентации травматического опыта в современных реалиях. Вербальные стратегии осмысления исторических событий часто становятся мостом между индивидуальной и коллективной памятью. В ходе работы круглого стола был рассмотрен круг проблем, касающихся художественных возможностей передачи травматической памяти в разных поколениях, выявлены художественные средства, используемые для репрезентации и проработки травматического опыта национального прошлого.

В своем вступительном слове руководитель гранта, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения И.Е. Адельгейм подчеркнула, что участников проекта интересует не просто *проблематика* травмы (мимо которой при исследовании литератур ЦЮВЕ пройти практически невозможно), но в первую очередь определенная *оптика*. Она позволяет увидеть, чему (на уровне «микро» и «макро») служат художественные приемы, уточнить логику развития национальных нарративов, понять причины и формы актуализации определенной проблематики в те или иные исторические отрезки и в итоге приблизиться к ответу на вопрос, зачем человечеству нужна литература.

Первая часть выступлений была посвящена травме войны и ее последствий и состояла из двух подсекций: Вторая мировая война и война на Балканах. В первой подсекции выступили Н.Н. Старикова, И.Е. Адельгейм и А.Ю. Пескова. Доклад *Н.Н. Стариковой*, заведующей Отдела современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения, назывался «“Наши придуманные истории взяты из жизни”: роман Д. Янчара “Этой ночью я ее видел” в контексте осмысления травмы национального прошлого». На фоне широкого исторического экскурса был представлен роман выдающегося современного писателя Словении Д. Янчара «Этой ночью я ее видел» (2010), где национальная трагедия периода Второй мировой войны (раскол словенского общества на героев сопротивления — антифашистов и пособников оккупантов — «домобранцев», воевавших друг против друга) впервые показана не как противостояние победителей и побежденных, «своих» и «чужих», а как диалектика взаимодействия личной судьбы и европейской истории. Полифоническая нарративная структура отвечает главной модальности авторской позиции — избежать идеологически окрашенных трактовок. В ходе выступления Н.Н. Старикова подчеркнула, что в переносе фокуса с политически ангажированного дискурса на экзистенциальный Янчар видит возможность изменить болезненно острое отношение словенцев к событиям военного прошлого и тем самым через художественное слово дать толчок к осмыслению и преодолению неизжитой исторической травмы.

И.Е. Адельгейм представила доклад «Артикуляция травмы Холокоста в прозе Михала Гловиньского». Он был посвящен автобиографической прозе крупнейшего польского литературоведа М. Гловиньского, одного из представителей «поздних свидетельств» о Холокосте (1998–2016). В выступлении были рассмотрены причины, препятствовавшие необходимой для преодоления травмы систематической, последовательной ее вербализации в период ПНР (отсутствие безопасной среды), а также проанализированы особенности повествования Гловиньского и их художественно-психологические предпосылки и задачи (в том числе характерные отличия текстов, знаменующих разные стадии работы над травмой). Были представлены результаты исследования фрагментарности наррации и ее связь со спецификой травмированной детской памяти, отделенной от момента артикуляции временной дистанцией, подчеркнуто, что

мозаичность повествования оказывается свидетельством ограниченной выразимости Холокоста и нарушенной им преемственности. И.Е. Адельгейм отметила аутопсихотерапевтическую значимость реконструкции не только фактов, но и эмоций, а также проанализировала задачи введения метатекста как инструмента диалога с собой-ребенком, объединения биографии, обретения власти над ее смыслами. В заключение был сделан вывод, что автобиографическое повествование Гловиньского направлено в конечном счете на интегрирование фрагментов текста жизни в единый текст судьбы, а проработка травмы при помощи автобиографического повествования позволяет также (терапевтически) трансформировать смысл трагедии.

Заключительным докладом, представляющим травму Второй мировой войны, было выступление *А.Ю. Песковой* «Репрезентация истории переселения карпатских немцев в словацком культурном пространстве как путь преодоления национальной травмы». История массовых переселений, насильственных акций и расправ над немецким населением Словакии (так называемыми карпатскими немцами) явилась глубокой национальной травмой как для самих немцев, так и для словацкого народа. В последние десятилетия происходит проработка этой травмы с помощью артикуляции и репрезентации в культурном пространстве через пространственную локализацию (организацию мемориалов, музеев, исторических памятников), научную, научно-популярную, художественную литературу и театральные постановки. Особое внимание в докладе было уделено анализу пьесы Марцела Ганачека «Домой!», постановка которой осуществлялась в стенах городского замка г. Кежмарок непосредственно на том месте, где в 1944 г. был организован сборно-распределительный пункт карпатских немцев.

В подсекции, посвященной войне на Балканах, прозвучали два доклада, раскрывающие нарративные стратегии работы с травматическим наследием конфликта. *Е.В. Шатько* выступила с докладом «Изображение военных действий в современной боснийской литературе», в котором на материале «осажденной» (Дж. Карахасан, М. Ергович, К. Заимович) и послевоенной (В. Капор, О. Кебо, Н. Любич) боснийской литературы были показаны разные подходы к изображению военных действий 1990-х годов на территории распадающейся Югославии. Основное исследовательское внимание было сосредоточено на художественных средствах (ольфакторная, аудиальная, визуальная образность), используемых для создания образа войны, а также сравнении художественных стратегий авторов разных поколений и выявлении определенных закономерностей в создании образа войны в диахронии.

А.В. Усачева в своем выступлении «Война на Балканах в пьесах М. Вишнека: к проблеме нарративных стратегий преодоления травмы свидетеля» обратилась к еще одной грани травматического опыта: травме свидетеля. Нарратив об этом виде травмы анализируется на основе двух пьес франко-румынского писателя Матея Вишнека, которые стали в 2016 г. частью «Балканской трилогии»: «О женской сексуальности как поле боя в боснийской войне» (1996–1997) и «Слово *прогресс*, произнесенное мамой, звучит ужасно фальшиво» (2005). В них автор рассказывает о сложной судьбе Балкан и вербализует свой опыт непосредственного свидетеля: в их основу лег новостной материал, с которым Вишнек работал в 1990-е годы как радиожурналист. В докладе были выявлены некоторые нарративные стратегии, используемые для проработки этого травматического опыта: **ирония и гротеск**, метафорическое изображение военного насилия (женское тело как «поле битвы»), фрагментарность текста, стимулирование

зрительской эмпатии, жизнеутверждающие финалы, — что в совокупности приводит к преодолению чувства вины.

Следующая часть круглого стола «“Мирное” время: историческое и личное» также состояла из двух подсекций. Первая была посвящена коллективным травмам послевоенного периода, вторая — болевым точкам личной/национальной идентичности. В выступлении *И.А. Герчиковой* «“Август 68-го все еще болит...?” Генетическая память, травма и осмысление опыта через поколения» рассматривались осмысление и преодоление в Чехии одного из наиболее травмирующих национальное сознание событий, которое широко и разносторонне изображается в различных чешских текстах, начиная с 1970-х годов. Однако, по мнению докладчицы, эта травма даже через 60 лет остается неизлеченной, а чешское национальное мышление находится в травмированном состоянии.

Н.А. Лунькова в докладе «“Боль откровения” М. Карахюсеинова: диалектика травмы» сосредоточилась на исследовании специфики и динамики художественного воплощения травмы в антологии поэзии «Боль откровения» болгарского поэта турецкого происхождения Мехмеда Карахюсеинова. В поэтике стихотворений автора была выявлена симптоматика посттравматического расстройства и проанализировано ее художественное воплощение. *Н.А. Лунькова* в своем выступлении подчеркнула, что поэзия была для Карахюсеинова своего рода дневником травматизации, способом фиксации собственных реакций на вмешательство в идентичность и возможностью их осмысления. Через разные аспекты психологического состояния лирического героя — носителя автобиографических черт — можно увидеть диалектику травмы писателя: хроническое нервное перевозбуждение, испытываемое лирическим героем, сочетается с навязчивыми мыслями, чувством вины за невозможность повлиять на жестокость властей по отношению к членам его национального меньшинства, интрузивными воспоминаниями и отстраненностью, уходом в себя.

Вторую подсекцию открыло выступление *Е.В. Байдаловой* «(Не)примирение с историей в романах О. Забужко», в котором было проанализировано конструирование нарративов о трагических исторических событиях XX в. на территории Украины в романах О. Забужко «Полевые исследования украинского секса» и «Музей заброшенных секретов». В докладе подчеркивалось, что подобные нарративы, будучи частью современной украинской культуры, становятся также частью коммеморативной культуры, коллективной памяти. Было отмечено, что писательница использует мнемонический нарратив, работает не только с сознанием, но и с подсознанием героев, при этом актуализируются замалчиваемые ранее события общей, семейной и личной истории, а травматичный опыт прошлого может деформировать воспоминания, не реконструировать, а деконструировать их. Был сделан вывод о том, что травмированное сознание трансформирует в романах память о значимом прошлом так, что воспоминания о нем становятся триггером для очередного витка борьбы за национальную, гендерную, творческую идентичность.

С.А. Кожина выступила с докладом «Текст против забвения: Смерть в произведениях Д. Годровой», в котором рассмотрела ключевой мотив в произведениях чешской писательницы: мотив смерти. Он реализуется сразу в нескольких аспектах структуры текстов: композиционном (исходный пункт инициационного процесса); пространственном (частым локусом в романах являются кладбища, как гетеротопии, особые пространства контакта живого и мертвого); сюжетном (утрата родных и восстановление памяти о них); мотивном (как таинства посвящения, пугающего нечто, присутствующего в жизни субъектов); а также в системе персонажей (марионетка Смерть всегда сидит в углу рассказчика,

наблюдает за ним, играет в игры с другими куклами, хоть и лишена прямой речи). По мысли докладчицы, примечательным является то, что истинной смертью становится утрата памяти: о событиях, близких, родных, о себе самом, своем прошлом. Было отмечено, что в своих произведениях Годрова направляет нарратив к теме смерти с целью преодоления танатического страха путем воскрешения воспоминаний. Воспоминания, текст становятся единственным способом осознания Смерти и своего рода ее преодолением.

В завершение работы круглого стола прозвучало выступление *Л.Ф. Широковой* «Сочетанные травмы взросления: героини романов М. Компаниковой и И. Гибовой», где были проанализированы романы словацких писательниц Моники Компаниковой «Пятый корабль» (2010) и Иваны Гибовой «Бабушка©» (2024), которые можно отнести к типу романа воспитания. Временной промежуток между романами (15 лет) подчеркивает устойчивость проблематики травмы в контексте постсоциалистических преобразований. Ранний травмирующий опыт главных героинь (агрессивное социальное окружение, слом общественной системы, «дикий капитализм» 1990-х годов, неблагополучные семьи, ранний первый сексуальный опыт) становится частью их идентичности. Был сделан следующий вывод: сочетанные травмы взросления в романах Компаниковой и Гибовой – это не только личная история героинь, но и отражение коллективного опыта поколения, столкнувшегося с радикальными социальными переменами.

Круглый стол «Травма истории: вербальный ресурс репрезентации и преодоления» продемонстрировал, что нарративные практики остаются ключевыми инструментами как фиксации исторических травм, так и их осмысления. Художественные тексты становятся инструментами «проживания» травмы, трансформируя ее в ресурс для диалога и самопознания. Необходимо отметить содержательную насыщенность прозвучавших на круглом столе выступлений, а также продуктивность дискуссий, позволяющую продолжить исследование новых аспектов репрезентации и преодоления травматического опыта стран ЦЮВЕ.

Информация об авторе:

Байдалова Екатерина Викторовна
научный сотрудник
Институт славяноведения Российской
академии наук
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-6263-8358
E-mail: e.baydalova@inslav.ru

Information about the author:

Ekaterina V. Baydalova
Researcher
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of
Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-6263-8358
E-mail: e.baydalova@inslav.ru

Славяноведение, 2025, № 4, с. 167–170

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2025, No. 4, pp. 167–170

DOI: 10.31857/S0869544X25040158, EDN: VBGSQN

Оригинальная статья / Original Article

VI Научно-практический семинар «Школа сербистики.
Доминанты сербской культуры»

© 2025 г. Р. Драгичевич^{1,*}, Е.И. Якушкина^{2,**}

¹Белградский университет
(Белград, Сербия)

²Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
(Москва, Российская Федерация)

*rajna.dragicevic@fil.bg.ac.rs
**jkatia@yandex.ru

Ссылка для цитирования: Драгичевич Р., Якушкина Е.И. VI Научно-практический семинар «Школа сербистики. Доминанты сербской культуры» // Славяноведение. 2025. № 4. С. 167–170. DOI: 10.31857/S0869544X25040158, EDN: VBGSQN

VI Academic Seminar “School of Serbian Studies.
Dominants of Serbian Culture”

© 2025. Rajna Dragičević^{1,*}, Ekaterina I. Yakushkina^{2,**}

¹University of Belgrade
(Belgrade, Serbia)

²Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russian Federation)

*rajna.dragicevic@fil.bg.ac.rs
**jkatia@yandex.ru

For citation: Rajna Dragičević, Ekaterina I. Yakushkina. VI Academic Seminar “School of Serbian Studies. Dominants of Serbian Culture” // Slavic studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2025. No. 4. P. 167–170. DOI: 10.31857/S0869544X25040158, EDN: VBGSQN

«Школа сербистики» – это образовательный и научный проект, совместно реализуемый с 2019 г. филологическим факультетом МГУ им. М.В. Ломоносова, Институтом лингвистических исследований РАН, Институтом славяноведения РАН, филологическим факультетом Белградского университета и группой компаний «Комита». Научным руководителем школы является А.Н. Соболев, в оргкомитет входят Р. Драгичевич, А.А. Плотникова и Е.И. Якушкина.

Главной целью проекта является расширение научного знания о сербском языке, литературе, истории и выявление и исследование его наиболее

значимых составляющих, в связи с чем проект получил название «Доминанты сербской культуры». Проект прежде всего представляет взгляд российской науки на сербскую культуру, и в том числе направлен на изучение русско-сербских языковых, исторических и культурных связей. Проект ориентирован на молодежную аудиторию — студентов и аспирантов, занимающихся сербистикой или интересующихся ею. Но не в меньшей степени в его задачи входит обобщение гуманитарного знания о том, что такое Сербия. Преподаватели представляют на семинаре свои исследования в форме лекций, а студенты — в форме докладов, причем лекции обычно обобщают результаты многолетних и часто на момент прочтения лекций еще не опубликованных исследований, а доклады — курсовых, дипломных и диссертационных работ. Таким образом, школа имеет форму не только учебного семинара, но и конференции. Каждый год в семинаре участвует около 50 студентов и преподавателей из России, Белоруссии, Сербии, Республики Сербской и Черногории. С материалами прошедших школ можно ознакомиться на сайте <https://serb.philol.msu.ru>, а также в сборнике (см.: Доминанты сербской культуры. Сборник лекций школы сербистики. М.: Макс-пресс, 2023).

В рамках пяти предыдущих школ (очные школы проходили в Красноводово (МГУ), Москве (ИСл РАН) и Сергиевом Посаде (Московская духовная академия)), в качестве лекторов выступали А.Н. Соболев, А.А. Турилов, Л.В. Кузьмичева, А.С. Аникеев, А.А. Плотникова, С.М. Толстая, Ж.Л. Левшина, А.Г. Шешкен, Е.В. Шатько, К.В. Мельчакова, А.М. Дронов, Д.Г. Полонский, Е.И. Якушкина, Г.П. Пилипенко, Р. Драгичевич, В. Савич, С. Милорадович, Б. Сикимич, Д. Иванич, Д. Грбич, Д. Црняк, Б. Вранеш, М. Джурич, Д. Попович-Николич.

VI Школа сербистики под названием «Сербский язык и сербская культура как донор и реципиент» прошла в Институте лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург) с 30 сентября по 3 октября 2024 г. В качестве лекторов в рамках школы выступили А.Н. Соболев, Л.В. Кузьмичева, Р. Драгичевич, Е. Йованович, В. Ломпар и М. Ломпар.

Р. Драгичевич (Белград, Сербия) прочитала лекцию «Видимое и невидимое влияние английского языка на сербскую лексику». Лекция была посвящена новым словам в сербском языке, выявленным через электронный корпус сербского языка, на основе которого создается новый многотомный словарь Матицы сербской. Большинство новых слов составляют англицизмы, очевидные и неочевидные, возникшие на почве сербского языка и на базе славянского лексического материала, но под невидимым влиянием английского: *блогиња* (блог - + -иња); *Еврогорци* (*европски* + *Црногорци*). Часто такие слова входят в сербский язык целыми группами: *евроактивиста*, *евроглобализам*, *евроскептик*; *екоакција*, *екоанархија*; *биотероризам*, *биоцентризам*. Под влиянием американских СМИ все больше распространяется стилистика сенсации, для которой характерно чрезмерное упоребление лексем *шок*, *хаос*, *апокалипса* и т.д.

Л.В. Кузьмичева (Москва, Россия) в лекции «Сербская тема в культурной и общественной жизни России во второй половине XIX — начале XX века» показала, насколько большое место Сербия занимала в русском сознании в период освобождения Балкан от турок, Балканских войн и накануне Первой мировой войны. Эти исторические моменты вызвали в русском обществе сильный эмоциональный отклик, сербская тема вошла в русскую литературу («Анна Каренина»), музыку («Славянский марш» П.И. Чайковского, марш «Прощание славянки»), живопись («Дневник русского добровольца. От Киева до Делиграда»

В.Д. Поленова), а в периодической печати (журнал «Всемирная иллюстрация») выходили материалы, знакомящие с Сербией. Об актуальности сербской темы для русского общества также свидетельствует деятельность помогавших Сербии славянских благотворительных комитетов, активное участие русских добровольцев в войне 1876 г., династические браки.

А.Н. Соболев (Санкт-Петербург, Россия) прочел лекцию «Сербский язык как донор и реципиент». В лекции был рассмотрен современный подход к изучению языковых контактов, которые в настоящее время представляют собой приоритетный объект исследования в мировой лингвистике. Это связано с интересом к причинам и процессам языковых изменений и, следовательно, к механизмам языковой эволюции: стремится мир к монолингвальности или к нарастанию языковой вариативности, унификации или дроблению? В настоящее время объектом исследования контактологии являются не абстрактные системы контактирующих языков, а речь индивидуумов, единицы которой подвергаются изменениям в результате контакта. А.Н. Соболев остановился на вопросе причин лексических заимствований, проблеме установления направления заимствования и определения роли контактирующих сторон в процессе обмена данными.

М. Ломпар (Белград, Сербия) в лекции «Проблема самозванца и “Лжецарь Степан Малый” Петра II Петровича Негоша: Шиллер и Пушкин» дал современное прочтение произведения великого сербского поэта, обозначив его европейский контекст и общецивилизационный смысл. Если «Горный венец» представляет героическую модель поведения человека, то в «Лжецаре» то же общество показано с его изнаночной, негероической стороны (народ как масса), а главный герой — не совершитель подвига, а обманщик, имеющий демоническую природу. Этот образ связывается с идеей Антихриста, а поэма трактуется как парабол.

Е. Йованович (Белград, Сербия) в лекции «Сербская вокальная музыкальная традиция (народное пение) в свете культурных контактов» дала обзор форм сельского и городского пения и влияния на них соседних традиций. В лекции была раскрыта роль пения в народной культуре как общения с природой и физического раскрепощения, история записей сербской народной вокалической традиции, начиная с П. Гекторовича, степень сохранности традиции в наши дни; описаны типы пения, типы тоновой структуры сербской народной песни и сходство шумадийской структуры с полесской, типы концовок и соотношение их с соответствующими типами соседних с Сербией стран. Относительно городского пения выделяется ориентальное, средиземноморское и немецкое влияние, а также частое заимствование мелодий и текстов из других культур.

В. Ломпар (Белград, Сербия) рассказала о возможностях использования лексических и грамматических игр в преподавании сербского языка (как иностранного). Разработанные на базе традиционных развивающих и логических игр, языковые игры позволяют активизировать и систематизировать знания даже на уровне владения иностранным языком как родным.

Студенты представляли свои доклады в рамках лингвистической, историко-культурологической и литературоведческой секций. В лингвистических докладах были затронуты такие темы, как влияние русской графики на сербскую в XVIII в., средневековый антропонимикон Боснии и Хума, германизмы и ориентализмы в сербском языке, влияние сербского языка на словенский, специфическая лексика г. Нови-Сад, сербские прозвища, фразеологизмы с названиями народов и стран, лингвокультурологическая интерпретация эвфемизмов

в сербском языке, деривационный потенциал глагольных англицизмов и др. Один доклад был посвящен грамматической теме – вторичной имперфетивации в сербском языке на примере глаголов с приставкой *с-*. В литературоведческой секции были рассмотрены темы от сербских эпических песен до классиков XX в. Д. Киша и М. Селимовича. В секциях, посвященных сербской истории и культуре, особое внимание уделялось русско-сербским связям: влиянию эмиграции на сербскую культуру, церковным связям. Также были сделаны доклады о архиепископе Данииле, митрополите Василии Петровиче, Илье Гарашанине и др.

Говоря о Школе сербистики, особо хочется отметить важность сотрудничества, которое устанавливается между сербскими и российскими студентами. В рамках школы удалось создать научное сообщество сербистов-единомышленников, которое в будущем много может дать российской и сербской славистике и способствовать укреплению связей между нашими народами.

Информация об авторе:**Драгичевич Райна**

доктор филологических наук, профессор
Белградский университет
г. Белград, Сербия
E-mail: rajna.dragicevic@fil.bg.ac.rs

Якушкина Екатерина Ивановна

доктор филологических наук, профессор
Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-0052-1338
E-mail: jkatia@yandex.ru

Information about the author:**Rajna Dragićević**

DSc. (Philology), Professor
University of Belgrade
Belgrade, Serbia
E-mail: rajna.dragicevic@fil.bg.ac.rs

Ekaterina I. Yakushkina

DSc. (Philology), Professor
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-0052-1338
E-mail: jkatia@yandex.ru

Оригинальная статья / Original Article

В.Я. Петрухин и его вклад в изучение Древней Руси (к 75-летию ученого)

© 2025 г. Д.А. Боровков

(Москва, Российская Федерация)

brancalone85@mail.ru

Ссылка для цитирования: Боровков Д.А. В.Я. Петрухин и его вклад в изучение Древней Руси (к 75-летию ученого) // *Славяноведение*. 2025. № 4. С. 171–172.

V.Ya. Petrukhin and his Contribution to the Study of Old Russia (Dedicated to the 75th Anniversary of the Scholar)

© 2025. Dmitry A. Borovkov

(Moscow, Russian Federation)

brancalone85@mail.ru

For citation: Dmitry A. Borovkov. V.Ya. Petrukhin and his Contribution to the Study of Old Russia (Dedicated to the 75th Anniversary of the Scholar) // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences* = *Slavyanovedenie*. 2025. No. 4. P. 171–172.

В этом году исполняется 75 лет доктору исторических наук, профессору, главному научному сотруднику Института славяноведения Владимиру Яковлевичу Петрухину, члену редколлегии журналов «Славяноведение», «Живая старина» и других научных и популярных изданий.

В.Я. Петрухин родился в Подмосковье, в городе Пушкине, 25 июля 1950 г. После окончания кафедры археологии исторического факультета МГУ (научный руководитель профессор Д.А. Авдусин) с 1975 по 1991 г. работал в научном издательстве «Большая Советская энциклопедия». С 1992 г. В.Я. Петрухин работает в Институте славяноведения РАН, где в 1994 г. он защитил докторскую диссертацию «Проблемы этнокультурной истории славян и руси в IX–XI вв.». Он также преподает в высших учебных заведениях: с 1991 по 2004 г. являлся профессором Высшей гуманитарной школы им. Ш. Дубнова, с 1997 по 2016 гг. – ИАИ РГГУ, с 2015 г. – профессор НИУ «Высшая школа экономики».

Вот уже более полувека творческий путь В.Я. Петрухина в науке связан с изучением Древней Руси в самых разных аспектах гуманитарного знания – фолклористики, источниковедения, археологии. С 1970 г. он участвует в раскопках

археологического комплекса в Гнёздове в рамках созданной Д.А. Авдусиным Смоленской археологической экспедиции, но предметом его научных интересов является не только археология.

В конце 1980-х годов Владимир Яковлевич обратился к проблемам становления древнерусской государственности в связи с переоценкой в поздней советской историографии роли варягов в Древней Руси, в частности, связанной с проблемой достоверности летописного «Сказания о призвании варягов».

Многочисленные работы В.Я. Петрухина по истории Древней Руси. Наиболее крупными являются монографии: «Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков». М.; Смоленск, 1995; «Очерки истории народов России в древности и раннем Средневековье» (в соавторстве с Д.С. Раевским). М., 1998; «Древняя Русь. Народ. Князья. Религия». М., 2000; «Русь в IX–X веках. От призвания варягов до выбора веры». М., 2013 и др. В этих работах наблюдается тенденция к преодолению наиболее одиозных стереотипов и синтезу с другими, отличающимися от господствовавших в советской историографии концепциями, вследствие чего в его трудах рядом с элементами феодальной парадигмы, в рамках которой древнерусская государственность характеризовалась как «раннефеодальная», присутствуют элементы родовой и общинно-вечевой теорий, а с достижениями современной историографии соседствуют достижения дореволюционной исторической науки.

Это утверждение справедливо как для социально-политических и этнокультурных аспектов исследований В.Я. Петрухина, учитывающих варяжское и хазарское влияние на формирование восточнославянской государственности, так и для исследований, касающихся источниковедческих проблем Повести временных лет (ПВЛ), над текстологическим изучением которой он плодотворно работает на протяжении трети века.

Одним из последних достижений исследователя на этом поприще является новая датировка так называемого предисловия к Новгородской I летописи младшего извода, которое со времени А.А. Шахматова рассматривалось как предисловие к гипотетическому Начальному своду конца XI в., предшествующему ПВЛ, тогда как в результате наблюдений В.Я. Петрухина над использованными в нем «этикетными» литературными формулами, появилось основание отнести его к новгородскому летописанию XIII в.

В последние годы В.Я. Петрухин выпустил в свет и ряд книг, посвященных фольклорно-мифологическим сюжетам, среди которых «Мифы языческой Скандинавии» (М., 2023), «Карело-финские мифы. От “Калевалы” и птицы-демиурга до чуди и саамов» (М., 2023), «Финно-угорская мифология. По следам «Калевалы»» (М., 2024) и др.

Автор желает юбиляру благополучия и дальнейшей плодотворной работы.

Дирекция и коллектив Института славяноведения РАН, редколлегия и редакция журнала «Славяноведение» присоединяются к поздравлению и желают Владимиру Яковлевичу здоровья и творческих успехов.

Информация об авторе:

Боровков Дмитрий Александрович
кандидат исторических наук,
независимый исследователь
г. Москва. Российская Федерация
E-mail: brancalone85@mail.ru

Information about the author:

Dmitry A. Borovkov
PhD (History),
Independent Scholar
Moscow, Russian Federation
E-mail: brancalone85@mail.ru